

Анна Джолос

Опасная связь

«Литнет»

2022

Джолос А.

Опасная связь / А. Джолос — «Литнет», 2022

♥# Юная, бойкая и отчаянно смелая Сашка появилась в жизни Ильи при странных обстоятельствах. Ворвалась в неё рыжим ураганом, стремительно разнесла всё к чертям и засела болезненной занозой глубоко под кожей. Строптивая дочь подполковника и обаятельный бандит. Опасный тандем. Дикая смесь, взрывное сочетание. Она без конца повторяет, что у них нет будущего, а он раз за разом убеждает её в обратном... _____ История Ильи Паровозова и Саши Харитоновой#острый сюжет #эмоции на грани #страсть и любовь #сложные отношения #запретные чувства

© Джолос А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1 Невеста с сюрпризом	5
Глава 2 Рокировка	10
Глава 3 Покатушки	16
Глава 4 Визит	23
Глава 5 Рыжая-бесстыжая	27
Глава 6 Заметая следы	34
Глава 7 Козёл обыкновенный	37
Глава 8 Обломинго	42
Глава 9 Воспитатель	47
Глава 10 Советы дядюшки Кира	53
Глава 11 Штурм	58
Глава 12 Гость	64
Глава 13 Клим	69
Глава 14 Синий движ	73
Глава 15 Нежданчик	76
Глава 16 Прятки	81
Глава 17 Первое свидание с бандитом	87
Глава 18 Подстилка	91
Глава 19 Ромашки на снегу	95
Глава 20 Гнездо разврата	99
Глава 21 Нет шансов	104
Глава 22 Вернуть трофей	108
Глава 23 Ривьера	112
Глава 24 Стриптиз	116
Глава 25 Обесточена	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Глава 1 Невеста с сюрпризом

Илья

За окном, не переставая, падает снег. Самая настоящая метель разыгралась. Сугробы по колону, деревья укрыты толстым белым покрывалом. Вечернее небо заволочло сизой дымкой. Зима...

Мария Семёновна, или, как привычнее, баба Маша, наблюдая за происходящим, без конца охает и хватается за сердце. Картина, надо признать, та ещё: я сижу за столом, на котором лежат медицинские принадлежности и пропитанные кровью тряпки. Слева от меня с сосредоточенным выражением лица пытит её соседка, с энтузиазмом при этом ковыряя раскалёнными щипцами плечо, залитое тёмно-алой жидкостью.

– От она зараза, – довольно улыбается, бросая в миску пойманную мной шальную пулю.

– Ой, кровиска-то как хлещет, Гал! – наклоняясь ближе, всплёскивает руками донельзя перепуганная баба Маша.

– Не стойте над душой, Марь Семённа! Щас остановим, тут шить надобно.

Ну зашибись.

– А вы себе пока ваколординчика накапайте. Ишь разнервничались как! Не хватало инфаркт словить! Мне потом ещё и вас откачивать? У меня вон дома коты некормленные и муж!

– Ох, ужас какой! Илья, Илья! – тяжело вздыхает пожилая женщина в ответ. – Говорила ж я, доведёт тебя кривая дорожка до бяды! Натё вот, полюбуйтесь! Как в воду глядела!

– Не драматизируй, баб Маш, – тянусь к пачке с куревом. – Лучше пожрать организуй.

– Больно будет. Терпи, мой хороший, лады? – воодушевлённо предупреждает меня мой доктор.

Молча вставляю в рот сигарету и чиркаю зажигалкой. Что-что, а терпеть приучен с детства.

– Вырос-таки бандюганом, – продолжает причитать Семёновна, разогревая пузатую кастрюлю на плите. – Дурная кровь взяла своё. Весь в папашу! А таким пацанёнком рос смышлёным! Эх...

– Ну харэ уже, – пытаюсь оборвать её эмоциональный монолог, но, увы, как обычно, ни хрена из этого не выходит. Её, коль разошлась, уже не остановить. Пока сама не остынет.

– Думала хать после армии угомониссе! Учиться пойдёшь в институт. Полезную профессию освоишь. Ты ж пожарным хотел стать или спасателем.

Профессия. Институт...

Невесело усмехаюсь. Порой жизнь ставит тебя в такие рамки, что все твои «хочу» приходится затолкнуть поглубже, действуя согласно обозначившимся обстоятельствам.

– Хорошо что мать твоя, Наташка, ничего этого не видит! – громко шмыгает носом и ставит на стол тарелку с ароматно пахнущим борщом.

Резкая боль в плече, похожая на укусы десятка пчёл, вынуждает вынырнуть из тяжёлых воспоминаний, связанных с потерей самого близкого для меня человека.

– Ещё немного, – наклоняясь ближе, приговаривает «хирург». – Края раны как следует прихвачу...

Затягиваюсь до рези в лёгких. Медленно выпускаю дым, стараясь не обращать внимания на её манипуляции, вызывающие до одури неприятные ощущения.

Швея-мотористка херова.

– Повезло тебе, Илюха, что я во время второй Чеченской работала полевым врачом, – хвалится тётя Галья.

– Повезло, – соглашаюсь, слегка качнув головой.

– Повязку наложим и всё, как новенький будешь!

– Отрадно.

– Эти две таблетки выпьешь сейчас. Остальное завтра и в течение пяти дней. Пропускать нельзя. Понял? – угрожающе сдвигает широкие брови к переносице, и я (про себя, естественно) снова отмечаю её сходство с Брежневым. – Готово! Зацените!

Проходит ещё пара мучительно долгих минут, и бабы наконец сваливают из кухни. Семёновна, не прекращая сыпать междометиями, отправляется провожать соседку восвояси, оставляя меня в желанном одиночестве.

Как только за ними закрывается дверь, вздыхаю с нескрываемым облегчением. Башка раскалывается от их неугомонной трескотни. Перегруз.

Пододвигаю к себе тарелку, отламываю кусок от свежесдобитой булочки хлеба и принимаюсь за ужин. У бабы Маши всегда отменная жратва. От одного только запаха желудок нещадно сводит.

Вырубает меня надолго. Снится какая-то нервнирующая муть. Погоня. Обстрел. Видимо, подуставший мозг всё ещё стремится проанализировать случившееся накануне.

Голова при пробуждении тяжёлая. Глаза слипаются. Чёртова плечо неприятно ноет. В общем, из подвала вылезаю недовольный и разбитый. В самом прескверном расположении духа.

Не одупляю, отчего за окном снова темно. Сперва думаю, что на дворе всё ещё ночь, но, взглянув на старые часы, с удивлением обнаруживаю стрелку, застывшую на цифре семь.

Дёргаю шеей. Почти на сутки отключился. Ни хрена себе. Как медведь.

– Пришёл в себя, бандюган? – в кухне появляется не по-домашнему разодетая Семёновна.
– Садись давай, проблемный, кормить тебя буду.

Хмыкаю.

В этом вся она. Как бы не осуждала, а всё равно как к своему относится. По-доброму. С теплом и давно позабытой заботой. Не удивила, когда вместо ругательств, за помощью к Степановне припустила, обнаружив меня, подстреленного, на пороге своего дома.

– Мне отлучиться надо по делам. Ты уж дальше сам похозяйничай, – торопливо выставляет передо мной первое. – Там у сковороды макароны по-флотски. В банке на столешнице компот.

– А рядом добротная сивуха, – киваю, мол знаю.

Прямо день сурка. Словно и не спускался вниз.

– Как плечо? Не тревожит? – оборачивается уже в дверях и морщится.

– Заживает как на псине, – отзываюсь безучастно.

– Сегодня спать будешь в зале. Нечего почки морозить в подвале, – повязывает на голову аляпистый платок. – Таблетки выпей. Галка сказала, что надобно обязательно.

– Помню, иди уже по своим делам, баб Маш. Не дитё, справлюсь.

– И не вздумай запивать их самогоном.

Закатываю глаза.

Совсем за кретина держит.

Когда она, испустив очередной тяжкий вздох, удаляется на улицу, достаю пистолет и кладу его на стол. Мало ли, кто пожалует. Теперь, пожалуй, в ближайшее время нужно быть начеку. Без вариантов.

Пока стынет наваристый борщ, думаю, как отблагодарить Семёновну за вынужденный приют. Окидываю взглядом окружающее пространство и в итоге прихожу к выводу, что неплохо было бы сменить старый бормочущий холодильник на новый. Да и плита уже явно доживает свой век...

Шум, доносящийся со двора, прерывает мои размышления. Сперва хватаюсь за пистолет, но, едва услышав знакомый девичий смех, расслабляюсь и разжимаю пальцы.

Лялька моя из Москвы приехала. Вот так сюрприз!

– Ба! – оголтело кричит на всю хату. – Гостей тебе привела, встречай!

Весёлая, судя по голосу. Хорошо, видать, тридцать первое прошло.

Не то, что у некоторых. В КПЗ.

– Ну и где ты? Сюда проходите, ребят. Тут печка, чаю выпьем, согреемся.

Розовощёкая и сияющая Алёна появляется на кухне. Резко притормаживает у порожка. Улыбка тут же гаснет. В шоке приоткрывает рот, растерянно на меня глаза.

– Как говорится, на ловца и зверь бежит, – хмыкаю, усмехнувшись.

– Ииилья? – произносит, заикаясь.

С опаской косится на пистолет. Затем, хмурясь, поглядывает на прострелянное плечо, замотанное бинтами.

– Здраааьте, баб Маш! – рядом с ней материализуется растрёпанная рыжеволосая девчонка.

– Илья, что случилось? – наконец отмирает Ляля. – Где бабушка? Что с рукой?

Отодвигаю тарелку. Сжимаю челюсти до скрежета. За спину ей смотрю, и внутри моментом закипает злость.

– Ты, родная, не с того начала, – изрекаю, вперившись взглядом в столичного пижона. – Не хочешь рассказать о том, как сильно скучала по мне? И поинтересоваться, куда пропал...

– Илья, где бабушка? – повторяет настойчиво.

– Скоро вернётся. К Степановне пошла. Чё за персонажи? Не представишь? – хрустнув шейными позвонками, склоняю голову влево и откидываюсь на спинку стула.

– Мои одноклассники, Саша, Роман, – объясняется, на ходу борясь со смущением, красочно расцветающим на её щеках.

– Роман... – повторяю следом.

Та самая падла, которую я уже видел в Москве рядом с ней.

– Что с плечом? – она семенит ко мне, явно предпринимая попытку отвлечь.

– На чём добрались? – осведомляюсь сухо, наблюдая за тем, как неожиданный гость ставит на пол её младшую сестру, Ульяну.

Забавно. Меня мелкая боится как огня, а с этим общий язык нашла, получается...

– На машине.

– На ЕГО машине, – подчёркиваю прищуриваясь.

– Дда, – лепечет девчонка дрогнувшим голосом, выдавая себя с потрохами.

– Алён, а кто этот подстреленный? – интересуется Рыжая.

– Ребята, это Илья, мой...

– Жених, – заканчиваю вместо неё, дабы сразу всё обозначить. – А Роман у нас... – многозначительно вскидываю бровь.

– Парень Саши, – на одном дыхании выпаливает Алёна.

Ага, а Саша-то, похоже, не в курсах.

Смешно, чесслово.

– Ты обалдела? – делая несколько шагов вперёд, вклинивается в наш разговор расфуфыренный фронт. – Итак, ещё раз. Беркутов Роман. Алёна – моя девушка, – сообщает он с вызовом. – А вот кем возомнил себя ты, мне не совсем понятно. Пояснишь?

– Поясню с удовольствием, – резко поднимаюсь. Откладывается мой сытный ужин, видимо.

– Ребят, – Алёна, почуяв неладное, намеревается влезть, а Рыжая спешит убрать из кухни малявку.

– Скажи-ка, Ляль, – достаю из пачки сигарету. – Я чего-то не вкуриваю, этот клоун как давно рядом с тобой нарисовался?

– Илья...

– Один на один давай пообщаемся, – хорохорится петушара.
– Я только за, птенчик, – растягиваю губы в усмешке, мысленно рихтуя ботинком его смазливую, наглую морду.
– Я против! – пищит Алёна.
– Тебя никто не спрашивает, – равнодушно бросает он через плечо. – Харитон, исчезните обе.

Ну-ка гляньте на него!

Расстёгивает брендовую куртку, швыряет её на стул. Готовится. Открыто транслирует показушную агрессию.

– Ром...
– В комнату иди, – чеканит, не разрывая наш убийственно-ядовитый зрительный контакт.
– Никуда я не пойду! – возмущается она, топнув ногой.
– Чего ж ты, Ляль, человека в заблуждение ввела, – выпускаю кольцами дым и раздражённо цокаю языком. – Нехорошо получилось. У нас же уговор.

– Что ещё за уговор? – не понимает мальчишка.
– Свадьба летом. Переезд. Лялька, Лялька, – качаю головой, ощущая, как по венам разливается досада. – Я значит баблю на нашу совместную жизнь зарабатываю, а ты развлекаешься с мажором столичным.

– Можешь забыть про совместную жизнь, – подступая ко мне, информирует этот малахольный.

– Слушай ты, – затушив сигарету о края тарелки, свирепею не на шутку. – Борзый не в меру. Крылья-то я тебе пообломаю.

– Пока ты крут только на словах, – дерзит он.

Ну всё, баста.

– Илья! – испуганно кричит моя невеста, в то время как я в порыве бешенства переворачиваю стол и бросаюсь на ошметинившегося утырка.

Валимся на пол. Перекатываемся по периметру. Под аккомпанемент девичьего визга активно раздаём друг другу тумаки. Строго по очереди.

– Сука... – получаю по физиономии и, разозлившись, бью его по рёбрам.
– РООМ! Перестаньте! Хватит! Пожалуйста! – захлёбываясь слезами, умоляет Лялька.
– Хрена-с два! Всё только начинается.
– Немедленно прекратите!
– Жених, – зарядив мне по печени, самодовольно цедит Беркутов.

Адреналин бурлит в крови подобно кислоте при запущенной химической реакции. Дерёмся ни на жизнь, а на смерть. Ведь желание уничтожить и показать своё превосходство – неутомимое и обоюдное.

– Ты... сука... у меня не на машине отсюда уедешь, а на коляске, – обещаю, выдавая целую серию жёстких ударов.

– Ага, как же! – терпит атаку, но, сволота, не сдаётся. Залезает на меня и зажимает коленями шею.

Умело душит. Поди в секции какой-то занимается. На всякий пожарный, видать, обзавёлся навыками, чтоб на улице не отобрали модный джемперок или ролексы.

Изловчившись, бью его по бесящей роже. Едва расцепившись и поднявшись на ноги, снова кидаемся в драку. В стороны летят тарелки, вилки и ложки. С петель падает шкафчик, когда я со всей дури впечатываю в него нашего дорогого гостя.

– Прекрати! Паровозов!

А «яблоко раздора» всё намеревается влезть между нами. Не зацепили бы ненароком. Не прощу себе.

– Да что же вы делаете! ИЛЬЯ! РОМА!

Стонем с этим холёным на пару. Выдаём диалогом гирлянду из нецензурной брани, с остервенением продолжая лютое побоище. Уступать однозначно никто не намерен, и силы-то на удивление равны. Хотя я значительно покрепче буду.

Ожесточённый мордобой в самом разгаре. Я сверху, он внизу. Потом я внизу, он сверху. Скалится, несмотря на порядком отёкшую морду, и методично прикладывает меня затылком о деревянный пол.

И тут вдруг случается это. Внезапно на нас обрушивается ледяной поток воды. И пока сидящий на мне Рома, тарашась на девок, перевернувших таз, пытается сообразить, что к чему, я хватаю свой пистолет, так удачно оказавшийся рядом.

– Нет, – испуганно шепчет вмиг побледневшая Алёна. – Илья, прошу тебя!

Направляю ствол аккуратно Беркутову в голову.

– Дёрнешься, пристрелю к чертям собачьим, – предупреждаю, прислоняя пистолет к его виску. – И я, мать твою, не шучу...

Глава 2 Рокировка

- Илья, пожалуйста, убери пистолет, – умоляет та, из-за которой весь сыр-бор.
- Встал, – команду спокойно.
- Ноль реакции.
- Ты тупой, что ли? – ещё разок даю почувствовать дуло, упирающееся в его черепную коробку.
- Ром, пожалуйста, Ром, сделай то, что он просит, – призывает девчонка к здравому смыслу.
- Не растерялся, – с презрением изрекает Птица, но всё же, усмехаясь, встаёт.
- Пасть закрой свою.
- Бесит невероятно.
- Илья...
- Шмотки забрал и свалил отсюда по-быстрому, – киваю в сторону выхода.
- Ты сейчас серьёзно?
- А ты, я смотрю, прямо-таки жаждешь получить пулю в лоб, – раздражаюсь, потому что терпеть не могу вот таких непонятливых.
- Могу сказать то же самое про тюремный срок. Или ты подашься в бега после того, как меня пристрелишь?
- Там я уже был, так что не хрен меня пугать.
- Меняется в лице. Пора бы уже догнать, на кого бычится.
- Парни, а давайте вы успокоитесь и...
- А давай ты просто закроешь рот, – перебиваю рыжую кнопку, отчего-то возмнившую себя парламентом. – Куда намылилась, Ляль? Стой, где стоишь. Подальше от этого своего столичного пижона отошла. Отошла, я сказал! – рявкаю зло.
- Илья, – качает головой. Глаза полны слёз. – Ты весь в крови. Твоё плечо... Ты ведь ранен, да?
- Плевать.
- Пусть истекает кровью, – бесстрастно изрекает её подруга.
- СВАЛИЛ! – повторяю, обращаясь к столичному мажорику. – Сел в тачку и уехал в свою сраную Москву!
- Этот выпендрёжник демонстративно складывает руки на груди.
- На счёт «три» прострелю колено, – предупреждаю на полном серьёзе.
- Ты рехнулся, Паровозов? Приди в себя! – отчаянно вопит Лялька.
- Ты знаешь, Алёна. Мне терять нечего, так что... – не обращая внимания на боль и жидкость, стекающую по руке, опускаю ствол ниже, примеряясь.
- Ты целишься в живого человека! – давит на совесть она.
- Живой, мёртвый, – дело пары секунд, – констатирую безразлично.
- А кровяшка-то из тебя льётся только так! – деловито сообщает рыжеволосая. – Беркутов, скажи-ка, сколько вообще литров крови в человеческом организме?
- Это сейчас так важно, что ли? – явно недоумевает тот.
- Ну, крови всего сколько в теле? Если в литрах...
- Что за беседы в стиле интеллектуального шоу?*
- Они переглядываются, и мне это не нравится.
- Количество крови в организме взрослого человека составляет, в среднем, от четырёх до шести литров.
- Ну вот!

– Объем циркулирующей крови зависит от возраста, половой принадлежности, массы тела, роста и объема мышечной ткани, – продолжает ликбез этот полудурок.

– Заткнулись оба! – приказываю громко. – Чё вы несёте оба, а?

– Скоро хлопнешься в обморок, Аль Капоне [1], – обеспокоенно выдаёт Рыжая. – Ты ощущаешь слабость? Головокружение? Или, может быть, слышишь некий звон в ушах? – с тревогой во взгляде, уточняет озабоченно. – Ты явно бледнее стал, Паровозов. Тошнит? А в глазах не темнеет? Онемение конечностей? Чувство пустоты в голове? М?

– Какого...

– Сааш, – последнее, что помню, испуганный голос Алёны. Потом какая-то лютая дичь происходит.

Незаметно сократив разделяющее нас расстояние, эта отмороженная смело хватается левой рукой за дуло, а правой, резким отточенным движением производит странный ударный манёвр, по итогу которого, МОЁ СУКА ОРУЖИЕ оказывается у неё.

СВЯТЫЕ НЕБЕСА! ЧТО ЗА НА ХЕР?

Первые секунды я пребываю в таком глубоком потрясении, что не могу выдавить из себя и звука.

Ступор. Тупёж. Немой шок.

Гнев подступает много позже, когда маленькая рыжая стерва меняет тон от приторно заискивающего до надменно горделивого.

– Про пустоту в голове явно к тебе, – заявляет, самодовольно задирая кверху и без того курносый нос.

Отходит назад, удерживая меня на мушке.

– Слышь, дура, поранишься ещё, – предостерегаю обманчиво спокойно, хотя внутри всё бурлит от рвущейся наружу ярости.

Подумать только! Девка отобрала у меня пистолет! ЭТО ГДЕ ТАКОЕ ВИДАНО, БЛЯТЬ?

Решительно надвигаюсь на неё, но уже в следующий момент непроизвольно приседаю.

Эта идиотка пальнула-таки из пушки!

– Чашка на второй полке, поверх твоей головы, – чеканит по слогам. – Красивая. Была.

– Спятила? – ору ошалело.

– Я с оружием у папы на работе играюсь с десяти лет. Не сомневайся, что с лёгкостью попаду в любую нужную мне часть тела, – заявляет эта меткая зараза, сощуривая один глаз. – Мне нравится твой живот. Пресс, все дела. Может, туда? Ой бооольно будет! Но недолго, если в печень стрелять... – мысленно подсчитывает, сколько буду жить, и закусывает губу.

Вот уж не знаю, что поражает меня сильнее. Тот факт, что рыжая коротышка лихо управляется с огнестрельным оружием или это её чёртово тупое бесстрашие.

– Сааш, – боязливо тянет доселе притихшая Алёна.

– Самооборона, – девчонка беззаботно пожимает плечами. – Ребята подтвердят в суде, если что. Так что, давай договоримся, мой истекающий кровью друг, пистолет твой в целях всеобщей безопасности побудет у меня. Ты ж большой мальчик, и без него проблемы решать умеешь, правда? А у нас она возникла. Лисицына одна, а вас придурков двое. В этом случае, кстати, именно ей надо делать выбор. Л – логика.

Беркут ржёт. Я, продолжая охреневать с этой девицы, с каждой секундой свирепею всё больше. Пялимся с Рыжей друг на друга. И её, в отличие от меня, происходящее лишь забавляет...

– Саш. Ты меня пугаешь, – признаётся Алёна.

Не тебя одну. Так и хочется добавить.

– Всё-всё. Ладно. Давайте без огонька обойдёмся, ребятки, – лучезарно улыбается эта безбашенная в ответ и, по-прежнему глядя мне в глаза, извлекает магазин из основания рукоятки.

Лара Крофт [2], ни дать, ни взять.

Наблюдая за тем, как ловко и беззаботно девчонка вынимает патроны, не могу не рассуждать о том, каким лохом она меня выставила.

– Что? – хлопает ресницами, обращаясь ко всем присутствующим. – Я до последнего не собиралась стрелять. Он первый начал!

– Ты спятил? Да как тебе вообще в голову пришла мысль целиться в Рому! – набрасывается на меня с обвинениями Лялька.

Отвлекаюсь на кровоточащее плечо. Сдёргиваю с крючка чистое вафельное полотенце. Вскидываю ещё один взгляд на Рыжую. Стоит себе, как ни в чём ни бывало.

Сама, сука, невинность.

– На выход, Илья! – громко требует Алёна. – Надо поговорить. Один на один!

Ну разумеется.

– Никуда ты с ним не пойдёшь, – тут же протестует хлыщ. – Мы сами разберёмся.

– Нет, Рома, извини но достаточно! Разобрались уже! Устроили тут целое шоу. Шкуру неубитого медведя никак поделить не можете!

– Точнее и не скажешь! – хохочет её подружка.

– Лисицына, не выводи меня!

– Начинай прибираться, Беркутов! Илья к тебе присоединится в скором времени. Посмотри, что Вы наделали! Разгромили бабушке Маше всю кухню.

С сожалением осматриваю пострадавшее от петушиных боёв помещение.

Отблагодарил, твою мать...

– Идём, Паровозов, – Алёна, подгоняя, толкает меня в спину. – Мне есть, что тебе сказать. Накидываю куртку на плечи.

Да тут, собственно, и без слов всё понятно...

Разговор с Лялей, состоявшийся на заднем дворе, выходит крайне непростым. С ходу понятно, что поплыла она от своего мажора конкретно. Глаза вон светятся как фары иномарки. Щёки полыхают румянцем, и голос льётся тягучей, трепетной мелодией.

Смотреть противно.

Это её «хочу быть с ним и только с ним» чёрной отравленной взвесью оседает глубоко внутри.

Вот тебе и невеста...

Да, по сути, Алёна ничего мне не обещала. Тут скорее в одностороннем порядке инициатива шла. Ухаживал, как умел. Виделись, в силу обстоятельств редко. Не встречались в общепринятом значении этого слова. Близки как мужчина и женщина не были. Даже не целовались нормально толком.

Я так-то не особо давил по основным фронтам. Считал дурень, что всему придёт своё время. Сперва хотел, чтобы девчонка спокойно доучилась в этой своей помпезной гимназии. Потом бы уже забрал к себе со всеми вытекающими.

Но появился мажор и спутал мне все карты.

Правда, говоря по совести, своего согласия на наш союз, сама Лялька и раньше-то не давала. Противилась, как могла. Нос воротила. Сколько ни пытался втемашить в её голову, что преследую только одну единственную цель: забрать их с Ульяной от беспробудно пьющей матери, устроившей в московской квартире самый настоящий притон.

Всё это непременно случилось бы, ведь уговор с мамашей был? Был. Плюс половина суммы за девчонку уже уплачена.

Да и леший бы с ними, с бумажками. Царапнуло осознание того, что Лялька выбрала не человека, равного себе. Не того, с кем росла. Не того, кто мог бы стать надёжной опорой в будущем.

Предпочла упакованного столичного хлыща. Вот уж никогда не подумал бы. Алёна, она ж всегда казалась особенной. Умной, доброй, скромной, порядочной. Не ведомой на понты и яркую обёртку. Драгоценный камень среди подделок. Золото в песке. А оно вон как получается... Сплошное разочарование. Стоит в новой брендовой курточке, коих у неё отродясь не было, и поёт дифирамбы своему рафинированному принцу на белом лексусе.

Куда уж мне, простому деревенскому парню из Бобрино, с таким кандидатом тягаться. По крайней мере, не сейчас.

Усмехаюсь своим нерадужным мыслям. Вспоминаются наши с ней мечты. Да, пусть наивные, глупые и бесхитростные, но вроде как общие, дорогие сердцу.

Дом у моря. Звёзды. Абсолютная пьянящая свобода.

Кому оно надо, Илюх. Море твоё... Ей вон хоромы московские подавай.

«Не люблю тебя»

«Ты как брат мне»

Идиотка! Верит ему, втрескалась по уши. И ведь как пить дать обожжётся.

– АЛЁНА! – повисшую между нами напряжённую тишину, разрывает встревоженный возглас Рыжей, выскочившей на заснеженный порог в носках и без куртки. – ТАМ, РОМА! И баба Маша! В общем, лучше сами посмотрите!

Переглянувшись с Лисицыной, направляемся к дому. Уж больно взволнованной выглядит бойкая Александра.

Снова оказавшись в кухне, понимаю, почему. Присвистываю. Увиденное – прямо бальзам на мою уязвлённую душонку.

– Ба, – Алёна прижимает ладонь ко рту, ведь по центру, на полу, лежит бездыханное тело её ненаглядного.

– Вот это поворот, – вздёрнув бровь, оценивающе смотрю на Семёновну. Та в полной растерянности прижимает к груди любимый чайник. Чайник из чугуна, чтоб вы понимали.

– Боже! – девчонка падает на колени.

– Ляль, Лялечка, – тревожится бабушка, – это кто же?

– Ромка мой, кто, – охрипшим голосом поясняет та. – Привёз в деревню называется! Один чуть не пристрелил, а вторая...

Всё. Прорвало плотину. Плачет навзрыд.

– Ба, ты убила его... убила! Это я виновата! Это из-за меня он здесь!

– Да не реви ты! – приседаю на корточки и нахожу пальцами сонную артерию. – Пульс есть. Оклемается твой сахарный.

– Ром...

– Ну ты, баб Маш, дала жару. Устранила соперника, так сказать.

И смех, и грех, но ржу аки конь.

– У тебя, Паровозов... такое тонкое чувство юмора, – встревает со своим комментарием Рыжая. – Переведу для одарённых: иногда лучше смолчать.

Посылаю в её сторону испепеляющий взгляд. Берегов, бестолочь, не зрит совсем. Отчаянно нарывается.

– Ой, ёжечки, Ляль, Лялечка! – суетится баба Маша. – Прости меня, дуру старую, я ж подумала, что это бандюган, пришедший за обстрелянным Паровозовым. Захожу в хату, а он тут отмывается от кровищи. Пистолет у кармане. Кругом всё перевёрнуто, ой ну вот и треснула!

– Баб Маш, ну ты Терминатор, ей богу. Огрела так огрела! – продолжаю хохотать и забавляться.

Она всплёскивает руками, отставляет боевой арсенал на плиту и принимается стаскивать с себя старое, подранное пальто.

– Ром, Роомка, очнись, пожалуйста. Прошу тебя! – по новой заводит Алёна.

– Милок, ой родимый, прости. Бес попутал. Ляль, ой чё делать-то! Ой, горе-то!

Короче бабка и внучка на пару охают над валяющимся в отключке Беркутовым. Кульминацией сей сцены становится появление маленькой Ульяны.

– Вы что, Ромашку убили? – шепчет, округлив глазищи, и так громко начинает выть, что Рыжей приходится её успокаивать.

– Ну-ка отойди, – отодвигаю Алёну. – Эй ты, – хлесткими пощёчинами пытаюсь привести долбодятла в чувство.

– Ты что делаешь, идиот! Спятил? – ругается девчонка, но тут же замолкает, ибо огретый бабой Машей, невнятно стонет, подавая некие признаки жизни.

– Очухался, Пернатый? – интересуюсь недовольно. – А чё за запах от него? – склоняюсь ниже и принохиваюсь. – Бухал, что ли?

– Рома не пьёт, – категорично заявляет Лялька.

Ой ли...

Пока они нежничают я иду проверять тару с сивухой.

– Ох, миленькай, прости бабку грешную. Каюсь, не разобравши стукнула.

– Лисааа. – Давай... поженимся, а? – выдаёт эта живучая скотина. Прямо-таки заново будит во мне желание вырубить его навсегда.

– Ба, он, кажется, бредит, – Алёна заботливо поглаживает его по дурной башке. – Где болит, Ром? Скажи, где?

– Выжрал бутылку самогона в одно рыло, – информирую как бы между прочим.

– Но я уверена, что он не пьёт! Никогда! – удивлённо пялится на пустую тару, зажатую меж моих пальцев.

– Хреново значит ты знаешь своего дружка, – вставляю ядовито.

– Лисаа, выходи... за меня. Люблю не могу!

– Пусть заткнётся, – требую, ощущая подкатывающее к горлу бешенство.

– Он не в себе, – поясняет она спешно.

– Алёэн, поцелуй, а...

Терпение испытывает, попугай херов.

– Только очнулся, и сразу поцелуй ему подавай, – совсем по-девичьи принимается хихикать Семёновна. – Потешный!

– Он так и будет ковром тут валяться? – осведомляюсь громко.

– Ой, Илья, ну так не стой столбом-то! Помогите уж поднять гостя! – командует хозяйка дома. – Встретили так встретили парня! С «хлебом и солью», что называется. Век не забудет! Давай-давай, порезвее, в дальнюю комнату его тащи. Отдохнуть ему надобно после такого.

Скривившись, поднимаю пьяную сволочь. Только потому что не способен отказать этой добродушной женщине.

– Тяжёлый, падла, – цежу сквозь зубы, закидывая его руку себе на шею.

– Ооо, это ты, РЖД, – хохотнув, хлыщ хлопает меня по спиняке.

– Завали хлебало, – предупреждаю, многозначительно на него зыркнув.

– Не злись, Рельсовый. Давай дружить, а? – растягивая гласные, выдаёт он. – Мирись... мирись... И больше не дерись. Где твой мизииинчик? А хочешь, дам на своей точиле погонять? Хочешь?

– Хочу, чтобы ты ушёл в закат!

– Всё серьёзно у нас, – морда принимает осознанный вид. – Понимаешь ты, не?

Одно понимаю, что если не заткнётся, с собой уже не совладаю. Вышвырну сучару на мороз.

– Вот тут, – театрально вздыхая, тычет себе в грудь, – знаешь, как болит адски. Это они... чувства!

– Клоун, – нетерпеливо стряхиваю его с себя на кровать. Снова чердаком бьётся об изголовье, и хоть бы хны. Не перестаёт вещать. Как долбаное радио.

– Замуж пойдёт за меня... не за тебя, – спецом задирает, ещё и лыбится.

– Это вряд ли.

– А я ей ребёнка заделаю.

Блять, эта гнида не умрёт своей смертью точно!

Сжимаю кулаки, но от удара его спасает вездесущая Лялька, вцепившаяся в мою руку.

– Это галлюцинации, не обращай внимания. Спасибо большое, что помог! – тараторит испуганно.

– Угомони его, не то я с большим удовольствием сделаю это сам! – обещаю, покидая комнату.

Где там колун? [3]

Он мне срочно нужен.

[1] Аль Капоне – американский гангстер итальянского происхождения, действовавший в 1920-1930-х годах на территории Чикаго.

[2] Лара Крофт – главная героиня серии компьютерных игр Tomb Raider компании Square Enix (ранее Eidos Interactive). Также персонаж фильмов, мультсериала, книг и комиксов.

[3] Колун – разновидность топора, предназначенного для колки дров.

Глава 3 Покатушки

Кусачий мороз настырно пробирается под вязаный свитер. Стою посреди заснеженного двора, напротив колоды [1].

Ноги на ширине плеч.

Размах.

Чёткий удар в центр чурбака [2].

Беру следующий. И так по кругу...

С лихим азартом колю подмёрзшие дрова. Неспешно, обдуманно и по привычке довольно агрессивно. Это бесхитростное занятие всегда работает безотказно. В тех самых случаях, когда необходимо срочно сбросить напряжение и выпустить пар.

Сегодня именно такая ночь. Настроение, прямо скажем, поганое. Как никак ушедшая от меня невеста в это самое время предположительно милуется с другим.

Хрясь.

Ловко орудуя топором, равнодушно наблюдаю за тем, как разлетаются в сторону части чурбака.

Вдох-выдох.

Годами выверенные движения.

Хрясь.

Расколов приличное количество дров, очищаю площадку и убираю поленья в дровяник – небольшой, отдельно стоящий сарай, предназначенный для их просушки и хранения.

Возвращаюсь в дом. Смахнув с башки снег, прохожу на кухню. Не мешало бы ещё разок пожрать, ведь после долгой уборки, которой руководила суровая баба Маша, ужин прошёл быстро и далеко не в полном объёме. Пришлось экстренно заняться дровами для печки. Иначе эта неугомонная женщина отправилась бы делать это сама. С неё станется. Привыкла своими силами справляться.

На кухне застаю рыскающую по шкафам Рыжуху. Достает с полки чай и сахарницу. Тянется к оружию возмездия Семёновны.

Отчего-то вдруг хочется повести себя совершенно по-идиотски. К примеру, напасть на неё сзади и как следует шугануть. Да так, чтоб очканула не по-детски и громко заорала на весь дом. Явно ведь не слышала, как я вошёл, а значит у меня есть преимущество.

– И мне плесни... – по итогу ограничиваюсь только этим. К чёрту. Ещё ошпарится ненароком.

– Хоспаде! Паровозов! – лупится на меня во все глаза.

– А вроде не из пугливых, – стебу намеренно.

– Крадёшься как мышь полевая, – поджав губы, изрекает недовольно. – Чуть кипятком на себя не пролила!

– Растяпа.

Наливает в кружку горячую воду, насыпает в чай три ложки сахара и активно его размешивает.

Молодец. Как раз три себе обычно и кладу.

Забираю чашку из-под носа. Морда кирпичом. А вот она своих эмоций скрыть не может.

– Это мой! – пищит возмущённо.

– Сначала мужику положено, – сообщаю наигранно серьёзным тоном.

– Что за бред, – закатывает глаза и недоуменно фыркает.

Стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, иду к холодильнику.

– Опять есть собираешься?

Посылаю ей многозначительный взгляд.

Да. Я, на хер, не птичка-невеличка. Когда выдаётся возможность, ем много и часто!

– Борщ здесь, если ты его там ищешь, – деловито информирует, указывая на плиту. – У тебя свитер в крови, кстати. Плечо.

На автомате опускаю голову.

– Мать твою...

– Ну, ожидаемо, – заключает с дюже умным видом.

Подхожу к ней. Отодвигаю влево, чтоб не мешалась, и снимаю с верхней полки аптечку. Направляюсь назад к столу, на ходу стаскивая с себя мокрый от пота и снега свитер. Бросаю его на спинку стула и открываю контейнер.

Перво-наперво поджигаю и вставляю в рот сигарету. Курить охота еще с улицы, но там я был сконцентрирован на дровах.

Разматываю насквозь пропитавшийся кровью бринт. Цокаю языком, осматривая рану.

Никак не затянется, сука.

– Дай помогу, что ли, – предлагает девчонка, приближаясь ко мне.

Пусть помогает. Не обломится. Самому реально мучительно делать всё это одной рукой.

– А если б в сердце? – вскрывает новую пачку с бинтами.

– Значит, в сердце, – отрезаю холодно.

Люди каждый день отчего-то умирают. Авария. Рак. Несчастный случай. Нелепость, вроде кирпича, свалившегося на голову. Так что... шальная пуля – далеко не худший из вариантов.

– Ну и дурак, – доносится до меня её голос, сочащийся осуждением. – Сядь на стул, – требует капризно. – Выше меня почти на голову. Неудобно.

– Коротышка, – выполняю её просьбу и, стряхивая пепел в пустую железную банку из-под кофе, исподтишка отслеживаю реакцию.

– Куда там! Во мне метр семьдесят, да будет тебе известно! – запальчиво сообщает она звенящим от обиды голосом.

А с виду и не скажешь... Брешет. Метр шестьдесят пять максимум.

Еле сдерживаю в себе порыв не заржать. Как легко, оказывается, вывести её из себя. Возьму, пожалуй, на заметку.

Девчонка после минутной паузы решает-таки оказать обещанную помощь. Поди, оскорбившись, взвешивала «за» и «против».

– Больно? – участливо спрашивает, дотронувшись до плеча тёплой ладонью.

– Нет, – гаркаю грубо, стараясь не обращать внимания на эти её осторожные прикосновения.

– Потерпи, я знаю, что щиплет, – выдаёт вдруг на полном серьёзе.

– Ты чё как с ребёнком, – прищуриваюсь и недовольно на неё смотрю.

– Ладно, человек-робот. Не буду, – вздыхая, спешно отводит взгляд, приподнимает мою руку и принимается заматывать плечо бинтами.

Подкуриваю новую сигу и решаю воспользоваться её присутствием.

– И давно? – выжимаю из себя нехотя.

– Что давно? – не понимает она.

– Эти двое... спелись, – расшифровываю свой вопрос.

Учатся вместе. Значит, Рыжая по-любому в курсах. Что-то да знает про амурные дела Ляли.

– Ну, как тебе сказать, – тянет, но интригу сохраняет недолго. – Это началось года два назад.

– Чё? – поворачиваясь к ней, удивлённо вскидываю бровь.

Два года??? Это получается, пока я был в армии, Алёна уже вовсю крутила с этим мажором?

– Ты чё зависла? – осведомляюсь хмуро, перехватив её странный, пристальный взгляд.
– Вспоминаю, – отвечает она задумчиво. – Да, точно, более двух лет они равнодушно друг к другу. Поняли, правда, не сразу...

– Ясно, – со злостью выталкиваю сквозь зубы и тушу окурок о края банки-пепельницы. Поднимаюсь из-за стола и выхожу из кухни.

Аппетит пропал. Зато по новой накатило. Разочарование. Досада. Чёртова жгучая обида.

Утро начинается с большой тарелки пышных оладий. Рыжая кнопка напекла, оказывается. Когда успела – да чёрт её знает, но желудок благодарно затыкается.

Ничё так, кстати, стряпня. Вполне сносная. Даже удивительно, что столичная принцесса умеет готовить. Приятная неожиданность.

Отпускаю пару язвительных комментариев по этому поводу и сам не замечаю, как вовлекаюсь в искромётный диалог, в ходе которого девчонка попрекает меня отсутствием в «жаргонном лексиконе» таких слов, как «пожалуйста» и «извини». Дуется и злится без причины. Чай и тот отказалась налить.

Заканчивается всё тем, что полчаса спустя мы сидим в новеньком лексусе Пернатого мажора. Я, естественно, за рулём. Она – на переднем пассажирском. Упала-таки мне на хвост, зараза. Заявила, что ей тоже срочно надо до соседнего посёлка Жулебино. В местную аптеку.

Срочно.

По ходу, у ведьмы критические дни. Видать оттого такая импульсивно-агрессивная.

Сперва наотрез отказался брать её с собой, но потом снизошёл и всё же великодушно уступил. Так и быть. Пусть развлекает меня по дороге...

Интуитивно разбираюсь с кнопками, количество коих впечатляет и несколько озадачивает.

– А если застрянем? – беспокоится она, глядя на сугробы внушительного размера.

– Мой дядька нас откапает. У него трактор, – врубаю драйв и давлю на педаль газа.

Погнали.

Дорогу до Жулебино расчистили. И это самое настоящее везение, ведь январские праздники – пора затяжной пьянки, и по обычаю, Валера начинает работать не раньше числа эдак десятого.

Скользнув пальцами по рулю, затянутому в дорогущую кожу, довольно ухмыляюсь. Кайфую от тех ощущений, которые испытываю при вождении. Тачка, конечно, что надо. Управление. Комфорт. Эргономика. Люкс одним словом. Чего уж там... Говоря по правде, в такой я ещё не сидел. У самого таз от отечественного автопрома, у знакомых пацанов тоже.

– Ты здесь вырос? – подаёт голос мой навязчивый пассажир.

– Где, здесь? В поле? – уточняю насмешливо.

– В деревне, придурок, – раздражённо цокает язычком.

– Да, Рыжая. Я отсюда родом. И горжусь этим, – добавляю с наездом.

– У меня есть имя. Не в состоянии запомнить? – снова выходит из себя.

Ну точно оно. ПМС. Говорят, у баб на этом фоне капитально рвёт крышу.

– Чё, не нравится тебе у нас, рыжая москвичка? – намеренно игнорирую её выпад.

– Да пока не поняла... Глушь и глушь, – пожимает плечом, глядя в правое боковое зеркало.

– Глушь, – качаю головой. – Всё лучше, чем этот ваш загазованный и шумный муравейник! Ты вообще знаешь, какие у нас тут места зачётные? Красиво весной-летом, залюбуешься. Сосновый лес, карьер, речка, звёздное небо. Цветы кругом полянами, и птицы поют так, что уши закладывает. А у вас что? Бетон, душман, смог и вечные пробки?

– Как отчётливо чувствуется твоя любовь к малой родине и в противовес ей, ненависть к столице, – хмыкает она.

– Да потому что... Пока вы там небоскрёбы херачите, у нас школу и больницу закрывают. Людям работать негде, сечёшь?

– Печально.

– Тебе не понять, – отмахиваюсь раздражённо.

– А я всегда хотела жить у моря, – вдруг выдаёт, мечтательно вздыхая. – Тёплое солнышко, шум прибоя, горячий песок...

Занятно.

Непроизвольно задерживаю на девчонке заинтересованный и внимательный взгляд. Сидит себе, беззаботно улыбается своим мыслям, а я только при дневном свете замечаю на чистой бледной коже россыпь веснушек, эмигрирующих с носа на щёки.

– Конопушки и зимой бывают? – спрашиваю чисто из любопытства.

– Они на мне живут круглогодично, – тут же поджимает губы. – Терпеть их не могу...

– Почему это? – её реакция меня крайне забавляет.

– Потому что дефект! Не задавай глупые вопросы, Паровозов! – ершится, складывая руки на груди.

Дефект? Большого бреда в жизни не слышал. Даже мордаху эти симпатичные пятнышки не портят.

– Что ему надо? – снова пялится в боковое зеркало.

За нами едет тачка. Очень знакомая тачка. Она то и дело приближается, но на обгон не идёт. Водила явно играет.

– Говнюк.

– Знаешь его?

– Черепанов, тупица, – усмехаюсь. – Нагреть на бабло нас хочет.

Его жиганка почти догоняет меня в зад. Опускаю стекло, высовываю руку и показываю ему средний палец.

– Очень по-взрослому!

– Урод. Держись, рыжая, – дёргаю руль влево и выжимаю тапку в пол, придавая лексусу желаемое ускорение.

Сашка, не успевшая среагировать, утыкается своим веснушчатым носом мне в колени.

– С ума сошёл? – возмущается, вставая.

– Ставлю на то, что они зажмут нас спереди. Им явно приглянулась тачка с московскими номерами.

– Чего? – таращится на меня испуганно, убирая назад непокорную рыжую гриву.

Ну так и есть. Перекрыли нам впереди дорогу. Сработали командой, что называется.

– Клоуны, – резко жму на тормоз. Достая из кармана куртки сигареты и зажигалку. Чиркаю. Подкуриваю и жду, когда подвалит моя гопота.

– Сколько можно уже травиться? Вредно ведь! – ворчит недовольно.

– Не нуди, а? Ты же не неженка, – наклоняюсь к ней чуть ближе и нарочно выдыхаю дым прямо в лицо.

– Я надеюсь, они нас не пристрелят? – раздосадовано закатывая глазища, морщится и отворачивается.

– Я тебя умоляю! – фыркаю насмешливо. – Так... припугнуть рискнут. Решили, видимо, что москвич заплутал тут.

– И откуда только взялись? – хмурится, вздыхая.

Наблюдаем за тем, как Череп и Мина вылезают из тонированной в хлам приоры и направляются к нам.

– Гоблины, ещё и тачку мою палят, – раздражённо качаю головой.

Хоть бы номера снять додумались. Кретины!

Тоха лениво стучит по стеклу.

– День добрый... – понижает голос. Думает, идиот, что так звучит более устрашающе. – О... Паровоз? Бляха, я в шоке! Ошизеть! – громко присвистывает. – Вот это точила! Где взял?

– У знакомого.

– Новая, что ли? Сколько лошадок?

– Череп, слюни подбери, сказал же, чужая.

– Блин, а я уже нарисовал себе всё, как надо. Маза реальная: развести владельца на лавэ. Дым! Это Илюха! Отбой! – кричит подельнику, подперевшему меня сзади.

– Ни хера себе ты шифруешься, Паровоз. Как плечо? – приплясывая на морозе, участливо осведомляется Мина.

– Не сдох, как видишь. Череп, свалите с дороги, а?

– Брат, ты хоть заедешь к Кабану? Днюха, как никак. Юбиляр, – хрипло смеётся.

– Не знаю. Может, и загляну ненадолго, – отвечаю неопределённо. – Дела у меня...

– Дела... – меняя тон, многозначительно тянет Черепанов. – Ясно оно, какие дела. Доброго времени суток! – суёт свою башку в салон. – Девушка, а девушка, а подружка у вас имеется? Желательно такая же красивая и рыженькая.

Мудило.

– Имеется, но вряд ли она мечтает носить передачи за решётку одному из вас, – надменно произносит Сашка.

Череп дико гогочет в ответ.

Животное.

– Всё, свалите с дороги, – жму на кнопку, чтобы поднялось стекло.

– Мы короче у Кабана забьёмся. Присоединяйся, – бросает напоследок.

Гарцуют назад к приоре.

– Ты за языком-то следи, – делаю замечание, когда остаёмся одни.

– Конституционное право на свободу слова – это раз. Озвучила правду – это два. Ни одна нормальная девушка не захочет связывать свою жизнь с человеком, занимающимся подобными вещами, – деловито выдаёт она без пауз. – И пожалуйста, не делай такое лицо! Ты явно не помидорами с огорода торгуешь. И дружки твои тебе под стать. У меня глаз намётан на подобных персонажей...

Пока она глаголит, проезжаем мимо «дружков», убравших приору в сторону.

Оставшуюся часть пути молчим. Напряжение растёт. Внутренний конфликт, между прочим, тоже. Как ни крути, а её слова зацепили меня и разозлили.

Что она знает обо мне, о пацанах? Да ни хрена не знает, но при этом уже успела сделать выводы. Впрочем, как и навесить на меня ярлык с пометкой «асоциальный элемент». Это же имела ввиду, толкая свою пламенную речь?

Через двадцать минут уже шаримся по рынку. Продуктовая база в Жулебино – считай, что оптовый центр. Здесь всё что хочешь купить можно. И рассчитаться при желании не только деньгами, но и бартером. Если ты, конечно, на короткой ноге с местными торгашами.

Рыжая коротышка тенью ходит за мной по пятам. Вертит головой, изучая публику, но от меня не отстаёт. И правильно, искать её потом в этой толкучке не собираюсь.

– Какие милые! – сюсюкает желторотых цыплят, которые наперебой пищат в коробке у Егоровны.

– Илюх, а Илюх, это твоя невеста, чё ль? – вцепившись в мою руку, шёпотом интересуется вышеупомянутая карга.

– Кто? Она? Сплюньте, баб Рай, – кручу пальцем у виска. – И трижды постучите по дереву.

Как чё зарядит!

«Невеста»

– Тююю... – переводит излишне заинтересованный взор на Сашку, в этот самый момент лобызаящуюся с крошечным цыплёнком. – Хороша же. Прямо как солнце. Скажи, а? – тычет меня локтем в бок.

Старая дура.

– Хватит хернёй страдать. Поехали, Рыжая.

По прошествии пяти минут высаживаю её у аптеки, в которую она, собственно, и просилась. Пока жду, ковыряюсь в настройках тачки. Столько примочек в этих новых моделях, весь мозг себе сломаешь, пока дойдёт, что к чему.

– Заедем кое-куда. Посидишь в машине, поняла? – после её возвращения, ставлю перед фактом.

Решаю, что всё-таки надо поздравить Кабана. Юбилей не каждый день бывает.

– Ладно, – с готовностью соглашается.

Стартуем. У неё вибрирует телефон.

– Привет, моя курочка. Как ты там? – раздаётся на весь салон.

– Привет, мам, – сконфуженно здоровается «курочка». – Всё отлично. Бабушка Алёны встретила нас очень гостеприимно. Тут в Бобрино вообще все люди довольно «приветливые и милые».

Ухмыляюсь.

Гостеприимно! Чугунным чайником по чердаку.

– Ой как замечательно. Саш, вы скоро возвращаетесь? А то мало ли, отец прознает, будет и тебе, и мне несладко.

Мамаша вещает достаточно громко. Слышу весь разговор, хотя второму абоненту это однозначно не по нраву.

– Завтра, мам.

– Хорошо. Ты помнишь, что у тебя с четверга занятия начинаются? Пора, Сашенька, входить в колею. Праздники праздниками, но...

– Да понятно.

Сворачиваю налево после светофора. Пропускаю пешеходов на перекрёстке. Выежаю на улицу Некрасова. За окном мелькают заколоченные окна брошенных домов, да дырявые заборы. Кабан поселился на отшибе. У него с недавних пор свои загоны.

– На курсы китайского тебя записала. Помнишь, которые Агнесса нахваливала.

Матерь Божья! Курсы китайского! Мне бы наш Великий и Могучий когда-нибудь полноценно освоить...

– В среду и воскресенье у нас художка. По вторникам и пятницам у тебя что?

– Волейбол и музыкальная школа, – нехотя поддерживает беседу Веснушка.

– Где мой блокнот? Так-с... – в трубке раздаётся шуршание. – В понедельник?

– Ипподром же вечером. Долго добираться, я не буду успевать. Мам, давай без китайского? Он мне зачем? Каждый день забит под завязку.

Вот и я думаю, на кой они сдались, иероглифы эти?

– Саш, для общего развития, – стоит на своём женщина.

Китайский. Волейбол. Художка. Музыкальная школа. Ипподром...

Полный кабздец!

Паркую лексус Беркутова напротив дома Кабана. Замечаю на пригорке семечку Минаева и десятку Черепанова. Бухают уже поди всюю за здоровье именинника.

– Придумаем, как втиснуть его в твоё расписание, зай. Суббота до церковного хора, например, – непроизвольно ловлю ухом продолжение увлекательного диалога матери и дочери.

Церковный хор!

Откровенно угорая, насмешливо вскидываю бровь и поворачиваясь к Рыжей, щёки которой красочно розовеют.

– Ладно, мам. Иду посмотреть, как будут доить козу!

Пхах.

Что там дальше, уже не втыкаю. Да и девчонка спешно прощается.

– Мам... Всё, ты пропадаешь. Тут в деревне сеть плохо ловит.

Самым наглым образом врёт и делает вид, что их разъединили. Спустя минуту тягостно вздыхает, глядя на потухший экран здорового айфона.

– Интересная у тебя жизнь. Насыщенная... И когда ты, рыжая, только дышать успеваешь? – не могу отказать себе в удовольствии сострить.

– Иди уже к своему Кабану, а! – зло стреляет в меня глазами.

Успеваю заметить в них досаду и усталость. Как будто порядком задолбал её навязанный родительницей режим.

– Мама бредит теорией «всестороннего гармоничного развития личности», – оправдывается зачем-то.

– У богатых свои причуды, – равнодушно пожимаю плечом.

Ясно же, что бабла на это самое «развитие» спускается немерено. Курсы-шмурсы и прочая лобуда по столичным расценкам стоят недёшево.

– У тебя пунктик, связанный с деньгами? – опять заводится с пол оборота. – Если тебе так противны те, у кого они есть, так зачем ты сам к наживе стремишься?

– На философию потянуло? – стискиваю челюсти, в очередной раз подмечая, как быстро меняется рядом с ней настроение. Буквально по щелчку, за одну секунду, смещается от одного полюса к другому. – Тут сиди, Рыжая, скоро вернусь. Держи, на всякий случай, – отдаю ей свой пистолет. Тот самый, который она у меня лихо отобрала накануне. – Не пали просто так.

– Не буду, – забирает пушку, вытягивает ноги, устраиваясь в кресле поудобнее, и утыкается в свой дорожный гаджет...

[1] Колода – толстый отрезок бревна, приспособленный для колки дров.

[2] Чурбак – обрубок дерева.

Глава 4 Визит

Глядя на окосевшие рожи своих корешей, снисходительно улыбаюсь. Надрались уже конкретно. Особенно преуспел в этом деле сам именинник.

– Короче, Кабан, желаю много бабла тебе. Чтоб рекой текли! Чтоб из всех щелей, понимаешь? – озвучивает свой незатейливый тост Минаев.

– Сбычу мечт ещё, – присоединяется Зорин.

– Так это напрямую зависит от наличия капусты, – усмехается Кирилл Дымницкий.

– Здоровья тебе и матушке, – добавляю от себя.

– Давай, Паровоз, тебе штрафная полагается, – громко заводит Тоха, расплёскивая пойло.

– Я за рулём.

– И чё? – фыркает Кабанов.

– И ничё. Пьёт с нами, – Череп всё-таки пытается всучить мне стакан.

– Без меня, пацаны, – наотрез отказываюсь, стаскиваю с себя куртку и усаживаюсь на диван.

Ох ёлы-палы. Расстарались знатно. Стол ломится от жарчки. Пирог, салаты, закуски. У Кабана мать поварихой в местной столовой работает. Видимо, решила возложить организацию праздника на свои хрупкие плечи.

– Не, братан, ну это несерьёзно! – возмущённо хмурится Дымницкий.

– Юбилеяря обижать нехорошо!

– Не заводите эту шарманку. Бухну за здоровье Витоса чуть позже, – тянусь к тарелке и прихватываю сразу четыре куса брауншвейгской колбасы.

– Чё, Илюх, очкуешь новенький лексус разгрохать? – насмешливо бросает Череп.

– Идите в пень. У меня пассажир, – объясняюсь нехотя.

– Та рыжая тёлочка? – заметно приободряется он. – А на хрена ты её в тачке одну оставил? Давай к нам пригласим. Познакомимся поближе, – встаёт, но я успеваю поймать его за капюшон.

– Тормози, – дёргаю назад. – Нечего ей тут делать.

– Ой да чё ты, Илюх...

– Я. Сказал. Тебе, – отрезаю сухо.

Обмениваемся взглядами. Открыв рот, тут же закрывает. Как обычно, передумал со мной спорить.

– Что за бааарышня? – растягивая гласные, любопытствует Кир.

– Залётная. Завтра свалит.

– Разнообразия захотелось? Свечка поднадоела? – подмигивает мне Тоха. – Она, кстати, спрашивала, куда ты пропал. Заскучала девка.

– Понадобится, сам найду, – бросаю коротко.

– Кто в тебя стрелял около ментовки, как думаешь? – переводит тему Кир. Он, как и я, не любит трепаться про баб.

– Иссоповские. Мы у них тридцатого из-под носа очередную гружёную фуру с пойлом увели.

Присвистывает.

– И чё теперь будет? – Витос нервно постукивает пальцами по столу.

– Надо их навестить. Миром тут не решить, – глубокомысленно заключает Черепанов.

– Хочешь сунуться прямо к ним на базу? – Зорин в ужасе от этой затеи.

– А ты предлагаешь подождать, пока они нас по одному поснимают? – приставляя палец к виску, уточняет Тоха.

Но ждать не приходится. Резко хлопает входная дверь. На пороге появляется растрёпанная и взволнованная Сашка.

– Там мутная делегация едет, – произносит на выдохе.

А дальше всё происходит очень быстро. Дымницкий реагирует молниеносно. Громко приказывает «ложись» и бросается к шкафу, в котором хранится наше оружие.

Парни шустро рассредотачиваются по комнате. Я резко тяну девчонку за руку, валю на пол и закрываю собой. Буквально за секунду до того, как раздаются звуки выстрелов...

Старая саманная постройка Кабана и без того нуждалась в капитальном ремонте, а теперь так тем более. Если вообще есть смысл что-то тут восстанавливать.

Осматриваю помещение и качаю головой. Стёкол в окнах нет. Стены местами в решето. Кругом погром.

– Охереть, – подтягивая тощие ноги к груди, судорожно выдыхает сидящий в углу Пашка Зорин. Тоже, судя по всему, мысленно оценивает урон.

– Пулемёт – страшная сила, – хмыкает Дымницкий, убирая свой калаш в сторону. – Подготовились сучары.

– Знали, что вместе будем. Шугануть хотели.

– Выпей, полегчает, – слышу голос Черепанова за спиной.

– Отвали от неё, – цежу сквозь зубы. Отчего-то невероятно раздражает его навязчивая забота.

В дом заходит Виталик, сообщает о том, что незваные «гости» убрались восвояси.

– Там ваш лексус немного пострадал.

– Зашибись.

– Предупреждение, – шмыгает носом Мина. – Дуршлаг у тебя теперь, Кабан, а не хата.

Тот в ответ пинает ногой грудку битых тарелок и выдаёт поток нецензурной брани.

– Молоток, Санёк!

Оборачиваюсь, как раз в тот момент, когда Рыжая опрокидывает в себя стопарь с водкой. Сидит на полу у перевёрнутого дивана рядом с Черепановым. Лицо бесстрастное. Глаза стеклянные. Не истерит. Не плачет. Вообще ноль эмоций.

Тоха поглаживает её по макушке и молча подставляет вторую стопку.

– Выпей ещё.

– Хватит ей, – замечаю ледяным тоном.

– Так это, стресс надо снять, Илюх...

Смотрю на него сердито. Нарочно вымораживает меня сегодня?

– Короче, завтра надо ехать к Лопырёву. Иначе, вальнут нас, Паровоз, – хмуро подытоживает Дымницкий.

– Ехать к Лопырёву? После этого? – испуганно уточняет Зорин. – Кир, ты как себе это представляешь?

– Да вот так же, с пулемётом, – спокойно отзывается тот.

– Перетру с отцом ещё. Пересидите где-нибудь до утра. Созвонимся с левака и порешаем. Долю отдай мою с фур, – отталкиваюсь от подоконника.

– Ладушки. Пора, по ходу, в Москву перебираться насовсем.

– Либо Иссоповых всех валить, – продолжают рассуждать вслух.

– Ну чё ты, храброе сердце, молчишь? – притихший Кабанов наклоняется к девчонке.

– А мне нечего сказать. Убьют вас всех однажды, – отвечает она уверенным, ровным голосом.

– Не нагнетай, Сашка! – отмахивается Дымницкий. – Прорвёмся!

– На тот свет? – глядя в одну точку, уточняет она равнодушно. – Прорвётесь обязательно. Это лишь вопрос времени. Можете места на кладбище уже приобретать в принципе. Ванная где?

– Направо, дальняя дверь, – не сразу подсказывает Виталик.

Я убираю пакет с баблом за пазуху. Она встаёт, отряхивает джинсы и удаляется в указанном направлении.

– Огонь-девка, – почёсывая репу, плянется ей вслед Черепанов. – Другая бы сопли на кулак наматывать начала, а эта бесстрашная чуть ли не под пули кинулась, чтобы нас предупредить.

– По тупости своей! – ору, взбесившись.

– Илюх...

Идиот. Какого хрена взял её с собой? Надо было оставить у Семёновны. Пусть бы тихо-мирно там торчала. Оладьи свои, к примеру, пекла!

– Один из нас мог бы словить шальную, если бы не Саша, – вклинивается в наш разговор Дымницкий.

– Она сама могла её словить, – высекаю зло. – Сидела бы мышью на полу в тонированной тачке. Зачем рисковала? Кто просил?

– А если бы они заметили её и достали оттуда? – он вскидывает бровь, а у меня внутри всё холодеет. Потому что на минуту представил себе эту ситуацию.

Отпустила мамаша в деревню. Чем могла закончиться эта поездка, один Всевышний знает...

– Надо мотать отсюда, пока эти суки не вернулись с подкреплением.

Киваю.

– Собираемся по-бырику, братва, – командует Кир, пару раз хлопнув в ладоши.

Достаю из пачки сигарету. Иду по коридору. Подхожу к двери ванной комнаты и стучу по ней, подгоняя девчонку.

– Поехали!

Выходит оттуда почти сразу. На меня не смотрит. Застёгивает куртку. Задев плечом, проходит мимо.

Иду за ней. Дом покидаем молча, но на улице меня прорывает.

– Чем ты думала, когда вылезла из машины? Совсем спятила?!

Поднимает на меня глаза. Взгляд по-прежнему пустой и холодный. Это начинает тревожить. Ненормальная, нездоровая у неё реакция на произошедшее.

– Что ты блять вылупилась на меня? Мозги у тебя есть? – стучу указательным пальцем по её лбу. – Не могла спрятаться и переждать? Надо обязательно лезть в самое пекло? Что ты за дура такая отмороженная?

Переключает своё внимание на падающий снег. Тихо вздыхает. И пока меня колотит от гнева, она остаётся абсолютно спокойной, не выдавая ничего, кроме полнейшего пофигизма.

– Не одупляешь, чем всё могло для тебя закончиться? Нет? Не доходит? – ору, нависая над ней. – Матери пришлось бы в твою честь церковный хор заказывать! Осознаёшь это, бес-толочь?

Замолкаю. Повисшую между нами тишину нарушает лишь воющий ветер, сбивающий метель в косую линию.

– Всё сказал? Едем в Бобрино или нет? – интересуется, открывая дверь.

Поджигаю чёртову сигарету только с третьей попытки. Отворачиваюсь. Мне не мешало бы немного остыть. Трясёт всего!

Она садится в машину, а я ещё пару минут осматриваю тачку по кругу. Как объясняться с мажором – не понятно. Сколько придётся отвалить за возмещение ущерба – не представляю.

«Ваш лексус немного пострадал»

*Ни хера себе немного! Это полный звездац...
Покатался, мать твою!*

Глава 5 Рыжая-бесстыжая

– Сын, ты ли это? – слышу пропитанный изумлением возглас отца, стоит лишь ступить на порог его дома. – Пришёл-таки! Ну надо же! Чтоб мне провалиться на этом самом месте!

– Только из-за пацанов, – вставая напротив, отзываюсь равнодушно.

– Ну разумеется, – откладывает вилку и, поправляя на себе влажную простыню, давит кривую ухмылку. – Может, в баньку? Выпьешь с нами?

– Нет. У меня к тебе серьёзный разговор.

– Ну раз так... Оставьте нас, мужики, – обращается к присутствующим, сидящим за столом. – Понярыйте пока в снег. Полезно для сосудов.

– Игнатьич... – Кирилюк с опаской поглядывает в мою сторону.

– Пошли вон, я сказал! – орёт он нетерпеливо. – И шваль с собой заберите, – кивком головы указывает на голых баб, занявших скамейку.

– На выход! – подгоняет их Евсей.

– Привет, Илюша! – пьяно хихикает одна из них, и, проходя мимо, лезет к моему лицу.

– Руки убрала, – скидываю с себя её ладони.

Меня аж передёргивает. Наверное потому что в памяти всплывают некрасивые картинки из моего прошлого. Сколько лет мать терпела всю эту грязь даже не берусь подсчитывать...

Делегация удаляется. Последним за дверь выходит Кирилюк, продолжая при этом сверлить меня недоверчивым взглядом.

– Твои псы так и ждут от меня подвоха, – ухмыляюсь насмешливо.

– А кто ж тебя знает, Илюх, – отец откидывается на спинку стула и, растянув губы в усмешке, вставляет в рот сигарету. – Вдруг ты завалишь меня удумал... Вон как во вкус уже вошёл. Берега попутал совсем.

– Какой смысл тебя валить? Ты давно уже жалкая пешка, – пожимаю плечом.

– И тем не менее, ты здесь, – улыбка стремительно покидает его побледневшее вмиг лицо.

– Иссоповы расстреляли дом Кабана из пулемёта.

– Ты удивлён? – спрашивает, хохотнув. Уже, судя по всему, в курсе. – Границы перешёл, будь готов и к такому раскладу. Поговаривают, что и тебя накануне подстрелили?

– Мне надо решить с ними вопрос. Понимаешь, о чём я? – пристально смотрим друг на друга.

– Понимаю.

– У тебя с начала нулевых на них зуб имеется. Верно?

– На что намекаешь, не юли, – сощуривает один глаз.

– Предлагаю заявиться к Лопырёву. Мне нужны люди.

– А не высоко ль ты замахнулся, дорогой?

– Ты всю жизнь под ними ходишь. Не напрягает? – выдвигаю открыто.

– Надо уметь делиться, Илья. У нас всегда территориальный раздел работал. Пока ты со своими дурнями не начал беспределить! – недовольно взмахнув рукой, продолжает жрать.

– Короче ясно. Зря я к тебе пришёл, – решительно разворачиваюсь. Честно говоря, ожидал нечто подобное. Предполагал, что сольётся и не захочет ввязываться в эти разборки.

– У меня условие, – прилетает мне вслед.

Оборачиваюсь. Неужто на старости лет отрастил железные яйца?

– И какое?

– Я улажу этот вопрос, а ты взамен... – тянет, почёсывая бороду, – свалишь в Москву. Насовсем.

– Очкуете, Андрей Игнатьич? – констатирую самодовольно.

– Ты меня услышал, Илья, – сталью звенит его голос. – Проваливай. Свои порядки вы тут наводить не будете...

Первый час ночи. Мы с мажором трёмся около его лексуса, припрятанного неподалёку. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Сашка в машине была? – спрашивает в ужасе.

– Нет.

– Слава Богу! Тут дыра в подголовнике, ты видел? – подсвечивает телефоном то самое место.

– Видел, – достаю сигарету.

– Что за жесь в этой вашей дыре творится? Долбанный Бобруйск! Совсем ополоумели? Гашу в себе порыв ещё раз хорошенько треснуть его по морде.

– Завтра рано утром приедет эвакуатор, я договорился. Тачку отвезут в Москву.

– Мне отчим за такое башню снесёт, – закрывает дверь и качает головой.

– Втихаря подшаманим. Знаю отличный автосервис. Парни справятся.

– Ой, что-то я сомневаюсь! – хмурится, разглядывая левое крыло. – Это тебе не отечественный тазик.

– Но и не майбах, – парирую язвительно.

– Ладно, пошли, мне надо срочно выпить этой вашей сивухи, – расстроено вздыхает, нажимая на кнопку брелока.

«Мой Рома не пьёт»

Как же!

До дома Семёновны идём молча. Снимаем верхнюю одежду в коридоре. Тихо проходим на кухню, дабы никого не разбудить. И пока я выкладываю на стол бабос, этот разливают по стаканам пойло.

– Посмотри, хватит ли здесь на ремонт.

– Не нужны мне твои деньги, – садится на скрипучий стул и откупоривает банку с солёными огурцами.

– Не гони. По моей вине твоя бричка пострадала.

– Благо, что только бричка. А если б Сашку уколошили? – хмурится, вперившись в меня осуждающим взглядом.

– Хватит читать мне морали.

Уже итак сто раз пожалел о том, что взял её с собой.

– Чтобы я тебя рядом со своей Алёной больше не видел! Я запрещаю вам общаться. Ясно?

– Много на себя берёшь, Пернатый, – вскидываю бровь и опрокидываю в себя стопарь.

– Беру столько, сколько могу вывезти! – отзеркаливает мой жест и морщится. – Не хочу, чтобы вся эта твоя бандитская канитель хоть как-то её касалась. И без того проблем хватает. Вообще поверить не могу, что ты собирался тащить её за собой в этот свой мир криминала. Чёкнулся? Мало, по-твоему, ей по жизни досталось? – заводится по новой.

– Дай слово, что заберёшь её и мелкую к себе, – смотрю ему прямо в глаза. Не чувствую ни ревности, ни злости. Только раздражение и необъяснимую тревогу за будущее Лисицыных.

– Я люблю её. Заберу естественно, – обещает уверенно. – С предками познакомил. Летом, сразу после выпускного, поженимся. Но ты, РЖД, приглашения на свадьбу не жди.

– Не очень-то и хотелось, – цежу сквозь зубы.

Привет уязвлённому самолюбию. Проснулось.

– С какой целью в тебя стреляли? Убить? – даёт волю своему любопытству.

– Не твоего ума дело, сахарный.

– Я думал, что подобные разборки – пережиток лихих девяностых, – рассуждает он вслух.

– Продолжай так думать.

Какой смысл что-то ему пояснять? Ни хрена не поймёт ведь. Между нами пропасть размером с Евразию. В разных условиях выросли. В параллельных вселенных существуем.

Замечаю движение. Это Рыжая бесшумно сюда крадётся. Замирает, когда видит нас. Потом берёт с полки стакан, подходит к столу и наливает себе тоже.

Не одобряю, но никак её действия не комментирую. Может и прав Череп. Стресс у неё после случившегося.

Переглядываются с Пернатым. Пьют.

Задумчиво покручивает пальцами стакан и заправляет за ухо непокорную прядь волос. Хоть бы что сказала. Не по душе мне её настроение.

Беркутов встаёт и, напоследок окинув девчонку обеспокоенным взглядом, уходит. Деньги не берёт, однако сделать это ему придётся. Тут вообще без вариантов. Должником оставаться я не намерен.

Сашка тоже поднимается со стула. Идёт к раковине, намывает стаканы. Свой и его. Пытается заполнить нервную тишину. Она ощутимо гнетёт нас обоих, и я решаю, что надо поговорить с ней. По-нормальному. Без ора и оскорблений. В конце концов моя и только моя безответственность – причина того, что девчонка встряла в неприятности. Не посадил бы с собой в машину развлечения ради, не оказалась бы в самом эпицентре этого пиздеца.

Подхожу сзади. Она в этот момент опускает перевернутый стакан на полотенце и поворачивается.

– Ты как?

– Нормально всё со мной, – произносит отстранённо.

– Испугалась? – пытаюсь заглянуть в глаза. Может там удастся прочесть, что чувствует.

Отрицательно качнув головой, намеревается уйти, но я её останавливаю. Испытываю острую потребность в том, чтобы высказать то, что не даёт покоя и долбит изнутри.

– Саша, извини, – выталкиваю из себя силой. – И спасибо.

Часы монотонно тикают фоном. Сейчас отчего-то кажется, что стрелка движется по кругу чересчур громко.

Девчонка недоверчиво прищуривается. Внимательно на меня смотрит. О чём думает – непонятно, но следующий её шаг конкретно сбивает с толку. Потому что она вдруг ласково касается ладонью моей скулы.

Какого...

Несколько секунд трачу на то, чтобы осмыслить происходящее. Она же в это самое время обвивает руками мою шею. Встаёт на носочки. Подается вперёд. Отчаянно и решительно меня целует. Скользит ногтями вверх по затылку и льнёт ко мне всем телом.

Где-то здесь я и включаюсь в процесс. Зарываюсь пальцами в непослушную огненную гриву. Терзаю нежные, мягкие губы Рыжей в ответ. Грубо и настойчиво вторгаюсь языком глубже. По-другому не выходит. Хочется именно так. Просто завладеть её ртом. Заставить покориться. Показать, кто тут главный.

Этот наш страстный, пьяный поцелуй заканчивается так же неожиданно, как начался. Она, часто и рвано дыша, отклоняется назад. Отступает, выскользнув из моих тесных объятий, но в ту же секунду берёт меня за руку и уводит за собой.

Направляемся по тёмному коридору в самую дальнюю комнату, и от осознания того, к чему всё идёт, кровь адреналинит на максимум.

– С ума сошла, Саш? – уточняю, когда дверь за нами закрывается.

– Кажется, да, – снимает футболку, и даже в полутьме я вижу каким безрассудным вызовом горят её глаза.

Ну ладно, дерзкая. Сама напросилась...

Подхожу к ней. Веду пальцами вниз по руке и резко дёргаю к себе. Склоняю голову чуть влево.

Некоторое время пристально смотрим друг на друга. Света от фонаря, заглядывающего в окна, вполне достаточно для того, чтобы отчётливо видеть её лицо.

Контрольная проверка.

Ни сомнений, ни растерянности не обнаруживаю. В дополнение ко всему, ещё и подбородок провокационно задирает.

Стаскиваю с себя свитер. Делаю шаг вперёд и, напирая, притесняю девчонку к стене. Глубоко вдыхаю аромат её волос. Ассоциации поймать не успеваю, но пахнет Рыжая вкусно и волнующе.

Снова встаёт на носочки, обнимает за шею и тянется ко мне. У самых губ притормаживает, но уже в следующую секунду закрывает глаза и целует. Смело. Игриво.

Ну всё... Если была у неё возможность передумать, то теперь уже задний ход не проканает. Не отпишу, пока как следует не трахну.

Наматываю рыжую копну на кулак. Примагничиваемся ртами. Алчно и ненасытно танцуем языками, непрерывно кусаем и лижем губы, распаяясь всё сильнее.

Нехотя отрываюсь и спускаюсь к шее. Намеренно оставляю на бледной тонкой коже след, и она, царапнув ногтями мою спину, тихо стонет. Стонет как надо. Именно так, как мне нравится...

Толкнувшись вперёд в ответ, выражаю своё нетерпение и демонстрирую степень полной боевой готовности.

Завела, сучка, с пол оборота. И сама неистово горит. Глаза лихорадочно блестят, дыхание сорвано.

Кладёт маленькие ладошки мне на грудь. Ведёт ниже, к животу, внимательно наблюдая за своими действиями. Одновременно со мной вздрагивает, когда мышцы под её пальчиками сокращаются. Выдаёт короткое «ох» и поднимая голову, посылает мне жаркий взгляд.

Наклоняюсь к ней. Она подаётся навстречу. Сливаемся воедино.

Целуемся как одичалые.

Давно меня так не торкало. Настолько мощно, что я, однозначно готовый продолжить дальше и перейти в наступление, нарочно оттягиваю момент нашей с ней полной близости.

Концентрируюсь на ощущениях. Сердце тархтит на пределе, качая по вздувшимся венам кипящую кровь. Мозги отключаются напрочь.

– Зацелуй меня всю! – призывно выгибается, и у меня на хрен все предохранители срывает.

– Кошка дикая, – хрипло выдыхаю ей в ухо.

Ловко справляюсь с незамысловатой застёжкой. Дотрагиваюсь до обнажённой спины и чувствую, как она покрывается крупными мурашками, когда стаскиваю с неё чёрный кружевной бюстгальтер.

Жмётся ко мне. Острые соски, дразня, касаются моей груди, и я, ощутив новую волну накатившего желания, непроизвольно стискиваю девчонку в своих руках сильнее.

Она что-то бормочет, а я вообще уже не соображаю. Снимаю с неё джинсы, сжимаю ладонями упругие ягодицы. Подхватываю её на руки и бросаю на кровать, заваливаясь следом.

Хочет, но резко замолкает, когда я оказываюсь сверху.

Пауза. Тишина. Громко вентилирую ставший горячим кислород.

Нагло пожираю голодным взглядом Рыжую, оставшуюся в одних трусах. Эта ведьма охереть как хороша без одежды. Худенькая, но фигуристая. Небольшая грудь красивой формы. Острые ключицы. Тонкая талия. Соблазнительный изгиб бёдер.

Да. Ништяк. Фортануло. Огонь девочка...

Целую плоский живот. Прохожусь языком по выпирающим рёбрам. Накрываю ртом призывно торчащие вершинки, зажимаю губами, и она снова протяжно стонет. Задушенно и до невозможного эротично.

– Илья... – выдыхает сорванным шёпотом моё имя.

– Рыжая, – поднимаю голову и смотрю на неё, – ты такая сексуальная...

Я прямо прусь от визуальной картинки. Это лучшее, что я видел вживую, клянусь.

– Иди ко мне, – зовёт она тихо.

Мне дважды повторять не нужно. Накрываю её хрупкое тело собой. Овладеваю губами, распухшими от поцелуев. Откровенно доминирую. Зажимаю девчонку в тисках и шалею всё больше.

Хочу услышать и увидеть, как она кончает.

Первой.

Ухмыльнувшись своим мыслям, отрываюсь от варварски искусанной мной же шеи. Возвращаюсь к груди. Сначала ладонями сминаю, потом языком дразню. Нежно. Грубо. Попеременно.

Девчонка лепечет что-то неразборчивое, извивается подо мной. Отзываясь, охотно реагирует на каждое прикосновение. Шумно и надсадно дышит.

Нетерпеливо сдёргиваю вниз симпатичные кружевные трусельбаны с бантиком и наконец трогаю её там.

– Илья...

Пиздец.

Сглатываю, внезапно ощущая подступившую к горлу жажду. На мгновение прикрываю глаза, практически потеряв над собой контроль.

Она такая мокрая...

У меня конкретно рвёт крышу. Ласкаю её пальцами и с каким-то особым удовольствием жадно ловлю те эмоции, которые она выдаёт.

– Хорошо тебе? – уточняю зачем-то.

– Дааа...

– Рыжая-бесстыжая, хочешь меня? – донимаю бестолковыми вопросами. Подмывает прямо сейчас, срочно получить положительный ответ. – Хочешь?

– Да... Ещё вот так сделай, – просит, хныкая.

– Так? – повторяю движение, и сам едва не финиширую, когда она резко дёргается, простонав очередное «да», резонирующее эхом в моей пустой башке.

Кайфует, вижу.

Мычит. Дрожит. Приоткрывает рот. Закатывает глаза, скребёт пальцами по кровати, сжимает ими простыню до побелевших костяшек...

Снимаю штаны вместе с боксерами. Забираюсь наверх, припадаю к сочным, воспалённым губам. Раздвигаю коленом её бёдра и устраиваюсь меж стройных ножек.

– Сдохну, Рыжая, если прямо сейчас не окажусь в тебе!

Возбуждённый до предела, не придаю значения тому, как она напряглась.

Уже резко ворвавшись в желанное тепло, понимаю: что-то не так. А когда доходит, что именно... замираю и тупо слушаю оголтело тарабанившее в грудаке сердце. То ли её, то ли своё. Вот так сразу и не разобрать.

– Сань, – изумлённо плююсь на мокрые, трепещущие ресницы.

От осознания того, что у девчонки никого до меня не было, испытываю целый ворох противоречивых эмоций. Они атакуют меня толпой. Душат.

– Ты...

– Не надо, – упрямо мотнув головой, отворачивается. – Просто делай всё как всегда, – заявляет наигранно равнодушно.

Как всегда? Она сейчас серьёзно?

– На меня посмотри, – требую спокойно.

«Просто делай как всегда»

– Саша...

Нехотя подчиняется.

– Что? – интересуется с наездом. Даже сейчас продолжает храбриться. А внутри явно происходит нечто диаметрально противоположное. Ей элементарно страшно. Я ведь не кретин.

– Расслабься, – покрываю легкими поцелуями горящее от стыда лицо. Порозовевшие щёки.

Мне охереть как тяжело сдерживать себя, но умом дохожу: нельзя с ней как со всеми. Это же совсем другое.

– Почему ты остановился? Больше не хочешь меня? – спрашивает обиженно.

– Сама как думаешь? – даю почувствовать, осторожно, но уверенно толкнувшись.

Она морщится и прерывисто выдыхает, задрожав всем телом в ответ.

Не хочу? Глупая... Да у меня стоит так, что теперь все мысли лишь о том, как бы не навредить тебе своим инструментом.

– Разведи ноги пошире. Обхвати меня коленками, – смиренно жду, пока выполнит мою просьбу.

– Так?

– Так, – киваю, слизывая солёные слёзы. Рассматриваю вблизи россыпь милых веснушек.

– Какой у тебя рост, кнопка?

– А?

Отвлекающий манёвр. Надо немного разрядить атмосферу.

– Рост назови в сантиметрах. Только честно...

– Метр шестьдесят три, – признаётся сокрушённо.

– Так и знал, что обманула.

– Разве что совсем немного, – выдаёт она невозмутимо.

Немного.

Точно заржал бы, если бы не наша ситуация.

– Целуй меня, Илюш! – дотрагиваясь трясущимися пальчиками до моей скулы, приказывает с каким-то необъяснимым отчаянием.

И я целую. Много. Долго. Почти безостановочно. Бесперебойно.

Целую, продолжая упрямо таранить юное, никем не тронутое тело.

Целую, чтобы хоть как-то разбавить и перекрыть те неприятные ощущения, которые она почти наверняка испытывает.

– Сань... – вынуждаю снова посмотреть мне в глаза, и от этого зрительного контакта разматывает похлеще, чем от наркоты.

– М? – откидывает голову назад, а я запоминаю эту самую секунду. Такая она сейчас нереально красивая. Маленькая. Уязвимая. С разметавшимися по подушке огненными волосами. Пылающей румянцем кожей.

– Больно? – чувствую, как на лбу проступает холодный пот. Каждая мышца напряжена до предела. Столько сил уходит на то, чтобы не слететь с катушек.

– Нет уже.

Задерживаю расфокусированный взгляд на её губах. В порыве страсти, грубо провожу по нижней большим пальцем. Девчонка инстинктивно приоткрывает алые уста, он скользит внутрь, и, когда я бездумно совершаю им поступательное движение, внезапно плотно обхватывает его губами.

– Блять, Саша, не делай так... – мотор лупит на самых высоких оборотах. Вот-вот выйдет из строя, повредив все сопутствующие системы.

– Хватит меня жалеть, – доносится будто сквозь вакуум. – Возьми так... как тебе хочется. Возьми...

Твою ж мать! Твою ж мать!

Взвыть бы. Я сегодня точно сдоху. Либо от инфаркта, либо от асфиксии.

«Возьми так, как тебе хочется»

В лёгких стремительно заканчивается воздух. От этих слов разрядом тока прошибает поясницу. Сдерживаться я больше не в состоянии. Прощай, самоконтроль. Её стараниями, он летит прямиком в тартарары...

Отпускаю себя. Властно сгребая волосы ладонью. Натягиваю. Утробно рыча, исступлённо ласкаю её рот. Неудержимо. Ненасытно. Безудержно.

Размывает картинку. Размазывает.

Мокрый от пота, тяжело дыша, двигаюсь глубже, резче.

Слышу её приглушённые стоны и чувствую, как меня раскидывает по полной. Растаскивает на атомы и микрочастицы.

Похоть затмевает разум окончательно, и наружу прорывается дурная самцовая радость первообладания.

Глава 6 Заметая следы

Саша

Притворяться спящей сложно. Особенно когда внутри тебя бурлит самый настоящий вулкан. Столько мыслей в голове, но невозможно уцепиться ни за одну из них. Вполне возможно, что я просто не хочу. В конце концов, на то, чтобы анализировать случившееся, у меня вся жизнь впереди. Я, в силу характера, точно буду. Но позже. А пока...

Вдыхаю чуть глубже, уткнувшись носом в сильную шею Ильи. Мне до мурашек нравится, как он пахнет. Я это поняла, когда сама подошла к нему, вызвавшись помочь с бинтами.

Ладно, к чему обманываться, этот парень заинтересовал меня с того момента, как я переступила порог этого дома. Уж больно внешность у него нетипичная для жителя деревни. Красивый, зараза...

Переворачиваюсь на другой бок. Жду, что обнимет сзади, но внезапно происходит то, чего я так боялась. Кровать проседает пружинами под тяжестью его веса. Он поднимается, а затем и вовсе встаёт с постели. Как будто только и ждал, когда разомкну объятия.

Тоже не спал?

Слышу, как шелестит вещами. Как щёлкает зажигалка, и жалобно скрипит форточка, выпускающая в комнату свежий, морозный воздух.

Он курит, а я старательно продолжаю делать вид, что сплю. Ну потому что совершенно не готова к беседам о своей потерянной чести. Благо и он не предпринимал попыток завести разговор. Достаточно того, что было сказано в процессе.

Вообще, его настроение после нашей... кхм близости разительно поменялось. Он вроде как разозлился, хотя вида не подал.

Предполагаю, что мой сюрприз не особо-то его порадовал. Поговаривают же, что мужчины не любят возиться с девственницами. Исключением, разумеется, являются те, кто делает женщиной свою девушку, будучи с ней в отношениях. А это не наша история.

Женищина. Я женищина. Обалдеть... Отдала свою невинность незнакомцу. Первому встречному. Бандюгану. Онгишнику.

Prrrr...

Отец меня за такое точно пристрелил бы, не раздумывая. Однако поразмышлять на эту тему не выходит. Илья закрывает окно и явно начинает собираться. А чего, собственно, я ждала? Наивная дура.

Держу ухо в остро, отслеживая его перемещения. Шелест бумаги вынуждает осторожно повернуть голову и приподняться на локтях. Чем это он там занимается?

Вспоминаю, что на столе лежит паспорт.

Ах вот оно что! Расслабься, парень, не так давно мне исполнилось восемнадцать. Не о чем переживать...

Снова укладываюсь. Уже когда понимаю, что он действительно уходит, расстроено выдыхаю. С одной стороны, хочу, чтобы поскорее свалил. С другой, отчаянно молю, чтобы остался здесь до утра. Ну или по крайней мере, подошёл ко мне попрощаться.

Какой бред!

Бред не бред, но как только за ним тихо закрывается дверь, по щекам бегут предательские солёные слёзы.

Ой да плевать, Сань! Знала же, на что иду. Выпили. Переспали. Подумаешь! Ничего личного!

Зачем-то вскакиваю с кровати. Зачем-то, шлёпая босыми ногами по ледяному полу, бегу к окну и, спрятавшись за плотной занавеской, смотрю ему вслед. Как идёт уверенным шагом по двору навстречу метели. Как исчезает за деревянным забором.

Пару минут спустя возвращаюсь в ещё не остывшую постель. Замечаю следы крови на простыне и подушке.

Моя. Его.

Вот же идиотина! Совсем забыла про его ранение. Лежала себе беззаботно на этом самом плече, и он тоже хорош! Молча терпел, получается.

Снимаю наволочку, сдёргиваю простыню, отныне хранящую мой постыдный секрет. Аккуратно складываю постельное бельё в рюкзак и отправляюсь на поиски своих вещей.

Уснуть сегодня однозначно не получится...

Прощавшись с гостеприимной бабой Машей, возвращаемся из Бобрино в родную столицу. На электричке.

К счастью, Рома и Алёна настолько заняты друг другом, что не замечают никого вокруг. Хватило и того, что Лисицына всё утро мучила меня вопросами, ведь согласно легенде Беркутова, мы с Ильёй случайно разгрохали тачку в Жулебино. Потому её якобы повезли в Москву на эвакуаторе. Чинить.

Алёна от этих новостей была в шоке. Отругала Рому, по пьяни предложившему Илье покататься. Отчитала меня за легкомысленность и за то, что поехала с ним. Но больше всего досталось отсутствующему на завтраке Паровозову. Так она возмущалась до прихода бабушки! Ох и представляю её реакцию, узнай она всю правду. Про обстрел дома Кабанова и нашу с Паровозовым совместно проведённую ночь. Да её бы Кондратий хватил, как любит выражаться Мария Семёновна.

– Ты бельё зачем утащила, Саш? – интересуется Алёна уже на вокзале.

На пару секунд перестаю дышать.

– Да неудобно как-то. Постираю, верну, – бросаю, не глядя на неё.

Щёки жжёт от накатившего смущения и стыда. Как хорошо, что их красноту можно с лёгкостью списать на лютый мороз.

– Ерунду выдумываешь, – беззаботно отзывается она.

– Ничего не ерунду. Стиральной машины я в её доме не видела.

– Так по старинке, руками стирает.

– Вот и тем более!

– Хочу подарить ей хотя бы простенькую отечественную на день рождения.

– Я в доле! – активно поддерживаю эту идею.

В такси угрюмого водителя и нас развлекает маленькая Ульяна. Тараторит без умолку, хохочет, переключая всё внимание на себя. А я и рада...

– Счастливо, ребят! – полчаса спустя целую Алёну в щёчку, машу на прощание её младшей сестре и Беркутову. Забегаю в подъезд, попутно здороваясь с соседкой, со скоростью улитки выползающей на улицу.

– Осторожнее, милочка! Костей потом не соберу! – каркает она ворчливо, чудом избежав со мной столкновения.

В лифте еду одна. Стаскиваю с себя шапку, быстро поправляю наэлектризовавшиеся волосы. Внимательно изучаю в зеркале своё отражение. Разматываю шарф, оттягиваю толстый ворот свитера и раздражённо цокаю языком.

На шее красуется засос, который я заприметила ещё утром. Маленькое, но такое недвусмысленное по своему виду пятнышко, – ещё одно доказательство моей безрассудности.

Волосы на руках и загоривке встают дыбом, стоит только на мгновение воскресить в памяти жаркие поцелуи Ильи.

Отпускаю вязь. Глубоко дышу и пытаюсь успокоиться.

– Сашка! – раздаётся радостный возглас, едва железные створки кабины с грохотом распахиваются.

– Успела? – первое, что спрашиваю, обнаруживая на лестничной площадке мать, одетую в шёлковый халат.

– Успела. Папа задерживается. Будет только к вечеру, – весело отвечает она, стискивая меня в объятиях. – Соскучилась по тебе, дочунь!

– Задушишь, ма, – кряхчу недовольно. – Идём, замёрзнешь, – настойчиво затаскиваю родительницу в квартиру.

– Ну как поездка, зай? – помогает снять куртку. Вешает её в шкаф-купе.

– Нормально, – отзываюсь бодро, расстёгивая молнию на сапоге.

– У нас в гостях Регина. Ты не возражаешь?

– Нет конечно, я же не отец, – добавляю в пол голоса, разуваясь.

– Меньше знает, крепче спит, – хихикает она, подмигнув.

Да. По такому принципу частенько и живём.

Папа на дух не переносит всех маминых подруг. Кулецкую по какой-то причине особенно. Он почему-то считает, что эта женщина дурно влияет на мать. Ничего такого, кстати. Регина хорошая. Я, например, очень люблю, когда она к нам приходит.

– Давай его сюда, разберу, – мама тянется к рюкзаку, и я тороплюсь опередить её, проорав в панике громкое, звенящее «нет».

– Ты чего, Сашуль? – она аж дёргается от неожиданности.

– Я... сама, – подхватываю рюкзак с пола и закидываю на плечо.

– Ну ладно, – смотрит на меня несколько растерянно и обеспокоенно. – Ты давай переодевайся и приходи к нам в гостиную. Я тебе сейчас ромашковый чай заварю.

– Угу, – даже и съязвить не могу насчёт ромашкового чая, уже сидящего в печёнках.

Проскочив мимо матери в коридор, со всех ног бросаюсь в ванную комнату. Там трясу пальцами поворачиваю замок, включаю стиральную машинку, выбираю режим, ставлю температуру повыше. Кидаю сразу две капсулы, торопливо запикиваю постельное бельё в барабан. Закрываю дверцу, запускаю программу и с грохочущим в груди сердцем наблюдаю за тем, как по ту сторону люка взбивается пена. Чёрт побери, как же это волнительно, замечать следы!

Выдохнув, умываю лицо прохладной водой, чтобы немного прийти в себя. Вытаскиваю зубную щётку. Раскладываю по полкам рыльно-мыльные принадлежности, которые брала в поездку.

Грязные носки и маленькое махровое полотенце летят в корзину, а я снова думаю про исчезнувшие кружевные трусы.

Надеюсь, баба Маша не найдёт их во время уборки. Хотя уж лучше б так, чем думать о том, что Паровозов зачем-то утащил этот пикантный предмет одежды с собой. Я блин битый час по комнате их искала!

– Придурок! – прыскаю в кулак и выхожу из ванной. Иначе мама точно ударится в подозрения.

Глава 7 Козёл обыкновенный

– Страна Н – демократическое государство с динамично развивающейся рыночной экономикой и высоким уровнем жизни большинства граждан. Однако, с каждым годом в стране Н. растёт число граждан, уклоняющихся от участия в выборах разных уровней. Укажите три возможные причины уклонения граждан этой страны от исполнения своего гражданского долга в качестве избирателя. Александра, ты меня вообще слушаешь? – голос репетитора становится громче и резче.

– Слушаю, – уверяю, восторженно.

– Рассеянная сегодня до невозможного! Концентрации ноль, – недовольно ворчит Варвара Карловна, поправляя на носу очки. – Повтори вопрос, – командует, поджимая и без того тонкие губы.

– Уклонение избирателя от исполнения гражданского долга. Нужно назвать причины, – вздыхая, дорисовывая котика на полях тетради.

Я, может, и ухожу в свои мысли, когда мне становится скучно, но продолжаю воспринимать фоном то, что она несёт. Просто-напросто жаль потраченных родительских денег. Только и всего.

– Что такое абсентеизм? – Карловна в ожидании ответа грозно сдвигает брови-ниточки к переносице.

Достала. Проверяет моё внимание.

– Собственно то, о чём идёт речь в задании. Политическая пассивность граждан, – не отвлекаясь от рисунка, отзываюсь я.

– Полное определение!

– Политический абсентеизм — уклонение избирателей от участия в голосовании на выборах, или, в более широком понимании, политическое поведение, характеризующееся бездействием, то есть уклонением от какого-либо политического участия, – выдаю заученный текст.

– Итак, причины, Александра! – отбирает у меня ручку.

Ну и наглость, скажу я вам!

– Низкая политическая культура. Недоверие к партии, к кандидатам, к политике в стране в целом. Убеждённость в том, что выборы ни на что не повлияют. Слабый авторитет представительных органов власти. Стремление решать личные вопросы, а не вопросы государства. Да в конце концов, причины случайного характера. Погодные условия, нет настроения, плохое самочувствие избирателя.

Выкуси, старая Карга!

У нас в гимназии суперпрепод по обществу. Так что подловить меня не выйдет.

– Неплохо, – признаёт нехотя.

– Отлично я ответила, – отбираю свою ручку назад, вскидываю нетерпеливый взгляд на часы. – Тик-так, занятие окончено.

– Сообщу твоей матери, что сегодня ты сама не своя, – деловито информирует она, складывая в сумку учебники.

– А можно ли обойтись без стукачества? – выдыхаю утомлённо.

– Что за выражения, Александра! – возмущённо зыркает на меня своими глазищами. – Будь добра, к следующему занятию повтори материал по темам: «Свобода и ответственность», «Отклоняющееся поведение и его типы».

– Что ещё за намёки? – хохотнув, откидываюсь на спинку стула, и вгрызаюсь в большое сочное яблоко.

– У вас всё в порядке? – в проёме показывается взволнованное лицо моей маман. – Саш, манеры!

– Есть хочу, – невозмутимо пожимаю плечом, глядя на старушеницу, шаркающую к двери.

Бесит, не могу прям! Пришелец блин из девятнадцатого века!

Разглядываю старомодное платье и высокую причёску.

– Варвара Карловна, я провожу вас, – тут же любезно семенит за ней мать.

Пока она занята моим репетитором, направляюсь на кухню. Приоткрываю крышку кастрюли и морщу нос, потому что обнаружила там очередную овощную херобору.

Беру стул. Встаю на него и вытягиваю шею, подобно страусу.

– Класс!

Спрыгиваю вниз. Мне удаётся стащить с полки пакет с круассанами. Сливочная начинка. Божественный хруст французской булочки. Ммм...

– И чем это мы тут заняты?! – прилетает в спину.

Аж давлюсь. Не ожидала, что она так быстро вернётся.

– Аппетит испортишь!

Аппетит итак пропал, стоило только вдохнуть аромат её чудо-варева.

– И ты помнишь, Сань, все, кроме папы до конца месяца на детокс-диете.

– Ну её на фиг эту твою детокс-диету, – встаю на носочки и зло швыряю наверх пакет с вкусняшками. Попадаю куда надо не с первой попытки. Злюсь.

«Какой у тебя рост, кнопка?» – рефреном звучит в моей голове.

– Присядь-ка. Что с тобой? – тревожится она, утягивая меня за собой на диванчик.

– Всё хорошо.

– Какая-то ты странная в последнее время, – задумчиво хмыкает и проходится по мне взглядом-рентгеном. – Особенно после поездки в этот ваш Бобруйск.

– Бобрино, – исправляю на автомате.

– Так ты расскажешь, в чём дело? – давит она настырно.

– Да ну перестань! – раздражаюсь ещё больше. – Причём тут эта глушь?

– Значит, мне показалось? – заглядывает в глаза.

– Конечно показалось, – отражаю невозмутимо.

И нет, я совсем-совсем про него не думаю. И не вспоминаю даже. Ещё чего! Обойдётся!

А если и вспоминаю, то только для того, чтобы убедиться повторно: Паровозов относится к отряду «козёл обыкновенный». Ушёл, даже не попрощавшись. Словно я девица с улицы какая-нибудь!

И вот вроде осознаю, что ничем мы друг другу не обязаны, а всё равно обидно и неприятно в душе.

– Сааашкааа... – многозначительно тянет мама.

– Просто устала, – гоню прочь ненужные мысли.

– Устала? – удивлённо на меня смотрит. – Так каникулы же!

– У всех нормальных людей – да, – бормочу себе под нос. – А у меня что?

Репетиторы – интенсивный курс. Секции. Хор и дальше по списку.

– Не ташу уже твой режим.

– Зай, ну перестань, это всё нехватка витаминов! – берёт меня за руку и ласково прижимается щекой к щеке.

Кожа у неё такая нежная, гладкая и мягкая. Надо, наверное, и мне перестать уже игнорировать крема. Чтоб в сорок вот также потрясающе выглядеть.

– Потерпи до лета, солнышко. Поступишь, на море укатим! Недели на две. Хочешь?

– Хочу, – позволяю крепко себя обнять.

На море хочу. В университет МВД – нет.

– Китайский учить не буду. Не обижайся, – выдвигаю своё требование, пока ощущаю внутри решительный настрой.

– Саш...

– Извини, но сил итак нет, – дёргаю плечом и высвобождаюсь из плена материнских рук.

– Мне кажется, тебе понравится, – рассуждает она вслух.

– А мне кажется, что и без китайского забот предостаточно, – гну свою линию. Впервые за долгое время, что называется, показывая зубы.

– Даже и пробовать не станешь?

– Не стану, – отказываюсь упрямо.

– Ну как знаешь, – и всё же обиженно дуется.

– Спасибо, мам, – целую её в плечо. – Давай, накладывай свою стряпню.

Она заметно приободряется. Рассказывает про новый рецепт, который увидела в соцсетях, и с энтузиазмом раскладывает непрезентабельно выглядящее месиво по тарелкам.

Храбро вооружаюсь вилкой и приступаю к трапезе.

За проявленную по отношению ко мне гибкость в знак благодарности рискну попробовать этот её убийственно-пахнущий шедевр...

– А чё это мы без настроения, Александра Павловна? – выбрасывая сигарету в сугроб, подтрунивает надо мной наш водитель Глеб.

– Плохо сплю, – отзываюсь нехотя.

– А потому что в гаджетах своих сидите по пол ночи, – умничает, открывая заднюю дверь нашей камри. – Мой Максим такой же. Рубится в стрелялки часами напролёт. Эх, молодёжь, молодёжь...

– Я этой фигнёй не страдаю.

– Ты плохо спишь, Саша? – мама обеспокоенно на меня поглядывает.

– Ерунда.

– И ничего не ерунда. Завези-ка нас, Глеб Денисович, в клинику. Кровь по-быстрому сдадим.

– Мам, – раздражённо закатываю глаза.

Начинается. Анализы. Врачи. Она у меня тот ещё паникёр. На пустом месте проблему раздует.

– У тебя первым уроком физкультура, – беззаботно отмахивается, поглядывая на часы.

– На алгебру успеем. Тут ехать недалеко.

– Вот и правильно, Евгения Владимировна, – поддерживает её решение Глеб. – Мало ли, что там со здоровьем. Вон какая бледнющая.

Закатываю глаза повторно, а машина тем временем трогается с места.

Мама прям экстрасенс. Нам и правда удаётся управиться минут за сорок. В восемь пятьдесят я уже протягиваю пальто брюзге-гардеробщице, после чего направляюсь в спортзал. А там у нас – грандиозный забег. Мои одноклассники, высунув языки на плечо, бегут какой-то марафон.

– Чего прохлаждаемся, Харитоновна? – рывкает физрук, неотрывно наблюдая за процессией.

– Анализы сдавала, Пётр Алексеевич. – объясняюсь, присаживаясь на скамейку. – Плохо себя чувствую.

– Ну так немудрено. Носишься как энерджайзер с одного факультатива на другой.

– Всесторонне развиваюсь.

– Цыбин, поднажми! Плетёшься как москвич моего деда! – орёт он громко, а потом снова возвращается к нашему разговору. – И что с анализами?

– Да кто ж знает, надо подождать результаты. Думаю, там всё нормально. Это мама, как всегда, тревогу бьёт.

– Женька такая Женька... – замечаю появившуюся на его губах улыбку.

Эт чёт новенькое...

– Знаете мою маму?! – восклицаю изумлённо.

– Да знаю, разумеется. Вместе учились в школе, – неохотно делится интересными подробностями. – Живее тошнотики, живее! Купцова, брендовые кроссовки нужны не только для красивых фоточек. Быстрее копыта переставляем, барышни! Ран! [1]

Вышеназванные барышни строят недовольные фэйсы, утирают пот со лба, но послушно разгоняются.

Своеобразная манера общения Петра с учениками давно уже никого не удивляет. Никто не пойдёт на него жаловаться, потому что несмотря ни на что, все его тут уважают. И представители золотой молодёжи, коих в нашей гимназии большинство, и те, кто оказался здесь, получив счастливый билет по специальной социальной программе.

– Бондаренко, Ключев, Макаревич, – шагом. Остальные бегут! – командует физрук. – Беркутов, дистанцию держи! Прилип к Лисицыной как банный лист.

– Не могу противостоять чувствам, Алексеич! Тянет как магнитом! – кричит ему Ромка в ответ.

Зал взбудораженно гудит, Пётр молча вздыхает. Алёна, краснея, прибавляет газу, а я хохочу.

Ну какой придурашка!

– Кто-нибудь смелый, дайте пинка Абрамову. Так сказать для ускорения. Не то вот-вот заснёт.

Беркутов спешит исполнить поручение учителя. Ян в ответ лупит его по печени. Естественно, между этими двумя завязывается привычная возня.

– Эу! Угомонились, идиоты! – свистит Пётр.

– Есть вода, Конопля? – раздаётся совсем рядом.

– Ну допустим, – смотрю на Бондаренко, стоящего около меня.

– Давай её сюда, – лениво откидывает светлые пряди, упавшие на лоб.

– А волшебное слово, Лёш? – вскидываю бровь, доставая бутылку из рюкзака.

– Быстрее, – бесцеремонно выдёргивает её из моих пальцев, нетерпеливо откручивает крышку и жадно пьёт.

Я внимательно за ним наблюдаю. Чтоб вы понимали, в Алёшу я вроде как влюблена. Последние года три так точно.

– Между шестым и седьмым в кабинете Ярохина, – бросает, даже не глядя в мою сторону. Конспирация.

– Не уверена, что смогу, – перевожу взгляд на одноклассников и отвечаю также, в никуда.

– Не понял? – вроде как оборачивается, но я на него по-прежнему не смотрю.

– Что если мне надоело прятаться? Ты об этом не думал? – беру в фокус финиширующую Купцову, его нынешнюю подружку, кстати.

– Хернёй не страдай, – раздражённо цокает.

Звонок оповещает об окончании урока. Спрыгиваю на пол, забираю рюкзак и, намеренно задев его плечом, направляюсь к выходу из спортивного зала.

Настроение итак было никакущее, а теперь вон вообще уходит в минус.

Козёл.

«Между шестым и седьмым в кабинете Ярохина»

И не подумаю. Хватит.

Жду пока Лисицына переоденется. Грызу яблоко, непроизвольно краем глаза замечая всё ту же Купцову, активно виснущую на шее Бондаренко.

– Я готова. Идём? – из раздевалки появляется взлохмаченная Алёна.

– Ага, – отталкиваюсь от стены и бросаю огрызок в урну.

- Рома ведёт себя как неадекватный, – жалуется по пути к кабинету математики.
- Да брось, влюблённый Беркут – это так мило! – игриво толкаю её локтем и подмигиваю.
- Все только и делают, что нас обсуждают, – расстроено вздыхает она.
- Завидуют, Лиса. Не парься на эту тему.
- Мне ни к чему это пристальное внимание, Саш. Я хочу спокойно закончить учёбу, –

поправляет воротник на рубашке.

– Дай людям время на то, чтобы привыкнуть, – останавливаюсь посреди коридора и вытаскиваю из кармана настырно вибрирующий телефон. Хмуро взираю на цифры, ведь на экране высвечивается незнакомый номер. – Ты просто представь, какой это удар для нашей местной публики. Вы же враждовали на протяжении двух лет, а тут вдруг роман... да ещё и такой громкий. Резонанс! Полный обалдайс!

– Я их понимаю. Мы же совсем друг другу не подходим, – Алёна снова вздыхает и понуро опускает голову.

– Да перестань. Выше нос, Лиса! – убираю смартфон, так и не приняв вызов от неизвестного абонента. – Тебе досталась мечта девичьих грёз, а ты вместо того, чтобы этим воспользоваться, беспокоишься об общественном мнении. Плевать на него. С высокой колокольни!

– Может, ты и права, Саш, – закусывая губу, произносит она задумчиво.

– Пфф. Права конечно! Лично я считаю, что Беркут молодец. Чихать он хотел на своё окружение. Любит он тебя, Лисицына. Гля, какой счастливый.

Приближающийся к нам Рома улыбается во все тридцать два. Смотрит исключительно на Алёнку. Да так, что мне аж неудобно становится. Будто в замочную скважину за ними подглядываю. Потому и спешу отвести смущённый взгляд.

[1] Run – (с англ. яз.) беги.

**История Беркутова и Лисицыной отражена в романе «Девочка-лёд».*

Глава 8 Обломинго

После шестого урока направляюсь... нет, не в кабинет отсутствующего по пятницам историка, я иду в столовую, где обедаю в компании Беркутова и Лисицыной. Лисицыной, пребывающей в шоке от количества еды, красующейся на ярко-жёлтом пластмассовом подносе.

Алёна занимается бегом. Она очень худенькая, эдакая девочка-тростинка, вот Ромка и пытается накормить её при каждом удобном случае. Порой и правда, знатно перегибает. Вот как сегодня. Первое, второе (два вида: плов и котлеты с пюре), салат, булочки, вафли, чай и яблочный компот. Куда ей столько?

– Давай на котлеты налетай, Лиса, – недовольно посматривает на суп, который исчезает очень медленно.

– Сказала же, не хочу! – сдвигая густые брови к переносице, упрямится девчонка.

– Скоро костями начнёшь греметь, ей богу! Ешь сказал, – тоже хмурится и выражает суровым взглядом почти что приказ.

– Тебе надо, ты и ешь! – строптиво рикошетит она, отодвигая тарелку. – И вообще, я не просила покупать мне обед! В состоянии сама выбрать и оплатить то, что хочу. Ясно тебе?

– К чему эта показушная независимость? Я твой парень, этим всё сказано! – раздувая грудь от негодования, отвечает Рома.

– Парень. И что? – недоумевает Алёна.

– И то! Буду насильно кормить, если потребуется! – выдаёт на полном серьёзе.

– Обалдел?

– Или запру в частную клинику. Капельницы будем капать! Доиграешься у меня! – всем своим видом даёт понять, что не шутит.

Они начинают горячо спорить. Я спешу удалиться. Всё-таки выяснение отношений – дело исключительно двоих. Не имею привычки вмешиваться в конфликт этой пары и принимать чью-то сторону. Сами разберутся.

До начала географии остаётся целых четыре минуты. Я планирую подняться на второй этаж и по пути быстренько заскочить в библиотеку, чтобы сдать прочитанную книжку. Подхожу к ступенькам, но кто-то достаточно грубо тянет меня за рюкзак, утаскивая под лестницу.

– Эй!

– Тише, Конопля! Это я.

– Отпусти, – резко дёргаюсь и отступаю к окну. – Спятил, что ли?

– Где ты шарахалась? – с наездом спрашивает Бондаренко.

– Обедала, – транслирую взглядом вызов.

– Тебе было сказано прийти в кабинет Ярохина. Туго доходит?

– Если забыл, крепостное право отменили в тысяча восемьсот шестьдесят первом, – чеканю ледяным тоном.

– Я прождал тебя долбанных пятнадцать минут! – громко возмущается.

Обломинго!

– Я же сразу в спортзале предупредила о том, что не приду, – максимально невинно хлопаю ресницами.

– Что ещё за выкрутасы? – хватая меня за руку и больно сжимает запястье.

Никогда такого прежде не было.

– У меня для тебя новость. Больше никаких встреч, – сообщаю, глядя ему в глаза.

– Не понял, повтори-ка... – разительно меняется в лице и за пару шагов угрожающе оттесняет к стене.

– С Купцовой целуешься, потом этим же языком в мой рот лезешь, – морщу нос. – Противно.

– А чего ты хотела? Она моя девушка.

– А я кто? Та, которую можно в удобное время зажимать по углам? – интересуюсь гневно.

– Ты разве была против? – насмешливо приподнимает бровь.

– Теперь против, – высекаю уверенно.

– Помнится, ещё недавно тебя всё устраивало, – наклоняется, сжимает щёки ладонью и проходится вышеупомянутым языком по моим губам. Очень грязно и пошло это у него выходит.

– Знаешь, – отпрянув, одним движением скидываю его руку, – Я тут внезапно поняла, что остыла к тебе, Лёш.

И ведь правда. Раньше, оставаясь с ним наедине, я жутко стеснялась. Испытывала какой-то невыносимый дискомфорт. Мандраж. Волнение. В данный момент не чувствую ровным счётом ничего. Как бабушка отшептала. Это настолько непривычно и удивительно, что даже в какой-то степени пугает.

– Чё ты гонишь, Конопля, – лениво улыбается и смотрит на меня так, словно я несую какую-то околесицу. – Сама чирикала, что влюблена по уши. Записку написала.

Дура.

С неё и закрутилось...

– Я, похоже, заблуждалась, – задумчиво рассматриваю вблизи хорошо знакомые черты.

До недавних пор могла часами залипать на его фотографии, размещённые в соцсетях. Считала Алёшу самым привлекательным парнем на свете. Мечтой. Почти божеством. Абсолютно всё казалось в нём идеальным...

Светлые волосы, которые он эффектным, отрепетированным жестом периодически отбрасывает назад или убирает за ухо. Ровная, бледная кожа. Холодные серые омуты, чувственный излом верхней губы.

Однако былого восторга как ни бывало.

– Представляешь, а ты ведь совсем не в моём вкусе, – произвольно озвучиваю свои мысли.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкает, – то-то ты с восьмого класса томно вздыхаешь и кипятком при виде меня ссышь!

– Перегорела, – равнодушно пожимаю плечом. – Выросла, наверное. Теперь мне нравятся другие парни.

Звенит первый звонок, но мы не двигаемся, застыли друг напротив друга.

– Обдолбалась чем-то, что ли? – прихватывает пальцами мой подбородок, поднимает вверх и внимательно заглядывает в глаза. Реально зрачки проверяет. Придурок.

– Постарше. Повыше. Покрупнее телосложением. Тёмненькие, – продолжаю я невозмутимо.

– Заткнись.

– Руки убрал! – в моём голосе такая твёрдость, что он на пару секунд теряется.

А накалило потому что! Не могу больше принимать тот факт, что меня ни во что не ставят!

– Нашла себе кого-то? – подозрительно прищуривается.

– Может и так...

И плевать, что это, по большому счёту, ложь.

– Брехня! Да кому ты нужна? – фыркает презрительно. – Рыжее недоразумение...

– Ладно, на том и закончим, – уголки моих губ произвольно приподнимаются. – Грасиас [1] за уроки поцелуев. Пригодились. Адъёс амиго! [2].

– Я тебя не отпускал! – сверкая потемневшими глазами, преграждает путь. Взбесила я его конкретно.

– Ты оглох? На географию опаздываем, – пытаюсь обойти его, но он опять хватает меня сзади. Рюкзак с глухим стуком падает с плеча.

– Отвали, Бондаренко! – тяжело дыша, предпринимаю попытку освободиться. Брыкаюсь. Мотыляю ногами в воздухе, толкаюсь локтями.

– Тупая сука! – рычит на ухо. – Ты кем себя возомнила?

– Я сейчас тебе зеньки выцарапаю, козёл!

– Что тут происходит?

Замираем. Нашу почти что драку угрюмо наблюдает мой одноклассник и друг, Камиль Юнусов.

– Ничё не происходит, – Лёша сразу ставит меня на пол и беззаботно добавляет: – Дурачимся.

– Сыкло, – не могу не прокомментировать перемену в его поведении.

Получив долгожданную свободу, приглаживаю растрепавшиеся волосы. Одёргиваю юбку, поднимаю портфель и ухожу прочь.

Ощущения примерно следующие: ты купил дорожный торт, который всегда хотел попробовать. Невероятно красивый, аппетитно выглядящий.

Принёс домой. Откусил кусок – и полное разочарование.

Потому что начинка у него – ну просто отвратная...

Сижу на ступеньках, обхватив руками колени, затянутые в чёрный плотный капрон. Смотрю в окно на падающий снег и думаю о том, как было бы здорово пойти сейчас прогуляться в парк. Подышать морозным воздухом, слепить гигантского снеговика, поиграть с кем-нибудь в снежки и поваляться в сугробе.

– Не расскажешь, что между вами? – Камиль присаживается рядом со мной.

– Тоже не пошёл на географию?

– Искал тебя.

– Ну вот ещё, – поворачиваюсь к нему, – из-за меня тебе теперь влетит.

– Там замена. Может, и пронесёт, если отмечать по журналу не станут. Саша, что с Бондаренко?

Так и знала, от допроса не отвертеться. И это не потому что Камиль любит совать нос в чужие дела. Нет. Он просто искренне, по-дружески за меня переживает, и вопрос сейчас задаёт не из праздного любопытства.

– Уже ничего.

– Хочешь откровенно? – смотрит на меня долгим, внимательным взглядом. – Я с Бондаренко знаком очень давно...

– Да знаю, к чему ты клонишь! – перебиваю, раздражаясь.

– Не надо с ним связываться. Ничего хорошего из этого не выйдет. Лёша непорядочный. Некрасиво поступаю, обсуждая это с тобой, но молчать не буду, – заявляет он решительно.

– Уже связалась и развязалась, так что расслабься, – подкладываю ладонь под подбородок.

– Он тебя как-то обидел?

Ох уж эта горячая кавказская кровь! Так и слышу в голосе угрозу.

– Я сама себя обидела, впутавшись в это.

– Саша...

– Не осуждай только, ладно? – зачем-то ищу поддержки в его лице.

– Не стану, – обещает, тоже глядя в окно. – Мне жаль, что он не оценил тебя по достоинству.

– Всё, Камиль, пожалуйста, я не хочу это обсуждать, – пресекаю дальнейшие разговоры на тему моих недоотношений с Бондаренко, уже сожалея о том, что призналась.

Интересно, чем сейчас занят Паровоз?

Мозг охотно подбрасывает варианты:

- а) зависает со своими друзьями: Кабаном и Черепом
- б) грабит на дороге фуру
- в) сидит в обезьяннике с бомжами
- г) отстреливается от преследующей его опг.

Смеюсь про себя. У кого ещё жизнь насыщенная! Кстати, есть вариант «д», но мне он заведомо не по душе. Отчего-то не хочется представлять Илью в постели с какой-нибудь длинноногой девицей. Вот вроде понимаю, что я у него далеко не первая (и явно не последняя), а всё равно в груди как-то странно печёт.

«Ты такая сексуальная»

«Рыжая-бесстыжая, хочешь меня? Хочешь?»

Да конечно я его хотела! Совершенно потеряла голову от страстных поцелуев и умелых ласк. Отключилась полностью. Разомлела. Вспыхнула. Взорвалась новогодним фейерверком. Так хорошо мне было, аж искры посыпались из глаз.

Ну хоть стало ясно, ради чего люди любовью занимаются...

«Сдохну, если прямо сейчас не окажусь в тебе!»

А потом я почувствовала сильную, режущую боль *там*, внизу. Правда постепенно неприятные ощущения отошли на второй план, и меня накрыло эмоциями. Пугающе сильными и противоречивыми.

То, что мы делали... Было в этом нечто постыдно-прекрасное. Засело глубоко в подкорке на повторе.

Полыхающий огнём, абсолютно дикий взгляд. Блестящее от пота, спортивно развитое тело. Напряжённые мышцы под моими ладонями. Горячая кожа к коже, тяжёлое дыхание, ритмичные толчки и жадные поцелуи.

Тесно. Мокро. Невыносимо близко. Он внутри меня...

– Саш, – резко дёргаюсь, когда слышу своё имя.

– А? – растерянно взираю на Камиля и чувствую, как стремительно краснеют щёки. Будто к ним пару раскалённых кирпичей приложили.

– Я говорю, что ты замечательная девушка и достойна лучшего, – повторяет он, сохраняя невозмутимое выражение лица.

– Ээм, спасибо, – бормочу смущённо и спешу отвернуться.

Господи, совсем уже совесть потеряла! Тресните меня кто-нибудь! Да посильнее!

– Это не лесть и не комплимент. Это истина. Всегда знай себе цену, Саша, – произносит таким тоном, что мне невольно становится ещё более некомфортно.

– Столько снега выпало... – чувствую непреодолимое желание срочно оказаться на улице.

– Можем погулять, – предлагает беззаботно. – Илиты занята?

– Волейбол в пятнадцать тридцать, – тут же сникаю.

– А после?

– Перерыв в один час. Репетитор с шести до восьми и выполнение домашки.

– Как насчёт завтра? – не сдаётся горец.

– Завтра вечером у меня музыкальная школа. Специальность и сольфеджио.

– Понятно.

В повисшей тишине настойчиво вибрирует телефон. Не сразу даже понимаю, что мой. Камиль подсказывает.

Достаю айфон. Разблокировав, с удивлением обнаруживаю, что мне звонила мама. Несколько раз, во время перемены. После чего принялась атаковать мой гаджет сообщениями.

«Саша, почему ты не берёшь трубку?»

«Не могу до тебя дозвониться»

Закатываю глаза и раздражённо вздыхаю.

«На почту пришли твои анализы! Я крайне обеспокоена! Едем после волейбола к врачу!»

О Господи! Ну что за паникёрша? Мало того, что заставила сдать всё, что только можно, так ещё и получается, затребовала срочную расшифровку. Ну что за женщина?! Чего там такого пугающего может быть?

– Всё нормально?

– Угу.

Врач...

Пишу матери, но теперь не отвечает уже она. Имеет привычку оставлять телефон в своём кабинете.

«На почту пришли твои анализы! Я крайне обеспокоена!»

Сердце, гулко стукнувшись о рёбра, падает куда-то вниз. Мне чего-то так страшно вдруг становится. Холодеет всё внутри. В голове трепыхается лишь одна мысль, и она настолько шокирующая, что на какое-то время я замираю и даже не могу сдвинуться с места.

– Саш. Краснеешь, бледнеешь. Что с тобой?

– Прости, Камиль. Мне нужно идти, – объясняюсь сбивчиво.

– Попадёшься кому-нибудь. Ещё десять минут до конца урока.

– Я в туалет! – кричу уже на ходу.

Бегу туда со всех ног. Влетаю в одну из кабинок, закрываюсь на щеколду, хлопаю крышкой унитаза и сажусь на неё.

Ёпрст. ЁПРСТ!!!

Обращаюсь к вездесущему гуглу. Пальцы дрожат, не попадают на нужные буквы. Дыхание рвёт и сбивается. Пульс частит. В висках стучит.

Ну почему ты такая дура, Сашка! Почему?

Просматриваю статистику по так называемому ППА и моментально дурно становится. Перемещаю пустой взгляд на белую поверхность двери и медленно умираю.

Вот только залететь от Бобринского гопника не хватало!

[1] Gracias – (исп.) «спасибо».

[2] Adios amigo – (исп.) «пока, дружище».

Глава 9 Воспитатель

Расслабиться получается только в тот момент, когда мы с мамой покидаем клинику. Пока идём на парковку, она зачем-то ещё раз пересказывает мне рекомендации врача, а я... что я? Просто вдыхаю ободряюще морозный воздух поглубже в лёгкие и прикрываю глаза.

Пронесло. Не беременна. Святые небеса, спасибо!

Это был бы скандалити вселенского масштаба. Крах всем планам: и моим, и родительским. Прощай, универ и свобода! Здравствуй, ответственность и полное погружение во взрослую жизнь! Мне предстояло бы стать молодой матерью-одиночкой, опозорившей семью. Отец пришёл бы от этой ситуации в полнейший ужас. Его реакцию на ребёнка от некоего мистера Х представить страшно.

Если же говорить обо мне, то за эти несколько часов я успела свыкнуться с мыслью, что залетела (давайте называть вещи своими именами).

Обо всём успела подумать. О плюсах, о минусах, которые перевешивали. Однако, невзирая ни на что, одно знаю точно: ни за что не смогла бы сделать аборт. Ни при каких обстоятельствах, пусть бы и родители попытались настоять.

Да что там... по дороге в поликлинику я уже и имя этому ребёнку придумала. Матвей. Не спрашивайте, пожалуйста, с чего я решила, что на свет появится мальчик. Объяснить всё равно не смогу... Чисто интуиция.

– Анемия. Ну надо же! – снова восклицает мама, качая головой.

– О, поверь, мам, это мы ещё обошлись лёгкой кровью, – тихонько шепчу себе под нос.

Забираемся в салон, на телефон в это время приходит сообщение от Бондаренко.

«Воскресенье. Пять вечера. Кинотеатр Иллюзион на Котельнической»

Перечитываю эти строчки ещё пару раз, удивлённо моргаю, а потом, недолго думая, блокирую Алёшеньку. Заношу в чёрный список и чувствую, какое-то дичайшее внутреннее ликование. Горжусь собой невероятно. Прямо аж грудь распирает от того, что перестала быть рядом с ним размазнёй. Давно пора!

«Воскресенье. Пять вечера. Кинотеатр Иллюзион на Котельнической»

Снизлошёл до человеческого свидания.

Поздно, Бондаренко! Твой поезд ушёл.

Февраль в этом году выдался снежным и морозным. Сугробы по колено и хорооооший такой минус. Настоящая зима в столице...

Темнеет теперь рано, а потому каждый день по поручению отца из гимназии меня забирает Глеб, наш водитель.

В один из вечеров случается нечто непредвиденное. У ворот школы неожиданно-негаданно появляется Паровозов. Он приехал сообщить Алёне о том, что бабу Машу положили в больницу. И хотя я понимала, что этот визит со мной вообще никак не связан, всё же чуточку надеялась, что Илья хотел увидеться. А уж после того, как он наехал на меня из-за непринятых звонков, сомнений не осталось. Так и есть.

Блин, стояла там, как полная дура! Пялилась на него, а в голове опять крутилось то, что было между нами. Картинки восемнадцать плюс. Ослепляюще яркие.

Так стыдно стало. Под его обжигающе пристальным взглядом я принялась отчаянно смущаться и краснеть. Ведь судя по выражению лица, думал он о том же, о чём и я.

Лисицына, глядя на нас, пребывала в полнейшем шоке. Тем же вечером настрочила мне целую кучу эсэмэсок, требуя объяснить ей, что происходит.

Выхожу из гимназии и, обмотав вокруг шеи яркий, вязаный шарф, спускаюсь по ступенькам. Встречу Илье я назначила на пятнадцать тридцать. Просила ждать за углом, а не напротив КПП.

Покинув территорию школы, иду вдоль длинного, высокого ограждения. Чувствую необъяснимое волнение, щекочущее нервишки. Наполняя каждую клеточку организма, оно не отпускает ни на секунду.

Скажу ему, что наши дорожки, как параллельные прямые. Большие не пересекутся.

– Харитонов! – раздаётся за спиной, но я только активнее прибавляю шаг.

Следил за мной, что ли?

Совершенно не горю желанием разговаривать с Бондаренко. За прошедшие пару недель он меня просто-таки затерроризировал. Не даёт прохода! Оскорбился, видите ли, что я проигнорировала его приглашение в кино.

– Тормози, Конопля! – орёт недовольно и опять тянет за портфель, отчего тот соскальзывает с плеча.

– Ну чего тебе? – приходится остановиться.

– Харэ себе цену набивать, – достаточно грубо толкает к стене.

– Смотри, что ты наделал! Ручку оторвал! – возмущаюсь, прижимая рюкзак к себе.

– Переживёшь! – холодные ладони ложатся на мои щёки.

– Отойди! Я опаздываю!

– Да насрать мне. Давай, признавайся, маленькая рыжая сучка, скучала?

– Нет, – пытаюсь отодрать от себя его руки, но он вцепился в меня будто намертво.

– Да ну не ври, – наклоняется к моему уху. – Перестань ломаться. Характер показала, уважаю.

– Никогда с твоей стороны уважения не было, – дёргаюсь, ощущая ледяные губы на своей коже. – Отвали от меня, Лёш! Отстань!

– Не могу. У меня на тебя стоит, ты же знаешь, – его ледяные пальцы опускаются ниже и крепко стискивают мою шею.

– Это твои личные физиологические проблемы! – пытаюсь оттолкнуть.

– Проблемы в скором времени начнутся у тебя, если не прекратишь изображать из себя долбаную недотрогу, – открыто угрожает он.

– Слышь, мудило белобрысое, а ты не попутал?

Лёшу отодвигают от меня одним движением. Я отлипаю от стены.

– Кто такой? – коротко осведомляется Паровозов, удерживая растерявшегося Бондаренко за шиворот. Тот сейчас напоминает нашкодившего котёнка. Пипец, как смешно это выглядит! Хоть телефон доставай.

– Одноклассник. Пристаёт, достал уже! — добавляю, скрестив руки на груди.

– Значит, он не твой парень? – уточняет зачем-то.

– Нет.

– В машину иди.

– Угу.

Так и делаю. Подбираю многострадальный рюкзак и шагаю прочь, к уже знакомой чёрной ладе, припаркованной неподалёку.

Забираюсь в тархтящую приору на переднее пассажирское сиденье. Первое, что бросается в глаза, – идеальная чистота и порядок, несмотря на то, что сам автомобиль далеко не новый.

Осматриваюсь. Никаких посторонних вещей, пахнет свежо и приятно.словно машина только что после химчистки.

– Надеюсь, это не так. И в багажнике пару суток назад не лежал чей-то труп, – невесело усмехаюсь.

Брррр!

Ожидая Илюху, настраиваю радио. Ищу что-нибудь попсовое. Лёгкое и незамысловатое. Как выражается Ян Абрамов, «музыку для деградантов».

Кручу головой. Крайне любопытно узнать, что творится за поворотом, но, к сожалению, отсюда плохой обзор, ничегошеньки не видно.

Да и ладно! Пусть хоть что с Бондаренко делает. Мне не жаль его ни капельки! Столько грязи выслушала в свой адрес. Поделом ему!

Стаскиваю шапку, приподнимаюсь к зеркалу. Не сдерживаясь в выражениях, приглаживаю распушившиеся волосы. С чего-то меня вдруг очень заботит то, как я выгляжу. Хочется быть красивой. Я, конечно, далеко не Анджелины Джоли, но тоже ничего так.

Когда отрывается дверь, непроизвольно вздрагиваю. Наблюдаю за тем, как парень занимает водительское место. Спокойный как удав.

– Ой, а можем проехать метров двести вперёд? Там французская пекарня. Мне надо.

Переключает передачу и выезжает по заданному маршруту.

– Он хоть жив? – любопытничаю, барабанив пальцами по рюкзaku.

Кивает, глядя направо. Ищет, где пекарня.

– Ты бил его?

– Он к тебе больше не подойдёт, – сообщает, свернув в дорожный карман.

– И что же такого ты ему сказал? – не отстаю от него, продолжая атаковать вопросами.

– Что закатаю в бетон, если понадобится, – выдаёт абсолютно ровным, безразличным тоном.

Смотрю на него во все глаза.

– Это шутка? – выражаю надежду.

– Я похож на Петросяна? – поворачивается ко мне. Сталкиваемся взглядами и тотчас залипаем друг на друга.

– Честно говоря... не очень, – отзываюсь тихо.

Сердце колотится как ненормальное. Почти у самого горла. С ума оно сошло, что ли?

– Закатаю, Рыжая, не сомневайся, – произносит уверенно, и у меня от его слов холодок бежит вдоль позвоночника.

Илья возвращается минут через пятнадцать. В руках большой бумажный пакет с вожделенной выпечкой и два кофе.

– Держи. Точи.

– Ты прикалываешься? Я просила два круассана со сливочной начинкой, – пишу обалдело.

– Разные взял, вдруг другие захочешь тоже, – пожимает плечом, усаживается рядом и протягивает мне кофе.

– Давай тут постоим. Мне надо будет вернуться к школе. Тренировка, с которой я ушла, сославшись на больную ногу, закончится через пятьдесят минут.

– А если нет? – звучит насмешливо.

– Что «нет»?

– Ну вот возьму и украду тебя.

– У меня потом будут большие неприятности. И у тебя, кстати, тоже, – объявляю строго.

– И кто же мне их организует?

– Мой батя, кто, – достаю из пакета булочку и не могу сдержать улыбку.

Мм... Горяченькие, как я люблю!

– С этим убогим кеном-альбиносом у тебя что? – едва не давлюсь, когда слышу это.

– Ничего. Я же сказала! – напоминаю с раздражением.

– А если хорошенько подумать?

Ой да фиг с тобой!

– У него есть девушка. Со мной зажимался по углам развлечения ради. В один прекрасный день мне надоело. Надоело прятаться и наблюдать за тем, как он по самые гланды засовывает язык Купцовой в рот. О чём я его и проинформировала.

– А он, значит, непонятливый.

– Непонятливый.

– Ясно.

– Без подробностей обойдёмся?

Смотрю в окно и ем круассан. Рассказывать о своей глупой подростковой влюблённости не собираюсь. Как впрочем, и о том, что моя невинность в мечтах предназначалась этому самому «убогому кену-альбиносу».

– Ты мне скажи, почему не предупредила о том, что девственница?

И всё же это происходит. Я давлюсь и закашливаюсь.

– Постучать по спине? – предлагает услужливо.

– По голове себе постучи! – пытаюсь возобновить вентиляцию в лёгких.

– О таком предупреждают заранее, – подаёт бутылку с водой.

Мне либо показалось, либо в его голосе прозвучали нотки недовольства.

– Ну извини, что не заявила об этом во всеуслышание прямо с порога! – откручиваю крышку и пью.

– Как себя чувствуешь?

– В смысле? – смущённо хлопаю ресницами.

– Ну не знаю... Кхм. Может, болело после... Ну, ТАМ, – прочищает горло, чешет затылок. Там.

– От этого ещё никто не умирал, – отворачиваюсь к лобовику, ощущая испанский стыд.

– Так что? – никак не угомонится.

– Что «что»? – передразниваю его я. – Как в той песне. Поболело и прошло. Всё со мной нормально!

– Не заводись. Причину своего безалаберного поступка пояснишь? – прилетает тут же следом.

«Безалаберного поступка»

Вот ведь гад! Ну щас я тебе устрою!

– Илюх, – разворачиваюсь к нему корпусом, – отнесись к этому философски. Под действием алкоголя наглým образом решила тобой воспользоваться, – задвигаю невозмутимо.

От подобного заявления кофе носом идёт уже у него.

– Чего-чего?

– Говорю, воспользовалась твоими услугами в своих интересах, – дублирую, откровенно забавляясь. – Ты для меня – своего рода приключение. Бобринский квест!

Ну и физиономия!!! Ржунимагу! У него сейчас глаз задёргается!

– Квест означает...

– Я не тупой, – гаркает тут же.

– А если серьёзно, фантазия у меня была такая. Эротическая. Отдаться незнакомцу, – театрально прикрываю глаза, томно вздыхаю и надкусываю булку. – Звёзды совершенно случайно сошлись на тебе. Только и всего...

Не признаваться же, что конкретно от него потеряла голову. Что с другим ничего такого не сделала бы! Что виной всему не только любопытство и протест.

– Совсем дура? – ещё с минуту молча таращится на меня в изумлении. – Что в твоей башке творится???

– На что намекаешь?

– У тебя в черепной коробке замыкание!

– Аааа... То есть только я во всём виновата??? – переспрашиваю, лопаюсь от негодования.

– Инициатива шла от тебя, разве нет? – напоминает он.

– Идиот! Ты как бы тоже достаточно активно участвовал в процессе и особо не возражал.

– Ты не сказала, что ты...

– Расслабься, Паровозов! – перебиваю сразу. – Спи спокойно. Выдохни. Всё прошло сносно.

В салоне повисает гробовая тишина.

Я продолжаю равнодушно жевать булку и рассматривать людей, проходящих мимо. Без того гадко, а он сверху добивает:

– Считаешь, это нормально? – произносит зло.

– Что именно?

– Что отдалась первому встречному. Что легла запечатанной в постель к незнакомому мужику.

– Это моё личное дело! С кем и куда ложиться! – отвечаю, ощущая, как сильно горят скулы.

– Послушали бы тебя твои родители. Отец, например.

Вот так номер! На совесть давит!

– Мне восемнадцать, что хочу, то и делаю! Хватит меня воспитывать! – возмущаюсь, швыряя в него пакетом с булками.

– Бестолковая, – сжимает челюсти.

– Кретин! – отбиваю ему в тон.

– Дай угадаю, бунт против системы? – прищуривается, отслеживая мою реакцию. – Не слишком далеко зашла?

– Не ищи причинно-следственных связей там, где их нет! Переспали и переспали! Пфф. Тоже мне великое событие! – фыркаю, качая головой.

– Ну на будущее, искательница приключений, про защиту, не забывай, – советует язвительно. – Иначе либо залёт будет, либо привет инфекциям. Скажи спасибо, что я чист.

– СПАСИБО! О защите, между прочим, должен был позаботиться именно ты! – ору на него, взбесившись. Чуть не поседела тогда с анализами.

– По-твоему, я ношу с собой резинки двадцать четыре на семь? И в гости к бабе Маше в том числе? – выплёвывает саркастично. – Кто ж знал, что к ней домой заявится отморозенная рыжая малолетка, у которой вместо мозгов пустота! Я ошибался, замыкать там нечему.

– Да пошёл ты! – до боли закусываю внутреннюю поверхность щеки.

Обида захлёстывает штормовой волной. Сердце под рёбрами ноет невыносимо. Веки печёт, но я не плачу. Держусь изо всех сил!

А потом до меня внезапно доходит.

Вот же сволочь!

– Короче, Паровозов, забудем про этот невзрачный эпизод, – выжимаю из себя сердито.

– Ты слишком кипишь из-за банальной одноразовой акции. Если припёрся узнать, не залетела ли я, то ответ отрицательный. Беспокоиться не о чем.

Он откидывается на подголовник, шумно выдыхает в потолок и виртуозно матерится. Я же тем временем выбираюсь из машины.

– И вот ещё что... Возрастом партнёрши надо интересоваться заранее. Чтоб не листать потом впопыхах её паспорт, – изображаю кривую ухмылку. – Его не все с собой носят, да будет тебе известно. На глаз тоже сейчас не определишь. Двадцать ей или пятнадцать. Так и присесть за соращение можно!

– Ты уже определись, кто кого использовал и совращал! – цедит сквозь зубы, и я с каким-то особым удовлетворением отмечаю про себя тот факт, что его от злости аж колотит. Вон как желваки ходят по лицу.

– Козлище! Надеюсь, никогда больше не увидимся! – от души хлопостнув дверью, шагаю в обратном от школы направлении.

Глава 10 Советы дядюшки Кира

Илья

– Сорок кусков за эту халупу? – перемещаю на риелтора недоуменный взгляд.

– Это ещё по-божески, скажу я Вам. Хороший зелёный район. Развитая инфраструктура. Рядом поликлиника, школа, парк. Метро в десяти минутах ходьбы, – продолжает распинаться лысый.

Переглядываемся с Дымницким. Он пожимает плечом. Дескать, вариантов нет. А их действительно нет. Эта квартира, на сегодняшний день, – самое приличное из того, что мы видели.

– Дешевле нормальную двушку тут не найдёте. Цены в столице нынче кусаются.

– Я бы сказал, руку по локоть откусывают, – отзываюсь недовольно.

Кирилл ржёт. Я прохожу в комнату и оцениваю вид из окна.

– А в таком доме жить сколько стоит? – окидываю хмурым взором дутые высотные стекляшки, красующиеся неподалёку.

– Это ЖК «Бухта». Частная территория. Считай, что свой микрорайон. Город в городе.

– Я о бабках спросил, – напоминаю зануде.

– Снимать там жильё невыгодно, ребята, – устало смотрит на нас и потирает переносицу под очками-окулярами. – А если покупать, готовыте десять тире сорок лямов. От квадратуры будет зависеть.

– Чё? – ошалело на него пялюсь.

За сорок лимонов можно выкупить Бобрينو целиком.

– Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку [1], – давит гаденькую улыбочку.

– Я щас не понял, Кир, он быком меня назвал? – грозно сдвинув брови, уточняю у друга.

– Спокуха, Илюх, – его ладонь опускается на моё плечо.

– Не каждый может позволить себе такие траты. Вот что я имел ввиду, – бубнит мужик, спешно оправдываясь.

– Мы согласны на эту хату. Давай ключи, – испепеляю его глазами.

– Не так быстро, молодые люди. Сперва необходимо встретиться с хозяйкой квартиры, подписать договор и произвести оплату в удвоенном объёме.

– В удвоенном объёме? Чёт какая-то мутная схема, лысый, – нависаю над риелтором, и тот пятится назад.

– Тааак принято. Я ведь всего лишь посрееедник, – блеет он, упираясь спиной в стену.

– Стандартные процедуры.

– Нда?

– Остынь, Паровоз. Всё нормально. Поехали, – уверенно произносит Кир.

– Вздумаешь нас кинуть, закатаю в бетон, – напоследок сообщаю коротко.

– Ну что вы! – испуганно на меня таращится. – Как я могу...

На съёмной хате оседаем пару дней спустя. Первые сутки тратим на уборку и покупку всего необходимого. Затариваемся в каком-то гигантском торговом центре, находящемся в этом нашем «хорошем районе». Что тут хорошего, я пока вообще не понял, если по-чесноку.

– Сковороду возьми, Илюх, – Дым со всей дури толкает тележку, в которой устроился Черепанов, залипнувший в свой телефон.

– Маааать твою! – вопит тот, нелепо рассекая руками воздух. – Остановите!

Тележка прокатывается метров на семь вперёд. Влетает аккуратно в дальний стеллаж, стоящий перпендикулярно по отношению к боковым, и на Тоху одна за одной валятся упаковки с цветной туалетной бумагой.

– Страйк! – хохочет Кирилл.

- Ублюдина! – отзывается Череп, выбираясь из-под завалов Зевы.
- Харэ уже, а! Пошли на кассу, – качаю головой.

Вечером парни организуют у нас на кухне небольшой сабантуй. Жратва из доставки. Пойло.

– Ну с новосельем, братва! – Тоха поднимает стакан и заводит первый тост. – За то и выпьем. Неплохо вроде устроились.

– Везёт вам, а у меня – полный трындос, – жалуется Кабан. – Тётка встаёт ни свет, ни заря. Заставляет жевать траву на завтрак и закаляться. Типа ЗОЖ и всё такое.

– Будешь знать, как хвастаться московскими родственниками, – ехидничает Череп.

– Я чуть яйца не отморозил утром. Минус двадцать, а она меня в одних трусах отправила на балкон! С ведром ледяной воды наперевес. Совсем ополоумела!

– Лошара!

– Если станет неважно, смоюсь к вам.

– Учти, отправишься к ним в комнату третьим, – предупреждаю заранее, потому что соседства не потерплю.

– Да хоть в сортире спать буду. Лишь бы не с этой чокнутой. Прикиньте, у неё растение есть. Мух жрёт.

– Гонишь, – не верит Тоха.

– Клянусь. Я раньше такое только по телеку видел! Так вот, эта чиканутая по имени его называет. Разговаривает с ним.

– Клиника.

– Кстати, я говорил, что Зорин свалил к бабке в Тулу?

– Минус один.

– А Мина? – интересуется Дымницкий.

– Пока думает насчёт столицы.

– Минус два. Очконавты... – фыркая, подытоживает Череп. – Значит, нас четверо. Прямо как раньше.

– Слышь, Илюх, давай о делах потрешим, пока башка варит. Чё, какие у нас планы?

– Планы грандиозные, Витос, – поигрывает бровями Кир.

– Только не наркота и не проститутки!

– Чё? Тётя Лида не одобрит? – забавляется Тоха, за что и получает от Кабана затрещину.

– Не, у нашего Илюхи идея покруче.

– Выкладывайте уже быстрее! – торопит Череп.

– Паровоз... – Кир делает многозначительную паузу.

– Короче, – отлипаю от спинки стула и подаюсь вперёд, сцепив ладони в замок. – Сказку про Робин Гуда все знают?

Распахнув окно, вставляю в рот сигарету и чиркаю зажигалкой. Из кухни доносится хмельной ржач и громкие голоса парней.

Затягиваюсь и медленно выпускаю дым, наблюдая за тем, как кипит жизнь в муравейнике, именуемом столицей. Время позднее, но там, за пределами нашей пятиэтажки, по-прежнему шум и гам. Город гудит, по шоссе нескончаемой вереницей ползут автомобили.

Достаю трубу из кармана. В задумчивости перебираю её пальцами. Откладываю на подоконник.

За спиной жалобно поскрипывает старая деревянная дверь.

– Стрельни одну, – рядом вырастает фигура Дымницкого.

Молча протягиваю ему пачку сигарет. Возвращаюсь к своему занятию. Исследую местность.

– Грузишься который день. С чем связано? – интересуется он.

– Терпеть не могу этот город, ты же в курсе.

– А помимо? – не унимается Кир. – По какому поводу загоняешься, если не секрет?
– Думаю, выгорит у нас или нет. Это же не область. Всё гораздо серьезнее. Мы лезем туда, где нам точно не будут рады.

– Прорвёмся.

Киваю.

– Есть что-то ещё, – заявляет он уверенно.

Поворачиваю к нему голову. Бесит эта его долбаная проницательность и цепкий, внимательный взгляд.

– Колись, братан. Я – могила, ты же знаешь.

Пару минут слушаем суету ночного мегаполиса, а потом, видать под действием водяры, язык у меня всё-таки развязывается, ибо мозг взрывается уже которую неделю.

– У тебя были девственницы, Кир? – выкатываю решительно.

Дымницкий аж сигарету роняет.

– Етить-колотить, прожёт дыру в новых джинсах! – поднимает с пола окурок и снова лезет в пачку. – Ну ты блин и спросил. Давно, но были. Тот ещё геморрой.

– Почему? – смотрю на него нахмурившись.

– Возни с ними много. Во-первых, порядочную затащить в койку – целое дело. Во-вторых, сам процесс – мало приятного. Боль, нытьё, слёзы, сопли. Такой себе коктейль, на любителя. В-третьих, куча проблем начинается именно после.

– Например...

– Привязываются, – выпускает кольцами серебристый дым. – Требовать что-то начинают. У них же в башке целая вселенная, посвящённая первому сексу. Ну, знаешь, типа осчастливила, отдала самое ценное – теперь ты, дорогой, по гроб жизни обязан.

– А если девчонка ведёт себя с точностью да наоборот?

– То есть?

– Динамит и предлагает всё забыть. Мол переспали и переспали. Не великое событие, – цитирую неохотно.

Кирилл удивлённо вскидывает бровь.

– Тогда у меня плохие новости, братан, ты где-то конкретно облажался.

Страхиваю пепел и до скрежета зубов стискиваю челюсти. Слова Рыжей итак подобно отраве разъедали внутренности, а тут ещё друг добавил...

«Под действием алкоголя наглым образом решила тобой воспользоваться»

«Звёзды совершенно случайно сошлись на тебе. Только и всего...»

«Спи спокойно. Выдохни. Всё прошло сносно»

Сносно. СНОСНО! Сучка рыжая!

– Вроде бабы всегда уходили от тебя довольными. Свечку вон вообще вставляет не по-детски. В рот заглядывает.

Тоже тянусь за следующей сигаретой.

– Ты был с девчонкой нежен и участлив? – уточняет этот придурок.

– Кто б меня предупредил в самом начале!

– Вот те раз. Интересесный поворот, – обалдело дёргает шеей. – А сам-то как себя оцениваешь по десятибалльной шкале? До троечки дотянул?

– Дым, я сейчас разобью тебе морду, – зажимаю ладонь в кулак.

– Да не кипятись, Паровозов! Эт я угораю, что тебя, горячего альфа-самца, бортанула какая-то киса.

Цокаю языком. По новой чиркаю зажигалкой.

– Слушай... Есть вариант номер два, – размышляет он вслух. – Она нарочно эту лобуду гонит. Ну там, скажем, от обиды.

– Поясни.

– Извилины напряги. Вспоминай, где мог накосячить. До, во время или уже после?

– Я не понимаю, – отвечаю зло. – Нормально у нас всё было.

Лучше, чем нормально. Десять из десяти, как по мне.

– Кайфанула значит. Тогда моя теория подтверждается.

А у меня перед глазами опять Рыжая. Обнажённая. Чертовски сексуальная. Волосы огнём разметались по подушке. Глаза прикрыты, губы соблазнительно распахнуты. Часто-часто дышит.

– Давай, накинь мне материала. Как ты вёл себя после?

– Иди в пень!

– Повторная встреча состоялась? – не отстаёт от меня доморощенный психолог. – Как она прошла?

– Херово прошла. Я хотел поговорить, закончилось скандалом.

– Надеюсь, ты не отчитывал девчонку в формате воспитательной беседы? – пытается меня взглядом прокурора и по итогу тяжело вздыхает. – Косяк на косяке, братан!

– О таких вещах предупреждают! – вылетает гневно.

– Согласен.

– Чем она думала, малолетка дурная... Я так и спросил, что в башке было в тот самый момент, когда в койку со мной легла.

– Ой дурааак, – хохочет, хлопая меня по спине.

Раздражённо скидываю с себя его руку.

– Не вовремя ты моралиста включил.

– Всё, закрываем эту тему, – рявкаю зло.

– С той рыженькой у вас завертелось, что ли? – хитро прищуривается этот догадливый бес.

– Ни хрена не завертелось.

– Но чуёт моя печень, ты очень хотел бы, – припечатывает своим умозаключением.

Молчу. Он загадочно подмигивает и улыбается.

– Внимай советам дядюшки Кира. Если серьёзно настроен.

Дядюшка, ёптель.

Но да, так-то Дымницкий самый старший в нашей компании. Ему двадцать девять.

– Едешь в цветочный магазин. Покупаешь шикарный букет и подкарауливаешь девчонку в неожиданном месте. Вручаешь, уходишь. Пропадаешь на пару дней. Потом повторяешь, только на этот раз строишь виноватую морду и извиняешься.

– За что?

– Ты не тупи, обдумай хорошенько наш разговор! Так вот... – потирает нос. – На третий дубль даришь цветы и настойчиво приглашаешь куда-нибудь. Кино, прогулка, кафе... Схема простая, должно сработать.

Хмыкаю.

Должно сработать.

К таким, как Рыжая, желательно прикладывать инструкцию от производителя.

– Лет ей сколько?

– Восемнадцать.

– Совсем сыкуха. Тогда игрушку ещё купи. Плюшевую. Мишку, зайчика, собачку. Очков добавит.

– Ты издеваешься? – мои глаза на лоб лезут.

– Забыл спросить, а парня у неё нет? Вариант номер три всплыл. Может, она во все тяжкие пустилась, чтобы ему насолить? Такое бывает. Сдвиг по фазе на фоне ПМС.

Чтоб тебя!

Память услужливо рисует морду белобрысого альбиноса.

«Вообще-то, это она влюблена»— зарядил тот чмошник, харкая кровью.

Меня и тогда накрыло подозрениями, а теперь и вовсе пазл сложился.

– Чё, кто-то есть? – комментирует мою перезагрузку Дым.

«Ты для меня – своего рода приключение. Бобринский квест!»

– Да плевать, есть или нет, – сталкиваемся с ним взглядами.

– Что бы это значило... – скидывает бровь.

– Это значит, что со мной будет, – тушу окурок о края пепельницы и толкаю балконную дверь.

[1] Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi (с лат. — «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку») — крылатое латинское выражение, смысл которого в том, что если нечто разрешено человеку или группе людей, то оно совершенно не обязательно разрешено всем остальным.

Глава 11 Штурм

Саша

– Поехали дальше, – командует Волчек.

– Красная площадь называется так потому, что Иван Грозный казнил там людей, – едва ли не по слогам произносит Пилюгин.

– Ложь. Красная означает «красивая», – отвечает Камиль.

– Верно. Продолжай.

– Факт 5. Грозный был хорошо образован. Знал языки, увлекался литературой и имел собственную библиотеку.

– Правда, и эту библиотеку до сих пор ищут. Передаю свой ход Лизе.

– Спасибо, зай! – в знак благодарности она смачно целует Бондаренко в щёку.

– Купцова! – строго смотрит на неё молодой преподаватель.

– Ну чё такого?

– Мы вас слушаем.

– Факт 6, – зачем-то нарочно растягивает гласные. – Иван Грозный в детстве мучил животных.

Считывает из тетради. Тупая овца, одно несчастное предложение запомнить не может!

– Это не доказано! – громко заявляет Цыбин, сидящий за круглым столом рядом со мной.

– А как же описание этого, как его... ммм...

Купцова щурится, разбираясь в собственных каракулях. Я демонстративно закатываю глаза.

– Князя Андрея Курбского. Бывшего боярина и военачальника.

– У Курбского была цель: обличить царя-тирана. Написать он мог что угодно, – отзываюсь раздражённо.

– Принято. Саша, твой факт.

Вы, наверное, не совсем понимаете, что происходит? А я объясню. Сейчас у нас идёт урок истории. Наш учитель, Волчек Олег Юрьевич, частенько организывает командные игры под названием «Фактчек». Сегодняшняя посвящена Ивану Грозному, и смысл в том, что участники команд должны опровергнуть, либо доказать те факты, которые приготовили для них соперники.

– Иван Грозный убил своего сына, – объявляю я.

– Это доподлинно неизвестно.

– В Третьяковской Галлерее есть эскиз картины Ильи Репина, на которой запечатлён этот эпизод, – добавляю, скрестив руки на груди.

– Картина есть, однако доказательств, указывающих на убийство, нет, – лениво отвечает Ян Абрамов, вальяжно развалившийся на стуле.

– Но многие историки утверждали о постоянных конфликтах, происходивших между отцом и сыном!

– Харитонов, – смотрит на меня снисходительно. – Был ли нанесён царевичу роковой удар жезлом по голове, мы уже никогда не узнаем. При вскрытии могилы оказалось, что его кости превратились в жалкую труху. Если точнее, от черепа осталась только нижняя челюсть.

– Фу, давайте без подробностей, – кривится Яшина.

– Да и вообще... Слишком много несостыковок. Историки так и не пришли к единому мнению.

– Ян, пожалуйста, твой факт, – обращается к нему Волчек.

– Иван Грозный умер при странных обстоятельствах.

– Короче, я знаю, почему так говорят, – громко орёт Беркутов, и я недовольно толкаю его в бок. – При современном химическом исследовании фрагментов его останков была отмечена высокая концентрация ртути.

– Траванули? – в несвойственной ему задумчивости чешет репу Пилюгин.

– А вот и нет, принимал по собственной воле.

– На хрена?

– Следим за речью, Бондаренко! – возмущается Олег Юрьевич.

– Лечился от французской болезни, – невозмутимо поясняет Рома. – «Половой чумы».

– Беркутов, ты совсем? – ругается на него Лисицына.

– Не, ну а чё? Между прочим, царь хвастался тем, что за свою жизнь растлил тысячу дев. Алёна, отчаянно краснея, роняет лицо в ладони.

– С помощью ртути или, как её ещё называли, «жидкого серебра», в те времена лечили самую популярную хворь, сифилис.

– А предохраняться народ не пробовал? – морщат нос девочки.

– Вы не забывайте, какой это век, – напоминает одноклассник.

– Нет, ну вот реально, эти глупые людишки совсем никак не защищались? – ошарашенно хлопает ресницами осведомлённая на эту тему Купцова.

– Тогда у нас это было как-то не принято. Церковь не одобряла и всё-такое. Но, кстати, прототипы кое-чего появились очень давно.

– Беркут, не травмируй женскую психику, – ухмыляется Ян. – Лучше им не знать, из чего раньше изготавливались эти изделия.

Поздно. Как минимум, добрая половина класса, стараниями двух идиотов, уже успела обратиться с этим странным запросом к вездесущему гуглу. В связи с чем по кабинету волной прошлись «фу» и «бе».

– Вас понесло не в ту степь, господа! – стучит по столу Волчек. – Просветились и достаточно. Касаемо его смерти... Существует множество различных версий. Назовите официальную.

– Преклонный возраст, болезнь.

– На том и остановимся. Роман, ваш черёд...

– К слову о психике, поговаривают, что Иван Грозный был душевнобольным, – вмешиваюсь я.

– И снова вернёмся к препаратам на основе ртути, – Кучерявый Ян опять вступает со мной в диалог. – Передозировка приводит к тяжелой интоксикации. Хроническое отравление ртутью бьёт в первую очередь по нервной системе. Больной становится подозрительным и неадекватным. Он испытывает частые, необъяснимые приступы гнева и ярости. Все эти симптомы присутствовали в поведении Ивана Грозного.

Умник блин.

– Итак, мой факт, – торжественно объявляет Беркутов, – Иван Грозный тайно уколошил своих жён, когда они ему надоедали, а потом прикидывался дурачком.

– Чушь.

– А я думаю, что правда.

– Официально считается, что всего у Грозного было шесть жён.

– Не шесть, а восемь.

– И несколько десятков наложниц.

– Вот это я понимаю, чел устроился, – Бондаренко присвистывает и одобрительно кивает, за что получает косой взгляд от своей дамы.

– Жениться он любил, но вряд ли сам отправлял своих женщин в мир иной. Тогда вообще многие умирали банально из-за отсутствия качественной медицины.

– Достойное предположение, Александра, – соглашается со мной Олег Юрьевич.

– Первая жена, Анастасия, умерла по неизвестным причинам. Марфу Собакину отравили, Василису Мелентьеву закопали заживо, а Марию Долгорукую утопили, – настаивает на своём Беркутов.

– Слухи-слухи...

– Тут написано, что её утопили за то, что она до него успела с кем-то гульнуть.

– Пилюгин, ты бы что-нибудь полезное в интернете почитал! – вздыхаю, наблюдая за кретином.

– Так убивал он их или нет? – даже взъерошенный Карпов заинтересовался происходящим, проснувшись под конец урока.

Личная жизнь царя вызывает жаркую дискуссию. Споры не утихают до самого звонка, а кто-то даже на перемену задерживается. Я вот задерживаться не могу, прощаюсь с Алёнкой и на всех парах несусь в гардеробную. Время поджигает, а у меня в музыкалке сегодня репетишн и конкурс.

В машине водитель передаёт мне заботливо приготовленный мамой обед, который я закидываю в себя по пути до музыкальной школы.

Грудка, тушёные овощи. Зелёный чай с антиоксидантами. Но на безрыбье, как говорится, и рак рыба.

Пятнадцатью минутами позже, попрощавшись с Глебом, закрываю дверь камри и взбегаю по ступенькам, на ходу стаскивая с себя пальто.

Ненавижу торопиться! Однако последние лет семь только и делаю, что нахожусь в режиме вечной гонки...

– Ты чудесно спела! – родительница расцеловывает меня в обе щеки и крепко прижимает к себе, обнимая за плечи.

– Думаешь?

– Даже не сомневайся! Ты была лучшей! – умело рассыпается в комплиментах. – Правда же, Паш?

Отец кивает, продолжая при этом кому-то названивать. Что поделать, такая работа у подполковника Харитонов. Всегда нужно быть на связи.

– Следующий этап вокального конкурса состоится в апреле.

– Хорошо, – мама не перестаёт широко улыбаться. – Только пожалуйста, сообщите число заранее. У нас очень плотный график. Сами понимаете, выпускной класс...

– Кстати об этом, вам определённо стоит рассмотреть для дальнейшего обучения Гнесинку [1]. Эстрадный вокал. Я настаиваю. Девочка очень талантлива! – Нарине Саркисовна абсолютно неожиданно принимается меня хвалить.

Обалдеть! Гнесинка!

Я с надеждой смотрю на мать. Ей прекрасно известно о том, что я хотела бы заниматься музыкой.

– Александра поступает в университет МВД, – безапелляционным тоном отрезает отец.

– Но Павел Петрович, – возмущённо округляет глаза Нарине Саркисовна. – Саша – человек искусства. Не кажется ли вам, что стоит обратить внимание на те данные, которыми она обладает?

– Не кажется.

– Ей же сам Бог петь велел!

– Пусть поёт. Забавы ради. А к выбору будущей профессии мы подойдём максимально ответственно. Певичку кабацкую сделать из неё хотите? Этого не будет! – нахмутив широкие брови, сердится он.

– Ну зачем же вы так...

Дальше я уже не слушаю. Итак знаю, чем всё закончится. Нарине Саркисовна предпримет попытку достучаться до папы, а тот, в свою очередь, эту самую попытку проигнорирует. Поскольку считает, что музыкант – это худшая из возможных профессий.

Его идея фикс – запихнуть меня в университет МВД. С факультетом он ещё не определился, но пообещал учесть мои пожелания.

Учесть пожелания.

Смешно.

Это всё равно что предложить любителю мяса морковь и траву на выбор. Причём в качестве ежедневного рациона.

Настроение скатывается до самого плинтуса, и я снова начинаю тихо себя ненавидеть. За то, что никогда, наверное, не буду жить той жизнью, которой хочу. По крайней мере, не в ближайшие лет эдак пять...

Спускаюсь в холл, наспех надеваю пальто и шапку. Кутаясь в шарф, выхожу на улицу навстречу снегу. Так много его в этом году! А он всё сыпет и сыпет бесконечно...

Мимо проносится толпа визжащей детворы. Перепрыгивая через ступеньки, едва с ног меня не сносят, но, только благодаря этому, я замечаю справа у перил... Паровозова. Паровозова с ЦВЕТАМИ!

Сперва думается, что это галлюцинация, но вот он внезапно отводит взгляд от дороги, поворачивается и упирается им прямо в меня.

Аж дышать и глотать перестаю.

Замыкает.

Растерявшись, просто наблюдаю за тем, как Илья, не разрывая наш зрительный контакт, докуривает сигарету, метко попадает окурком в урну и бодрым шагом направляется в мою сторону.

Блин блинский...

По мере его приближения нервничаю сильнее. Но это лишь потому что он застал меня врасплох.

Да. Только и всего...

– Ты чего припёрся? – интересуюсь недовольно.

– И тебе привет, Рыжая-бесстыжая, – проходит ладонью по волосам, стряхивая снег. Демонстративно закатываю глаза, обхожу его и продолжаю спускаться по ступенькам.

– Сань...

– Отвяжись, – бросаю обиженно.

Разумеется, всё дело в неприятной беседе, состоявшейся между нами ровно десять дней назад. Осадочек после неё остался весом с гирю. Так и ношу в себе.

«Причину своего безалаберного поступка пояснишь?»

«Считаешь, это нормально? Что отдалась первому встречному. Что легла запечатанной в постель к незнакомому мужику»

Его воспитательная лекция до такой степени опустила меня в собственных глазах, что я ревела две ночи напролёт. Проклиная дурацкую поездку в Бобрино, а заодно и свою безмозглость.

Как бы там ни было... Кто давал ему право меня отчитывать? Я взрослый человек. Захотела – переспала с ним. Морали пусть читает кому-нибудь другому! Тоже мне воспитатель нашёлся!

– Да тормози ты, – нагоняет и вынуждает остановиться, дёрнув за рукав пальто.

– Отпусти!

– Сань, – настойчиво преграждает путь.

– С минуты на минуту здесь будут мои родители.

– И что?

– Мне не нужны лишние вопросы! – напряжённо поджимаю губы.

– Давай мириться, Бестия, – делает ещё один шаг вперёд, ловко перехватывает мои пальцы своими, и я непроизвольно вздрагиваю. Потому что они ледяные.

– Вот ещё! – упрямо выдёргиваю ладонь и внимательно его разглядываю.

Кожанка вся в снегу. Нос покраснел. Скулы и уши тоже. На ресницах иней. Видимо, давно меня караулит.

– В прошлый раз нормально перетереть так и не вышло. Ты взбрыкнула.

– ВЗБРЫКНУЛА??? – прищуриваюсь, ощущая, как внутри закручивается адов вихрь возмущения.

– В силу возраста не догонишь определённые вещи.

Ах ну да, я же бестолковая малолетка!

– Короче...

– Это мне? – перебиваю, скосив равнодушный взор на цветы.

– А кому по-твоему! – гаркает он.

– Ну мало ли, – забираю и придирчиво их осматриваю.

– Не нравятся? – спрашивает в лоб, замечая мою реакцию.

– Вообще-то... я люблю ромашковые хризантемы, – выдаю капризно.

Немая пауза длиной в несколько секунд лишь усугубляет ситуацию.

Убирает руки в карманы куртки.

Кажись, слышу скрежет его зубов.

– Учту, – наконец цедит в ответ.

– Не утруждайся, – фыркаю насмешливо. – Опять попадёшь мимо.

– Не попаду.

Травим друг друга токсичными взглядами. Держу пари, он уже на грани. Вон как желваки туда-сюда ходят. Ещё немного и точно взорвётся.

Проверим?

– Мне кажется, твои цветы будут отлично смотреться вооот тут! – вставляю их в мусорное ведро и отхожу, оценивая результат своей выходки. – Да, пожалуй, здесь им самое место.

Паровозов молча смотрит на бутоны, торчащие из железной урны. Такого варианта развития событий он явно не ожидал. Успеваю заметить мрачную тень, скользнувшую по красивому лицу.

– Белые розы, да будет тебе известно, символ чистоты и целомудрия. Следуя твоей же логике, они мне совершенно не подходят, – горделиво выдёргиваю подбородок. – Всего хорошего, Илья!

Разворачиваюсь и устремляюсь от него прочь. Очень вовремя, ведь в этот самый момент на улице появляются мои родители. И глава семьи, судя по внешним признакам, пребывает не в самом лучшем расположении духа.

– Поехали.

Забираюсь в отцовский внедорожник и отворачиваюсь к окну. По ощущениям, ко мне только сейчас нормальное дыхание возвращается.

– Если лететь на майские, то надо выкупать путёвки.

– Ну так выкупай.

– А не получится как в том году? – завуалировано упрекает его мать.

– Чего ты от меня хочешь?

– Хочу понимать, как планировать наш отдых! – невозмутимо отражает она.

– Планируй. Кто мешает.

– Паш, это разговор слепого с глухим!

– Александра, ты чего там надулась? – обращается ко мне отец.

– Всё нормально, – выдавливаю из себя я.

– Из-за Саркисян?

– Её зовут Нарине Саркисовна.

Эта женщина обучает меня вокалу на протяжении семи лет, а он всё никак её имя-отчество запомнить не может!

– Не дури мне давай! – вещает с водительского сиденья. – Должна понимать, что я исключительно о твоём будущем пекусь.

– Знаю, пап, – соглашаюсь на автомате.

– Вот и прояснили. Нечего забивать голову всякой ерундой. Устроим тебя шоколадно. Благо, связи имеются. Жень, на ужин кроме травы что-нибудь есть? Или в ресторан заедем? – переключается на мать.

– Отличная идея! В кои-то веки проведём остаток вечера в узком семейном кругу.

– Чёрт бы их всех побрал! – раздражённо вздыхает отец, когда мы встаём в пробку.

С безразличием наблюдаю за тем, что происходит. Всё как всегда. Автолюбители сигнализуют, психуют и норовят пролезть там, где это невозможно сделать физически.

Протираю запотевшее стекло ладонью. Со скуки разглядываю спешащих по своим делам прохожих. Случайным образом выхватываю из толпы знакомую мужскую фигуру, и сердце подсказывает к горлу.

Аж привстаю, чтобы убедиться: он.

Отслеживаю траекторию, по которой движется. Нахмурившись, отмечаю, что спускается в метро. Там и теряю его из виду.

В салоне становится нестерпимо жарко. Сдёргиваю шапку. Расстёгиваю пальто, треща пуговицами, и послабляю шарф.

Лицо пылает. Либо отец на всю врубил обогрев, либо кто-то нещадно меня костерит.

Больше склоняюсь ко второму варианту.

– А полковник мне...

– Убавь, духота как в сауне! – не выдерживаю, бесцеремонно встревая в диалог родителей.

– Да обычная вроде температура, – поворачивается ко мне мама.

– Значит пальто твоё меня парит! – выдыхаю сердито. – Я вся мокрая, потрогай! В нём вообще невозможно тут сидеть. Говорила же тебе! Говорила?

– Сань, ну чего ты завелась?

«Сань...»

Как же меня всё бесит!

Снова отворачиваюсь к окну.

«Давай мириться, Бестия»

Страшно злюсь. То ли оттого, что пострадали ни в чём не повинные цветы. То ли оттого, что кожа до сих пор горит от прикосновения его ледяных пальцев...

[1] Гнесинка – Российская академия музыки имени Гнесиных. Образовательное учреждение.

Глава 12 Гость

Илья

Сука-сука-сука-сука...

Блять, откуда такие берутся? К ним не инструкцию надо прикладывать. Им пометку на лбу надо делать «ДЭНДЖЕР». [1] Вот такие еендовыми буквами! Чтоб мужики за метр считывали и обходили десятой дорогой!

Спускаюсь в адскую подземку и, нахмурившись, смотрю на табло, ни хрена не понимая, налево дальше, или направо.

– Стал тут посреди дороги, ирод! – раздаётся недовольное за спиной, после чего я получаю клюкой по ногам.

– Мать, те места мало, что ли? – спрашиваю вслед.

Старуха, проковылявшая мимо, резко останавливается. Оборачивается, поправляет пуховый платок, одновременно с этим сощуривая один глаз. Сканирует мою морду недобрым взглядом, а потом и вовсе посылает меня прямо туда (ага, на три весёлых буквы)...

– Охренеть, какие тут все приветливые! – ворчу под нос, продолжая поиски нужной станции.

Определившись с направлением, прохожу в вагон. Точнее в него меня заносит толпа разномастных пассажиров, в хлам затоптавших мои новые ботинки. И плевать им на то, что следующий поезд будет через пару минут. Всем надо втиснуться именно в этот. Курьеру яндекса с велосипедом. Мужiku с парой огромных чемоданов в руках. Большой делегации китайцев, балакающих на своём сяо-мяо. Мамаше с тремя орущими троглодитами. Группе студентов, занявших весь хвост вагона.

Ловлю на себе заинтересованный взгляд девчонки, стоящей в левом углу. Смотрю перед собой и всё там же в отражении вижу, как она толкает локтем свою подружку, залипшую в телефон. Та реагирует не сразу. Недовольно на неё шипит и возмущается, но по итогу, тоже поднимает на меня свои зеньки.

Оценивают. Перетирают. Хохочут.

На следующей станции подбираются ближе и, не прекращая хихикать, типа случайно на меня заваливаются, когда поезд трогается. Кто-то из них при этом снова наступает на мой ботинок.

Мать вашу...

Не мой день, по ходу. По всем фронтам.

– Извините, – пищат, краснея.

– Молодой человек, а чего это вы такой хмурый? – интересуется блондинка. – Я Света, кстати.

– А я Ира, – подключается темноволосая.

– Илья, – отвечаю без особого энтузиазма.

– Мы из меда. А ты?

– А я органами торгую, – выдаю на полном серьёзе.

– Чё?

– Почку не хочешь продать? – наклоняюсь, обращаясь к той, которая представилась Светой. – По-быстрому у ребят моих вырежем. Деньги налицом сразу. Много.

– Нееет, – испуганно от меня шарахается и тянет за рукав свою подружайку.

Вскоре вылетают из поезда, сверкая пятками. А я ржу.

Ну вас в жопу, девочки. С одной уже провёл приятно время. До сих пор разгребаю. Никак не разгребу.

Сжимаю ладони в кулаки. Чувствую, что начинаю закипать по новой. Стоит только вспомнить невыносимую рыжую стерву, возмнившую о себе невесть что, и аж в глазах от злости темнеет.

Еле сдержался, чтобы не нахамить. Отвечаю. Особенно, когда она с улыбкой на лице отправила в урну купленные мной цветы.

Дура конопатая. Придушил бы! Ни одна баба так себя со мной не вела! А эта совсем попутала...

Механический голос объявляет остановку, и я только сейчас понимаю, что свою проехал. Выдаю трёхэтажный забористый мат.

– Чтоб тебе «хорошо» спалось сегодня, ведьма проклятая! – посылаю в космос. Очень надеюсь, что «там» услышат.

Короче смиренно еду дальше, воспринимая это как возможность согреться. Минут пятнадцать спустя в голову ударяет моча. Решаю посмотреть главную достопримечательность Москвы, потому что возвращаться на хату к пацанам пока желания нет...

Из подземки выползаю уже в районе двенадцати. На поверхности дышать становится значительно легче, чем в московском метрополитене. Хотя, возможно, только в зимний сезон так. Наслышан о том, что летом в этих бетонных джунглях можно от духоты скопытнуться.

– Говори.

– Илюха, ты куда пропал? – интересуется Дымницкий.

– Культурно просвещаюсь, – вставляю в рот сигарету и опять кручу головой, пытаюсь сообразить, куда мне надо.

– Шаришься где-то?

– Красную площадь ездил смотреть.

– Ого-го! И чё? Впечатлился?

– Типа того.

При всей моей нелюбви к столице, теперь понимаю, зачем туда прётся каждый заезжий турист.

– А щас ты где?

– Уже на районе. По какому поводу допрос?

– Обижаешь, беспокоюсь, братан. Ты ж у нас топографический кретин. Мало ли...

– Через пять минут буду. Пожрать что-нибудь есть? – пропускаю его подкол мимо ушей.

– Ага, поляна накрыта. Давно тебя ждём.

Сбрасываю вызов. Осматриваю местность и нахожу свой ориентир – те самые дутые стеклянные высотки. Застёгиваю молнию повыше. Прячу руки в карманы куртки и топаю вперёд по расчищенному тротуару.

Надо бы позвонить в автосервис и узнать, что с тачкой. Ваше не в тему она сломалась! Завтра к человеку срочно ехать, а я пешеход.

Слушайте, а может, это был знак свыше? Машина-то не завелась прямо перед поездкой к Бесстыжей. Ну точно! Сам Господь Бог хотел оградить меня от этой встречи.

Кто-то кричит. На автомате поворачиваю голову и замечаю какую-то нездоровую движуху, происходящую по ту сторону улицы. Слышу визг тормозов. Протяжный звук сигнала. Чуть дальше замечаю придурка, выбежавшего на середину дороги.

Останавливаюсь. Наблюдаю за тем, как он пытается преодолеть препятствия в виде экстренно стопырнувших автомобилей. Так спешит, что бросается напрямик под колёса. Пересекает последнюю полосу. Несётся сюда. Не добегая до киоска, сворачивает направо, к жилым домам.

Два бугая преследуют его до самой арки, а потом исчезают в темноте.

Ситуация – дерьмо. Чуйка у меня на такие дела отменная. Потому что себе подобных я вижу за километр...

Иди мимо, Илюх. Своих проблем мало? Чужих себе решил подкинуть? На черта оно тебе надо! Тем более, что ты не знаешь, по какой причине эти двое за ним гонятся.

Ты не должен влезать в их разборки.

Не должен, но влезаю.

Разворачиваюсь и, раздражённо цокнув языком, возвращаюсь. Повторяю их маршрут. Тихо дохожу до арки, достаю пистолет и ныряю башкой в проём.

Гасят пацана на пару, как и предполагал.

Устроим им нежданчик.

Всё, что происходит дальше, можно измерить секундами, ибо развиваются события крайне стремительно.

В ночной тишине раздаётся мой выстрел. За ним следует их ответка. Повторяем по кругу дважды.

Баба, не вовремя решившая выгулять свою псину, замирает на месте и орёт как припадочная на весь двор.

Забурившись за углом, показываю ей, чтоб убиралась прочь, но эта глупая неадекватная курица угрожает ментами и уходит явно не планирует, привлекая всё больше внимания.

К детской площадке подъезжает чёрный внедорожник. Слышу топот, выстрелы и хлопок дверей, а там уже водила бьёт по газам.

Поднимаюсь на ноги. Держа наготове ствол, осторожно заглядываю в арку.

Так и есть. Свинтили...

Быстрым шагом направляюсь к человеку, лежащему на земле.

– Живой? – подсвечиваю пространство вокруг себя телефоном.

В первое мгновение думается, что я опоздал, но когда принимаюсь осторожно тормошить его, выдыхаю. Потому что «тело» начинает стонать.

– Пулевое? Ножевое? – допытываюсь сразу. – Слышь, ответь.

Молчит, и это как-то напрягает.

– Я позвонила в скорую! – не рискуя заходить в арку, громко сообщает извне мадам с твякающим пинчером.

– Не... не надо... в больницу. Мне... нельзя, – оповещает пострадавший.

И почему я не удивлён?

– Надо глянуть, что там, – аккуратно переворачиваю его на спину.

– Насте... отдай.

Не сразу до меня доходит, чего он хочет. Сдёргивает что-то с шеи и, зажав в ладони, протягивает мне...

– А вот и наш... Илюха, – Черепанов меняется в лице.

– Отойди, – ору на него и вваливаюсь в квартиру с мычащим телом в обнимку.

– А чё такое? – Тоха в недоумении глазеет на «гостя».

– Дверь закрой за мной.

– Паровоз...

Не разуваясь, двигаю в комнату вместе со своей ношей. Голоса и смех затихают, как только взгляды всех присутствующих концентрируются на мне.

– Дайте приземлиться, – приказываю, тяжело дыша.

Чёртовы ступеньки. Коней двинуть можно.

– Это ещё кто такой? – Дымницкий и Кабанов подрываются с дивана.

Я укладываю избитого пацана туда и шумно выдыхаю. Все мышцы огнём горят.

– Осмотри его, Свечка, – обращаюсь к Ленке, в шоке наблюдающей за происходящим.

Очень кстати она тут оказалась. Прямо всё к одному складывается.

– Давай-давай, Лена, пошустрее...

– Яяя? – она удивлённо на меня таращится.

– Ты говорила, что училась на медсестру, – напоминаю, раздражаясь.

– Это было давно, и училась я на ветеринара!

– Один хрен.

– Да, как бы, не совсем! – спорит, прикладывая пальцы к сонной артерии «пациента».

– Проверь, пульс или ножевое, – поясняя, скидывая с себя кожанку. – На улице не было возможности. Надо было линять. Еле допёр его через дворы.

– Это же не труп, да? – спрашивает Витос, отчаянно паникуя.

– Пока пульс есть, – успокаивает его Лена.

– Пока?

– Не пойму, что с ним. В отключке, но периодически подаёт признаки жизни, – сообщаю, расстёгивая на парне куртку.

– Да на нём живого места нет, – она морщится, когда разглядывает испачканное кровью лицо. – Нос, возможно, сломан, но эт не точно.

Задираю свитер. На животе и груди никаких ран не обнаруживаем. Только гематомы.

– Что с рёбрами и внутренними органами вот так на вскидку не определим, – задумчиво вещает Свечка, ощупывая парня. – А ну-ка, переверни его, Илюх.

Делаю то, что просит, однако ничего нового мы на спине не находим. Да, те бугаи успели конкретно его отмутузить, но огнестрела я не вижу.

– Башню проломили. Кровь идёт, – подключается к нашему «обследованию» Дымницкий.

– Сотрясение по-любасу есть, – констатирует Свечка, ловким жестом расстёгивая ремень.

– Ты чё делаешь? – округляет глаза Кабан.

– Осматриваю. Что ещё по-твоему? – с невозмутимым выражением лица стаскивает с незнакомца джинсы. – Ну тут тоже вроде норм. Ноги целы.

– Ты и в трусы к нему полезешь, Свечкарёва? – уточняет Череп.

– Это вы уж сами, если надо! – злится она, оставляя тело в покое.

– Ничё такой, да? – Тоха толкает Витоса в бок.

– Ты debil? – ошетинивается тот.

– Заглохните оба! – выпаливаю гневно.

– А он и впрямь симпотный, – Лена склоняется над потерпевшим, размыкает его веки и какое-то время пялится на зрачки.

– Илюх...

– М?

– Ему, по ходу, что-то всадили, – хмурится и выпячивает губы, размышляя над озвученным.

– Вполне вероятно, – киваю, заново прокручивая в голове эпизод, произошедший в арке. Там ведь и тачка неспроста появилась. Получается, планировали забрать «цель» с собой, а там уже где-то, перед кем-то замочить?

– И чем его накачали? – зевая, любопытничает Тоха.

– Мне ж откуда знать, – Ленка поворачивает голову лежащего вправо. – Какой-то дрянью. О! Нашла. След от укола.

– Где? – придвигаюсь ближе.

– Плохо видно из-за татухи, но вот, присмотрись.

И правда. На шее есть странная отметина.

– Чё теперь с ним будет?

– Скоро проснётся, надеюсь, – она пожимает плечами. – С вероятностью пятьдесят на пятьдесят...

– А если нет? Если он отъедет у нас на хате? – Черепанов встревоженно косится на Дымницкого, и тот устремляет вопрошающий взор на меня.

– Откуда он вообще взялся?

– Удирал от головорезов.

– А ты там каким боком? – Кир вскидывает бровь.

– Мимо проходил, – поясняю коротко.

– Ну ясно. Ты, Илюх, как всегда, в своём репертуаре.

– Кто-то здесь чем-то недоволен? – осведомляюсь сухо.

Молчат. На мордах без слов всё написано, но желающих возразить в устной форме нет.

– Очухается и свалит. От вас не убудет, – подвожу итоги немого голосования.

– Главное, чтобы к нам не наведались его «друзья», – тихо шелестит Витос.

– Мож хоть куртку его прошманим? – предлагает Череп.

– Валяй, – даю разрешение и наливаю себе водяры. Ну и денёк!

Тоха с энтузиазмом берётся за дело. Уже минуту спустя на столе рядом с пойлом лежат вещи загадочного мистера икс.

– Паспорт на имя Максима Азорина. Фотка какой-то тёлочки. Карта тройка. Двести рэ налом, – проводит он инвентаризацию.

– Негусто, – Дымницкий забирает паспорт и достаёт телефон. Щас пробивать начнёт нашего пассажира.

– Ему кое-что понадобится, если выйдет из сумрака, – осторожно добавляет Свечка. – Кто из вас сгоняет в ночную аптеку?

Да просто лес рук!

– Череп, метнись, – киваю в сторону двери.

– А мож подождём? Оклемается или нет. А там уже...

Припечатываю его тяжёлым взглядом.

– Ладно, – нехотя отрывает задницу от стула. – А чё брать-то?

– Я напишу, – провожая его в коридор, говорит Лена.

– Паспорт – лажа, – хмыкает Дымницкий.

И почему-то я снова не удивлён.

[1] «Дэнджер» (Danger с англ. яз) – опасность.

Глава 13 Клим

Тихо скрипнув, открывается дверь, и уже через несколько секунд Свечка оказывается рядом со мной. Жмётся ко мне сзади, обхватив обеими руками. Обжигает кожу спины горячим дыханием.

– Шрам останется, – дотрагивается до плеча.

– Одним больше, одним меньше, – достаю из шкафа футболку, но Ленка настырно мешает её надеть.

– Я так скучала по тебе, – оставляет поцелуй на моей лопатке и отстраняется. – А ты?

– Не до скуки было, сама понимаешь.

– И всё-таки...

– Сказал же, позвоню.

– Но не позвонил, — заходит спереди и виснет на моей шее.

– Был занят... – отвечаю размыто.

Она склоняет голову влево и разочарованно вздыхает.

– Ясно. Но я рада, что ты теперь тоже в Москве. Будем чаще видеться.

– Как получится, Лен.

– Получится. Я буду приходить, когда захочешь.

– Очень заманчиво.

– Слушай... А может, ты переедешь ко мне? – её пальцы уверенно спускаются вниз, к животу. – Насовсем.

Вопросительно вскидываю бровь. Ни хрена себе предложение.

– Ну а чего? – продолжает она на полном серьёзе. – Верка на следующей неделе свалит к своему парню на пмж, так что... Я останусь совсем одна. Давай вместе жить, Паровозов?

– Свечка, ты спятила? – вглядываюсь в её лицо. – Сегодня луна в козероге? Чё ж вас, баб, так несёт...

– Кого это вас? – задумчиво хмурит изящные тёмные брови.

– Как дела на работе? – отхожу к окну, достаю из кармана пачку с куревом и открываю форточку.

– Всё в порядке, – идёт за мной следом.

– Никто не обижает? – прищуриваюсь, внимательно наблюдая за её реакцией.

– Нет, – отрицательно качает головой. – Армена как будто подменили. Больше не достаёт меня своими пошлятскими шутками. А позавчера его вообще петух в задницу клюнул. Премии выдал. Небольшую, но всё равно приятно.

Затягиваюсь глубже. Медленно выдыхаю дым. Гаспарян – тот ещё чёрт, но трусливый, как заяц.

– Спасибо. Я знаю, что это ты запугал его, – улыбается, озвучивая свою догадку.

– Не выдумывай, – стряхиваю пепел, сохраняя морду невозмутимой.

– Я ж не дура, Илья.

– Подыщи себе нормальную работу, Лен. По ночам девочкой на побегушках обслуживать пьянь в караоке – это не для тебя.

– А что для меня, по-твоему? Образования нет, связей тоже. Богатого спонсора-папика искать не хочу. Но могла бы, – добавляет, как бы, между прочим.

– Это самый тупой вариант.

– Здесь, в Москве, продажные связи – распространённое явление. Мне предлагали, если хочешь знать. Катька Уварова в этой сфере уже в районе полугода варится.

– Дура твоя Катька, – тушу окурочек о края пепельницы.

Ещё при первой встрече понял, что подружка Свечки слаба на передок.

– Дура не дура, а вон, с новым айфоном и сумочкой от Валентино в Тайланд едет со своим хмырём.

– Ага, и не факт, что оттуда вернётся, – хмыкаю, убирая руки в карманы.

– Звала меня с собой, кстати. Третьей, – выдерживает многозначительную паузу. – Но я отказалась.

– А че так? – интересуюсь насмешливо, полностью разворачиваясь к ней корпусом.

– Зачем мне старикан. Я молодого хочу. Сильного, красивого и сексуального. Такого, как ты, – снова гладит ладонями мой живот, после чего тянет за ремень к себе. – И деньги мне не нужны. Только качественный секс и немножко твоего внимания. Согласись, не так уж много, правда?

Молчу в ответ. Она снимает с себя свитер и прижимается голой грудью к моему торсу.

– Как ты сегодня хочешь, Илья? – оплетая руками, жарко шепчет на ухо и призывно выгибается. – Наверное, вот так?

Сползает вниз по стене и, лукаво подмигивая, расстёгивает молнию на моих джинсах.

Сгребая тёмные волосы в кулак, смотрю на Ленкины приоткрытые губы и вдруг представляю на её месте маленькую рыжую стерву. Стерву, вставшую передо мной на колени. Стерву, глаза которой смотрят на меня. Стерву, абсолютно обнажённую и покорно открывшую рот...

Эта нечаянная фантазия шарахает по башке с такой силой, что в лёгких внезапно заканчивается воздух. Образ Рыжей зависает в мозгу навязчивой цветной картинкой. В горле становится сухо, а в трусах невыносимо тесно.

– Паровоз, там это... – Тоха застывает на пороге и пялится на Ленку, уцепившуюся за мои боксеры.

Она раздражённо убирает руку и матерится.

– Стучаться не учили, Черепанов? – поднимается на ноги и, не стесняясь своей наготы, тянется к пачке сигарет, лежащей на подоконнике.

Хоть бы прикрылась.

– Типок оклемался минут двадцать назад, ты просил сообщить, – обращается ко мне Тоха, прочищая горло. – Кир взял его в оборот. Щас расколет.

Череп говорит со мной, однако его взгляд всё равно снова уплывает в сторону Свечки, дымящей у окна.

– Иду, – тяну вверх штаны и направляюсь к выходу.

– Сорян.

– Кайфолом, — цокает Ленка языком.

– Одевайся, – оборачиваюсь у двери. – Витос подкинет тебя домой.

– Не поняла? – обиженно на меня тарашится.

– Время позднее. Тебе пора. Я позвоню.

Смотрим друг на друга пару секунд. Она поджигает губы и забирает со стула свитер.

– На листке написала, какие таблетки надо давать и в каком количестве. А лучше отвезите парня в больницу, мало ли что с ним.

– Пошли, Череп, – застёгиваю ремень идвигаю в соседнюю комнату. Туда, где всюю идёт допрос.

– Имя и фамилия.

– Долго молчать собираешься? Или память отшибло?

Максим, который не Максим, сидит на диване и лупится себе под ноги, никак не реагируя на Дыма и Кабана.

– Может, он глухонемой? – предполагает Виталик.

– Нет, – с ходу отметаю эту версию.

– Эу, алё! – Кир толкает нашего «гостя» в плечо.

– Отвали, – произносит тот, стреляя в него предупреждающим взглядом. И хотя по состоянию он очень слаб, посыл вполне себе крепкий и самоуверенный.

– Слышь, борзый, отгребёшь, отвечаю! – слышу угрозу в голосе Дымницкого. – Ты кто такой, спрашиваю! Имя, фамилия.

– Где кулон? – игнорируя его вопросы, ощупывает карманы.

– Который для Насти? – уточняю на всякий случай.

– Верни.

Успеваю заметить, как морщится, услышав имя девчонки.

– Непременно. Но сначала поговорим, – ставлю стул напротив.

– Один на один, – выдвигает своё условие, откидываясь на спинку дивана.

– А ты не охерел ли случаем? – взрывается Дымницкий.

– Дайте потрещать, – пресекаю дальнейшую бычку. – Рассос. Чаю выпейте. Витос, Лену отвези, пожалуйста, домой. Всё равно тебе по пути.

– Лады, Илюх.

– Сколько? – передо мной вырастает фигура Свечки, демонстрирующей пострадавшему три пальца.

– Четыре.

– А так?

– Три.

– Ясно. Голова кружится? Тошноту ощущаешь? – не отстаёт от него она.

– А ты врач, что ли?

– Ага, недоветеринар, — ухмыляется она.

– Нормально мне. Почти, – добавляет, прикрывая глаза. Сжимает челюсти.

– У тебя, скорее всего, сотрясение. Все признаки вроде как имеются. А вообще, что болит? – Свечка делает шаг вперёд и без смущения начинает его трогать.

– Ёп... – кривится он и пытается отодрать от себя её настойчивые руки.

– Ребро, одно или два, возможно, сломаны. Область печени при пальпации меня тоже беспокоит. Короче, как я и сказала, в больницу его везите, ребят.

– Нет! – наотрез отказывается «пациент».

– Почему?

– Я уйду утром. Дайте одну ночь перекантоваться, – трёт глаза.

– Больше ниче не хочешь? Горячий ужин, телек, одеяльце, – насмешливо перечисляет Дымницкий.

– Обойдусь. Полежать просто надо. Плывёт всё чёт...

– На хер ты притащил сюда эту наглую падлу, Паровоз?

– Свинтите все, по-братски, – команду раздражённо.

– На моём диване он спать не будет, – уходя, бросает Кир.

– Всем пока! А ты, Максим, выздоравливай, – Свечка забирает свою сумку со стола и, коротко мазнув губами по моей щеке, уходит вслед за парнями.

– Отдай цепочку, она мне дорога.

– Я понял.

– Откуда про Настю знаешь? Я говорил? – догадывается, ощупывая разбитый нос.

– Да, но твоя личная жизнь меня волнует меньше всего. Лучше объясни, чего хотели от тебя те двое.

– В двух словах не рассказать.

– А я никуда не тороплюсь, «Максим», – делаю акцент на его имени.

– Данила, – колебавшись, протягивает руку. – Меня зовут Даня Клим.

– Ты числишься в розыске? – сразу напирю на него с вопросами.

– А ты мент, что ли?

- А что похож?
- Ни хрена, – фыркает, глядя на меня.
- Ну вот и прояснили.
- Я тебя благодарен за помощь, Илья, но задушевных историй от меня не жди. Не готов делиться своим прошлым с незнакомым человеком.
- Не настаиваю.
- Могу уйти утром? Или лучше прямо сейчас?
- Громкий и настойчивый стук в дверь не даёт возможности ответить.
- Очевидно, что сейчас – не самый лучший вариант, – поднимаюсь со стула и направляюсь в коридор.
- Отлично, время два часа ночи. И это явно не соседка за солью пришла, – недовольно предполагает Кирилл.
- Нам крышка, – коротко характеризует ситуацию Тоха.
- Достаю с верхней полки шкафа свой пистолет и подхожу к двери.
- В комнату уйдите, пушки возьмите.
- Не открывай, Илюха, – просит Череп, но я уже проворачиваю замок.

Глава 14 Синий движ

Готовый ко всему, левой рукой открываю дверь. Пальцами правой сжимаю пистолет, который прячу за спиной.

– Сюрприз!

На лестничной клетке стоит Стас Калашников и его двоюродный брат Димон, которого мы с юности зовём Динамитом. За непреодолимое желание взрывать всё вокруг.

– Ну чё, здорово, братва!

– Вашу мать! Напугали, кретины! – возмущается Черепанов, размахивая стволом.

– А чё такое? Ждали кого-то другого? – Калашников окидывает присутствующих подозрительным взглядом.

– Типа того.

– Ну и морды у вас! Особенно у тебя, Тох! – хохочет он громко. – Пушки-то уберите, алё. Свои.

– Там внизу никого? – уточняет Череп, поглядывая за их головы.

– Не. Только Свечку и Кабана во дворе встретили. Он свою тарантайку прогрел.

– Что вы там разорались! Жаловаться участковому буду! – раздаётся недовольный голос из соседней квартиры.

– Давайте, заваливайте в хату, пацаны, тут справа такая противная карга живёт. Щас реально ментов вызовет.

– Паровоз, дружище! – Стас заходит первым, энергично пожимает мою руку и обнимая хлопает по спиняке. – Ещё раздался вширь, Илюха! Спортсмен! Как она, житуха?

– Нормально.

– Щас у меня воды отойдут. Где у вас отлить можно? – вместо приветствия интересуется Димон.

– Вторая дверь дальше по коридору, – инструктирует Дымницкий.

– Не забудь смыть, Динамит. У нас тут это, чистота чисто тайд! – деловито сообщает Череп.

– Вам привет из Заречного. Мы не с пустыми руками, – Стас, громя банкками, передаёт клетчатую сумку Черепанову.

– О, соленья! Бабкины? – расслабившись, сразу оживляется тот.

– А чьи ж. Там и самогончик её по традиции.

– Ваше зачёт!

– Ну чё, братва, бухнём за переезд в столицу?

Поддатые и навеселе, парни делятся друг с другом последними новостями, ржут как кони и сметаю со стола всё, чем богаты.

– Значит, Зорин и Мина слились?

– Да и хрен с ними. Уравняем эту потерю с вашей помощью, – отмахивается Тох.

– А почему вдруг решили к нам примкнуть? – прищуривается Дымницкий. – Вы ж типа после истории с фурами своей дорогой решили идти. Семейный бизнес развивать.

Замечаю, как резко Стас меняется в лице.

– Нет больше никакого бизнеса, – выдаёт неожиданно.

– Завод же работает, – хмурится Кир.

– Да, но матери он больше не принадлежит. Отжали его иссоповские, – в его голосе звенит досада.

– Вот сучары!

– Пришли к нам домой в моё отсутствие. Зашугали мать, вынудили подписать документы. Угрожали, что пустят по кругу сеструху.

– Мрази!

Калаш опрокидывает в себя стакан с водярой и морщится. Сложно представить, что он сейчас испытывает. Оружейный завод – единственная память об отце. Тот в своё время этот самый завод с колен поднял.

– Когда-нибудь я верну его назад... – сам себе говорит тихо.

– Давно пора этих охеревших тварей вальнуть, – поддерживает идею Череп.

– Этот, – Динамит кивает на Стаса, – как начал пороть горячку. Рыпался в логово к Медведю ехать разбираться. Хорошо, что я в гости к родственничкам вовремя припёрся. Буквально на пороге перехватил. Благо, мать вцепилась в него намертво.

– Не, Стасян. В этой ситуации, один в поле не воин, – качает головой Дымницкий. – Иссоповских можно разнести только толпой. Чтоб разом и наверняка.

– И однажды мы это обязательно сделаем, – твёрдо обещаю, глядя Калашу в глаза.

– К отцу твоему ходил, – кривит губы в усмешке. – Он сказал, что ничем помочь не может. Мол территория не его...

– Трус конченный. Ты чего-то другого от него ожидал?

– Мля, ну они ведь дружили, Илюх!

– Забудь. Этот человек давно уже не тот, что раньше.

– Продуктовый рынок в Заречном теперь его, знаешь? Видать в качестве подачки разрешили к рукам прибрать.

– А куда делся Рустам, бывший владелец? – ошарашено моргаю.

– Да как и в ситуации с вами. Вынудили сменить место жительства.

– Совсем берега попутали.

– Я просто в ауте, – Тоха наливает себе ещё. – Пилят по беспределу всё, что только можно.

Так и есть. Происходящее на родине меня очень расстраивает. Бобриню чахнет от того, что никто не хочет вкладываться в инфраструктуру вымирающей деревни. Цветущий, развивающийся посёлок Жулебино и соседний Заречный постигает участь ещё более печальная. Местных предпринимателей душат обосновавшиеся в наших краях чужаки. Попросту отжилая бизнес. Причём и мелкий, и крупный.

– Короче, Илюх, – Калаш ставит пустой стакан на стол. – Принимай нас в свои ряды. И это... Нам удалось свистануть оружие со старого склада. Сколько смогли, вывезли. Надо куда-то спрятать.

– Понял.

– А вообще, поясните, чем заниматься будем? – Динамит закидывает в рот солёный огурец.

Переглядываемся с Дымницким, и я киваю, разрешая посвятить пацанов в наши планы.

– Мага будет подкидывать нам обращения несчастных граждан. На которых наезжают по беспределу. Вон таких, как мамка Калаша.

– И?

– И наша задача помочь. За кусок бизнеса или за бабло.

– Пацаны, без обид, но кто мы такие? Это же Москва, а не область.

– Все с чего-то начинают.

– Но Илюх...

– Кто не рискует, Димон, тот, как известно, не пьёт шампанское. У Дыма связи, как ты помнишь. Пока на дядьку его поработаем. Потом при первой возможности уйдём в свободное плавание.

– Я понял, но пока, пожалуй, свою кормушку бросать не буду.

– Прохаванный, – Калаш толкает его локтем.

– Ладно. Давайте выпьем! За удачу! Пусть она сопутствует нам во всём! – Дымницкий поднимает свой стакан вверх. И этот жест повторяют остальные.

– А чё за работа у тебя? – спрашивает у Динамита Тоха.

– Да водителем вышки работаю в электросети. Поднимаю электриков к столбам и всё такое.

– Понятно.

– Мы на рабочей машине сюда приехали. Во дворе стоит. Я типа на дежурстве, потому и не бухаю с вами, – расстроенно косится на свой абрикосовый компот.

– И сколько платят?

– Да немного.

Они болтают, а в моём пьяном мозгу внезапно зарождается наибредовейшая идея. Нелепая. Совершенно идиотская.

– Пошли, – встаю и хватаю со спинки дивана свою куртку.

– Куда? – Дима растерянно на меня тарашится.

– На первое дело, – подмигиваю я ему.

– Паровозов, чё за синий движ? – не втыкает Дымницкий.

– Погнали. Череп, за Климом присмотри. Когда снова очнётся, закинь в него таблетки по бумажке. Свечка сказала надо.

– Я ему нянька, что ли? – возмущается, надувшись.

Пацаны одеваются и прутся за мной в коридор. Я прошу их подождать, возвращаюсь на балкон, и кое-что оттуда забираю.

– Илюх, так я не понял, что делать надо? – обуваясь, уточняет Димон.

– Всё как обычно. Поднимешь меня кое-куда на своей вышке, – ржу, не попадая в ботинок с первого раза. Размотало чёт.

– Ладно, – соглашается он. – Это ненадолго? А то вдруг меня мужики вызовут.

– Ненадолго. На дворе глубокая ночь, пробок нет, домчим до пункта назначения быстро.

Собственно так и получается. Дороги практически свободны, поэтому к нужному дому подъезжаем уже через полчаса.

– Не пояснишь затею? – озадаченно спрашивает Кир, выбираясь из машины на морозный воздух.

Осматриваюсь по сторонам. Улицы пусты, почти во всех окнах свет не горит.

– Илюха...

– Не нуди, Дымыч, – просчитываю траекторию. Объясняю Динамиту, куда надо встать, и куда меня отправить.

– Спятил ты, что ли? – вздыхает Дымницкий.

– Ловите меня внизу, если чё, – смеюсь, хлопая его по плечу. – Димон, ну я полез?

– Чё за херню он творит? – слышу голос Калашникова за спиной.

– Да кто б понимал, – отзывается Кирилл, и меня ещё больше распирает на ржач.

– Ты только это, держись, Илюх, когда поднимать буду, – советует водила.

– Ща... – залезаю по ступенькам на узкую площадку подъёмника и ору, что готов.

Калаш вскидывает руку вверх, подавая команду Динамиту. Мол пора.

– Мать твою, – аж приседаю от неожиданности, когда вся эта херь приходит в движение.

– Держись, придурь! – напоминает Дымницкий.

– Какой-то пиздец, – содержательно комментирует происходящее Стас.

Качнувшись, сжимаю пальцами края обледенелых поручней и, нервно хохотнув, наблюдаю за тем, как в прямом смысле слова земля уходит из-под ног.

Глава 15 Нежданчик

Саша

Будильник давно сработал, но мне так не хочется открывать глаза и подниматься с постели... Забурившись с головой под одеяло, досыпаю драгоценные минуты. Тело и мозг снова медленно погружаются в состояние релакса, и вот я почти отключаюсь, но...

– Санечка, золотко! Подъём, моя милая курочка! – воодушевлённый голос матери безжалостно врывается в мой дзен. – Саашкааа!

Она сдёргивает покрывало одним резким движением.

– Ты изверг, – хныкаю, отползая к стене.

– Давай, Рыжик, мы уже опаздываем. А у кого-то, между прочим, первым уроком контрольная по физике!

– Из-за этой грёбаной физики я и не спала полночи! Будь она неладна!

– Ну-ка не выражайся! Вставай. Жду тебя на кухне через десять минут.

– Не жди, кашу я есть не буду, – морщусь, опуская ступни на пол. Холодно.

– Сегодня у нас творожная запеканка! – радуется она, ускользя за дверь.

– О, отлично.

Через силу заставляю себя нырнуть в тапочки, покинуть маняще мягкую постельку и добраться до ванной комнаты. Чищу зубы, умываюсь, протираю лицо тоником и расчёсываю волосы, решив, что сегодня обойдусь совсем без макияжа. Во-первых, вообще лень заморачиваться, а во-вторых, времени итак уже ни на что не осталось.

Облачившись в школьную форму, выхожу к родителям на кухню. Отец по традиции читает газету, всё ещё отдавая предпочтение бумажной версии новостей. Мама, одетая в новый малиновый брючный костюм, суетится у плиты. Как всегда, ради нас, а не ради себя самой.

– Доброе утро, пап, – целую гладко выбритую щёку и сажусь напротив.

– Проснулась, соня?

– Кофе, чай, Саш? Хотя нет, стоп. Кофе тебе нельзя.

– Зачем тогда предлагать! – недовольно поджимаю губы. – Мозги совсем не варят, кофе пришлось бы очень кстати!

– Хочешь, какао организую? – хулиганским жестом взъерошивает мои волосы.

Rrrr! Только блин причесала своё гнездо!

Вооружаюсь вилкой и молча жую запеканку. Пару минут спустя передо мной появляется кружка с дымящимся какао.

– Паш, оторвись уже от своего чтива. Всё остыло.

– Подожди, Жень.

Мама закатывает глаза, направляется к кофемашине и делает себе эспрессо.

– Я оплатила бронь на майские. Вылетаем тридцатого апреля из Шереметьево, – сообщает, встав у окна.

– Сиднюкова снимают с поста, хм... – сам с собой разговаривает папа.

Кто о чём.

– Ого. Вы это видели? – удивлённо произносит мама, отодвигая в сторону занавеску. – Сашка, иди-ка глянь.

– Ма, дай прожевать, – листаю ленту в телефоне.

Бондаренко выложил новые фотки с Купцовой. Гуляли на ВДНХ. Целовались. Только мне отчего-то совсем фиолетово. Не ёкает внутри совершенно. Спокойно отписавшись от аккаунта своей детской мечты, продолжаю завтракать.

– Обалдеть!

– Ну что там ещё? – бормочет отец, нехотя откладывая газету.

– Надо же, давно такого не видела. Как романтично, – хихикает мама.

Папа поднимается с диванчика, поправляет домашние штаны на округлившемся животе и подходит к ней.

– Вот уроды! Да за такое в обезьянник сажать надо! – заводится он не на шутку.

– Перестань.

– Запись с камер поднять, найти этого недоразвитого и такой штраф впаять, чтоб мало не показалось!

– Паш, не будь таким ворчуном.

Переместившись к столу, по привычке начинают спорить, а я в свою очередь решаю посмотреть, что так взбесило моего бату. Встаю со стула, иду к окну и намереваюсь сделать глоток чудно пахнущего напитка. Да только тут же давлюсь, закашлявшись. Захожусь самым настоящим приступом. До асфиксии и слёз. Ещё и любимую кружку роняю на плитку, отчего та с громким «дзинь» разбивается на несколько частей.

– Санечка, ты чего, зай! – мама спешит ко мне на помощь. Пока я кашляю, гладит меня по плечу и с беспокойством заглядывает в лицо.

– Обожглась, – поясняя произошедшее.

– Вот к чему приводит ваша спешка! – причитает отец.

– Я сейчас уберу всё, – приседаю на пол и трясущимися пальцами собираю кусочки кружки с изображением планет.

Перед глазами всё ещё ЭТО. Огромная, графичная ярко-рыжая надпись, красующаяся на боковой стене дома, стоящего перпендикулярно по отношению к нашему.

ЗАМУТИМ, БЕССТЫЖАЯ? :)

Причём вторая «с» в слове бесстыжая изображена тонкой английской змейкой «S», втиснутой между соседними буквами. Она изящна и смотрится оригинально, однако у меня всё равно складывается впечатление, будто про неё сперва забыли.

Придунок, ну какой придунок!

Мама замечает оставшиеся части кружки на совок, а я, выпрямившись во весь рост, ещё разок бросаю взгляд на соседнюю многоэтажку.

Ну когда он успел? А главное, как? Вообще не представляю. Это ведь очень-очень высоко!

– Саш...

– М? – растерянно оборачиваюсь.

– Время, – подгоняет она, взглянув мельком на часы. – Паш, мы поехали. До вечера! Форма висит в гостиной.

– Брюки нормально погладила? Или как в прошлый понедельник.

– Костюм привезли из химчистки, так что заканчивай с возмущениями.

«Замутим, бесстыжая?» – эхом колотится в мозгу, пока я натягиваю сапоги в прихожей.

Нет, я бы точно никогда и ни за что не подумала, что послание на стене адресовано именно мне, но «бесстыжей» Паровозов называл меня уже не раз. Нарочно напоминая о том, что именно я была инициатором совместно проведённой ночи.

Козёл! Никогда не забуду, как он ушёл, не попрощавшись!

– Ты почему такая красная? – уже в лифте спрашивает мама.

– Да ёлы-палы, тебе не угодишь! – психую, застёгивая пуговицы на ненавистном пальто. – То слишком бледная, то слишком румяная!

– А чего завелась-то? – поправляет на мне связанный ею шарф. – Шапку доставай, дочь.

– Хватит вести себя так, будто мне десять!

– До критических дней совсем чуть-чуть осталось, ты поэтому злюка? – предполагает она, легонько щёлкнув меня по носу.

– Можно хотя бы это не отслеживать! – раздражаясь всё больше, демонстративно поворачиваюсь к ней спиной.

– Сашка... Ну не капризничай, – намеревается примирительно обнять меня, но створки лифта разъезжаются, и я тороплюсь покинуть душную кабину.

Выхожу из подъезда. Вдыхаю свежий морозный воздух зимнего утра. Спускаясь по лестнице, запрокидываю голову и снова изумлённо таращусь на «послание», кажущееся отсюда просто нереально гигантским.

Нет, ну как он это сделал?

На ум приходят только кадры из фильма «Человек-паук».

Смеюсь. В какой-то момент моя нога вдруг скользит по обледенелой ступеньке. Я, протяжно ойкнув и не удержав равновесие, лечу вниз. Падение выходит чертовски неприятным. Издаю нечеловеческий звук и рычу в небо.

Чтоб вы понимали, на контрольную по физике в этот день я так и не попала. Спасибо, блин, Паровозову!

Папа помог мне добраться до квартиры. Там уложил меня на диван, осмотрел пострадавшую ногу и велел матери срочно принести из морозилки лёд. Только вот с течением времени стопа опухала всё больше, а боль становилась просто невыносимой. Пришлось ехать в травмпункт, а оттуда в больницу.

На основании МРТ подтвердили вывих голеностопа. Ха! Видимо, это случилось в наказание за недавнюю имитацию травмы на секции по волейболу. А нечего врать впрямь.

После постановки диагноза врач провёл процедуру обезболивания, вправил сустав (о, это было очень неприятно) и зафиксировал конечность в правильном положении при помощи гипсовой повязки U-образной формы: от пальцев, по низу стопы, с захватом пятки и верхней трети голени. В общем, теперь я ещё краше. В довесок, передвигаться без костылей не могу, поскольку надо максимально снять нагрузку с левой ноги. Супер, что сказать...

Отец давно уехал на работу, а мама всё никак не уgomонится. Подсуетилась, чтобы меня оставили в больнице на пару дней. Мол на всякий пожарный.

– Поехали домой. Зачем мне здесь оставаться? Буду попросту занимать чьё-то место, – спорю с ней, взывая к здравому смыслу.

– Нет, Рыжик. Остаёшься, я обо всём с врачом договорилась. За тобой понаблюдают, мало ли...

– Да чего мало ли? – закатываю глаза. – Обезболивающее есть, сустав вправили, гипсовую лангетку наложили.

– Мне так спокойнее будет. Вдруг осложнения, Саш? – предполагает обеспокоенно и тут же трижды стучит по деревянной тумбе, сплёвывая через левое плечо.

– Мамка дело говорит. Ага, – вклинивается в нашу беседу моя соседка по палате. Бодрая старушенция лет семидесяти.

– Вот, кисунь, принесла тебе всякие полезности. Завтра привезу обед, – выкладывает из пакета соки, фрукты и ягоды. – Мытые, если что.

– Ма, ну зачем? – вздыхаю, глядя на добротный запас провизии.

– Затем, – целует меня в лоб. – Я поехала в салон. Созвонимся. Может папа тебя проведает вечером, если получится.

– Не дёргай его с работы. Со мной всё в порядке, – уверяю я.

– Точно? Не болит сейчас? – косится на мою ногу.

– Немножко, – намеренно обманываю я. Лучше не говорить ей правду, в противном случае, начнёт бить тревогу.

– Как же ты до туалета доберёшься? С этими штуками неудобно, – ставит костыли у кровати.

– Справлюсь. Ты ж помнишь, опыт имеется, – подмигиваю я ей.

– Ладно, Санечка, я поскакала, – ещё раз меня чмокает и забирает свою модняцкую сумку со стула. — Пока, солнце. До свидания, Ольга Арнольдовна! – машет старушке и наконец исчезает за дверью.

– Какая у тебя мать внимательная и заботливая, – подмечает соседка, поднимаясь с постели.

– Да. Она у меня мировая, – киваю, забирая с тумбочки грушу. – Чем вас угостить?

– Спасибо, обойдусь.

– Перестаньте! Мне это всё самой не съесть. Угощайтесь!

– Ну лады.

Улыбаюсь. Недолго пришлось уговаривать.

– А у вас что с ногой? – интересуюсь, наблюдая за ней.

– Сложный перелом.

– Поскользнулись? – тянусь за салфетками. Груша сочная, аж течёт вся.

– Не... Муж кретин. Я полезла лампочку менять, потому что три дня ему про неё говорила, а он хоть бы хны...

– И чего?

– И этот идиот подкрался снизу и напугал меня. Как заорёт: «А ЧЁ ЭТ ТЫ, АРНОЛЬДОВНА, ДЕЛАЕШЬ?» Ну я и свалилась со страху.

– Какой кошмар, — стараюсь не засмеяться, но удержаться трудно. У меня ж слишком богатая фантазия. Сразу в красках представила себе эту сцену.

– Федя всегда был с прибабахом.

– Что делал? – наблюдаю за тем, как она уплетает клубнику.

– Из недавнего? – задумчиво почёсывает нос. – Кастрюлю с голубцами мне на голову одел. Выкинул из окна мой граммофон, потому что он его задолбал. Кошку у соседей спёр.

– Зачем?

– Я обмолвилась, что хочу животину. Ну он и принёс, старый дурак, – хохочет Ольга Арнольдовна.

– Вееесело вам живётся.

Чувствую вибрацию и краем глаза замечаю вспыхнувший экран телефона.

– А когда мы только на Волгу переехали, Федька с друзьями на рыбалку зачастил. Я разнылась как-то с вечера. Сказала, что раков хочу.

– Поймал? – забираю свой сотовый, лежащий на подушке.

– Поймал. Утром я проснулась оттого, что они ползали по мне.

– Ооой. Я б обалдела, – признаюсь в шоке.

– Вот и я обалдела. Вопила на весь дом. А ему было смешно.

– Ну и ну...

Она рассказывает что-то ещё, а я читаю сообщение от незнакомого абонента.

«Бесстыжая, школу прогуливаешь?»

Смотрю на часы. Пятнадцать тридцать. Неужели он там?

«Ты зачем туда явился?» – печатаю в ответ.

«Надо увидеться»

Надо, блин, ему!

Чувствую, что закипаю.

«Ты где?» – прилетает следом.

«Какая разница?»

«Вот ты бестолковая, выше почитай»

Бесилов! Рррр!

«Зачем тебе надо увидеться?»

«Хочу кое-что отдать»

«Уж не мои ли трусы?!?!»

разгневанный смайл

«Забудь. Их я оставлю себе :)]»

От стыда и смущения у меня начинают гореть щёки.

«Хочешь, куплю тебе новые взамен?» – явно издевается он.

«Прибереги денежки. Папа собирается отсматривать камеры. Тебе вкатят штраф за твоё художество!»

смайл, который злорадно ухмыляется

«Ему заняться нечем?»

И дальше:

«Рыжая, повторяю свой вопрос: где ты?»

«В караганде»

«Всё, я еду к тебе. Адрес Караганды, как ты понимаешь, у меня есть»

«Спятил??? Не вздумай! Я не дома!!!!!»

Молчит. Минута. Две. Пять.

«Серьёзно, Паровозов!!!! Не надо домой! Нет меня, честное слово!!!!»

Галочки о прочтении горят, но реакции никакой.

«Пообещай, что не поедешь!!»

«Обещаю» – приходит от него наконец.

«И отстань от меня. Говорила уже!» – зафиналиваю по итогу.

Да. Вот так.

– Сашка, а давай перекинемся в картишки? – предлагает Арнольдовна, усаживаясь на мою кровать.

– А давайте, – с облегчением выдыхаю и откладываю смартфон в сторону.

– В дурака, пьяницу или сундучки? – тасует невесть откуда взявшуюся колоду.

– В дурака.

– Ну, погнали!

В картишки рубимся долго. Болтаем, смеёмся. Убиваем время. Когда звонит мама, стрелка часов переваливает за шесть.

– Как ты, милая? – спрашивает снова.

– Хорошо всё. Чирикаем с Ольгой Арнольдовной. Она мне тут про свою юность рассказывает.

– Ой, как здорово, что вы нашли общий язык. Саш, учебники какие на завтра привезти?

– Никакие. Завтра утром мы поедem домой. Не собираюсь тут торчать и точка! – заявляю решительно.

– С врачом сперва переговорю.

Неисправима!

Намереваюсь продолжить атаку, но резко замолкаю. Потому что внезапно на пороге моей палаты появляется ОН!

Илья Паровозов собственной персоной.

Чтоб меня... С огромным букетищем ромашковых хризантем в руках.

Глава 16 Прятки

– Здравсьте, – произносит Илья, в два шага преодолевая расстояние от двери до моей кровати.

– Ма, я перезвоню, – резко сбрасываю вызов и таращусь на него во все глаза.

– Санёк, здорова! – подмигивает он мне.

– Ты как меня нашёл, блин???

Сказать, что я удивлена – это ничего не сказать. Никто, кроме моих предков и классного руководителя, Элеоноры Андреевны, не знает о том, что я здесь. Даже Лисицына.

– Дым пробил твою трубу. На координаты, – самодовольно кивает на телефон, который я сжимаю в руках.

– Ты... Ты вообще спятил, что ли? – только и могу блеять как овца.

– По ходу.

– Следишь за мной?!

– Это тебе, Сань, – протягивает цветы и оставляет их на моих коленках. Много-много белых ромашковых хризантем, обтянутых прозрачной плёнкой.

– Пойду-ка я погуляю, молодёжь, – хитро выдаёт Ольга Арнольдовна, пока я растерянно моргаю.

– Присяду? – Паровозов берёт стул и ставит его напротив, не дождавшись моего одобрения.

– Не надо тут рассаживаться! Скоро приедет папа, – наблюдая за ним, сообщаю хмуро.

– Ну и отлично, заодно и штраф мне выпишет, – отвечает, хохотнув, и откидывается на спинку. – Убьём двух зайцев сразу, так сказать.

– Каких зайцев? Несмешно.

– Что со стопой, перелом? – озабоченно косится на лангетку.

– Нет, вправляли сустав. Я неудачно упала со ступенек.

Только при каких обстоятельствах в жизни не расскажу.

– Небось засмотрелась на мое послание, – прищуривается, и я теряю дар речи. – Ты покраснела. Чё реально угадал?

Илья хохочет, а я моментально начинаю злиться, ощущая, как предательски жарит щёки. Беру с тумбы здоровенное красное яблоко и швыряю в него, однако в реакции парню не откажешь. Он ловит его одной правой.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – вгрызается в спелый фрукт и смеётся.

– Тебе весело? – возмущаюсь, складывая руки на груди.

– Да ладно, Сань, не булькати. Немного отдохнёшь от своего беличьего марафона.

Закатываю глаза.

«Не булькати». Ну и лексикон. Кто вообще так выражается?

– Когда домой, бесстыжая? – без стеснения разглядывает мою дурацкую пижаму с розовыми слониками.

– Завтра.

– Хочешь, приеду заберу тебя? – его наглый взгляд задерживается на моих оголённых ногах, а затем ползёт выше, к груди.

– Еще чего! Не вздумай заявиться! – предупреждаю грозно.

– Приеду, – утвердительно качнув головой, заявляет упрямо.

– Тебе нравится меня бесить?

– Ты шkodная, когда ерепенишься.

«Шkodная». Мать моя женицина!

– Слушай, Паровозов, что тебе от меня надо? – решаю спросить напрямую, потому что его поведение озадачивает.

– Встречаться будем, – выкатывает невозмутимо.

– Да щас! Мне отношения не нужны, – сообщаю уверенно.

– Всем нужны, а тебе нет? – кидает огрызок от яблока в урну.

– Я не все, и я ничего не хочу, – отрезаю предельно ясно.

– Тогда у нас проблема.

– И какая же? – закрываю шорты цветами, подтягивая букет вверх. Поздно стесняться, но он так смотрит, что я испытываю только одно желание – прикрыться.

– Я хочу, чтобы ты была со мной, – его взгляд становится серьёзным.

– Перехочешь, – упрямо гну свою линию.

– Подожду твоего батю, пожалуй.

– Ты не в себе? – раздражаюсь неимоверно. – Мой папа – подполковник. Он таких, как ты, за решётку каждый день сажает.

– Это чё, откат к тому, что мы типа не пара? – усмехается, поднимаясь со стула.

– Типа да. Спасибо за приятное времяпровождение и цветы, но на этом точка, Илья, – разъярясь спокойно.

– Приятное времяпровождение... Так выходит, что было приятно? – улыбается и касается ладонью моей щеки.

– Совсем чуть-чуть, – вру напропалую. – Не то, чтобы я прям впечатлилась. Не обольщайся.

– Ты такая язва, Харитоновна, – цепляет пальцами подбородок.

– Какая есть, – пожимаю плечом.

– Мне нравится, – проходится большим пальцем по нижней губе, и в животе у меня странно тяжелеет. – Суббота. Четыре. Освободи для меня местечко в своём тесном графике,

– Я не смогу, – отрицательно качаю головой.

– Придумай что-нибудь, ты же изобретательная.

Так и лупимся друг на друга, не мигая. И как назло, в памяти всплывают картинки той нашей ночи.

– Никуда я с тобой не пойду! – упорно капризничаю.

– Ждём папу? – вскидывает бровь.

– Это шантаж? – пытаюсь отодвинуться, но Илья перехватывает за шею и наклоняется ко мне.

– В четыре. Напишешь, откуда забрать.

Он так близко. Я чувствую его запах и горячее дыхание на своей коже.

– А если нет? – нарочно провоцирую, игнорируя хоровод мурашек, бегущих по спине.

– Соскочить не выйдет. Сань. Ты сама со мной связалась, – продолжает гладить губы и следить за тем, что делает.

– Развязаться как-то можно? – сглатываю, ощущая ненормальное волнение, распространяющееся по всему телу. Оно находит волнами, концентрируется в грудной клетке и мешает дышать.

– А ты не торопись. Вдруг тебе понравится.

И когда напряжение между нами достигает максимума... Когда кажется, что Илья вот-вот меня поцелует... Он отстраняется. Отстраняется, едва коснувшись.

Такое острое разочарование захлёстывает, что не передать никакими словами!

– Милая пижама, кстати, – его глаза надо мной откровенно смеются, ибо я так и застыла в ожидании. Как полная дура.

– И что дальше? – стараюсь взять под контроль те незнакомые ощущения, которые испытываю.

– Будь на телефоне, бесстыжая. Не игнорируй мои сообщения. Иначе приду в гости, – обещает, уже стоя у дверей.

И прямо сейчас я понимаю, что он ни черта не шутит. Заявится к родителям домой, как появился без предупреждения сюда.

Вляпалась ты, Саша, по самое не хочу...

– Конопля, – голос Бондаренко, идущего за мной, раздражает как никогда. – Слышь?

Хватает за костыль, вынуждая потерять равновесие и помимо воли остановиться. Так и думала, нарочно выждал момент, когда все ребята покинут кабинет. Я вот дежурная, а значит, уйду последней. Электронную доску надо выключить, свет. Проверить, все ли стулья подняты, не осталось ли на столах методичек.

– Меня зовут Саша, если ты забыл, – оборачиваюсь и недовольно на него смотрю.

– Разговор есть.

– Не о чем нам с тобой разговаривать! – протестующе качаю головой.

– Ты внесла мой номер в чёрный список? Серьёзно? – и выражение лица у него такое, будто он не верит тому, что говорит.

– Внесла, – признаюсь, равнодушно пожимая плечом.

– Какого хера? – обиженно поджимает будто художником нарисованные губы.

– А зачем ты мне нужен в контактах, Алёш? Вроде мой парень всё тебе разъяснил. Короткая память? – вопросительно выгибаю бровь.

– И где этот твой парень? Вообще не наблюдаю его на горизонте.

– Занят, – выдаю максимально уверенно.

– Кинул тебя? – подозрительно прищуривается.

– Отвали.

– И как далеко ты зашла с ним? Позволяла себя трогать?

– Руку отпусти, – требую настойчиво. Его грубая манера общения начинает напрягать.

Почему он считает, что со мной можно обращаться подобным образом – непонятно.

– Ноги раздвинуть успела? – больно сжимает предплечье и кислотным взглядом прожигает во мне дыру.

– Тебя это не касается, – отзываюсь холодно.

– Тупая сука. Реально дала ему? – сжимает челюсти и кляцает зубами.

– Да какая тебе разница? – искренне возмущаюсь, удивлённая подобной реакцией.

– Ты специально всё это устроила, дрянь, – тянет ближе к себе. – Ну и что ты хочешь доказать мне?

– Да нет мне до тебя никакого дела, идиот! Отпусти!

– Дала ему или нет? Отвечай, маленькая рыжая шлюха! – столько ненависти горит в глазах, что я даже теряюсь. Правда ненадолго.

Разозлившись, со всей дури бью его костылём аккуратно по пальцам левой ноги. Взыв от боли, Бондаренко матерится и наконец отступает назад.

– Охренела?! – скидывает свои модные кроссовки, дабы оценить урон.

– Ещё раз тронешь меня, пожалеешь, – обещаю, направляясь к двери.

Он посылает мне вслед новую порцию оскорблений, а я в очередной раз понимаю, какую ошибку совершила, спутавшись с ним несколько месяцев назад. Глупая. Так стыдно...

– Ты чего-то долго, Саш. Вас задержали? – по ту сторону кабинета едва не сталкиваемся с Алёнкой лбами. Она должна была ждать меня внизу после своего факультатива по химии.

– Так получилось, – изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Трясёт аж. На неё не смотрю, иначе заметит стоящие в глазах слёзы.

– Саш... – косится на Бондаренко, прошедшего мимо нас. – Что ему от тебя надо?

Наблюдательная однако.

– Идём, – вздыхаю, доставая телефон.
Ничего. Только от Камиля несколько сообщений.

«И где этот твой парень? Вообще не наблюдаю его на горизонте» – назойливо стучит в мозг.

Из тех помоев, что вылил на меня Алёша, больно царапнули именно эти слова. Паровоз ведь и правда пропал. Ни на какое свидание мы не сходили. Сославшись на неотложные дела, Илья исчез. Практически неделя прошла с той субботы, а всё тишина. И если скажу, что испытываю облегчение – солгу.

– Давай помогу, – Лисицына забирает костыль и передаёт мне пальто.

– Спасибо.

– Точно хочешь погулять? – с сомнением поглядывает на мою ногу.

– Да. Очень хочу. Уже крыша едет от учёбы.

– Ну ладно, – кивает, наблюдая за тем, как я справляюсь с пуговицами. – А тебя водитель искать не будет?

– Я отпущу его.

– Хорошо, тогда идём.

– Куда собрались? – из ниоткуда появляется Рома. Обнимает Алёнку, целует её в щёку и поправляет на ней шапку.

Милота...

– В парк. Беркутов, хватит, – краснеет и, смущаясь, отодвигается от парня.

– Мы с вами, да Кэмэл? – он подмигивает подошедшему к нам Юнусову.

Так и выходим вчетвером на улицу. Камиль помогает мне спуститься со ступенек, после чего мы, дружно минуя кпп, отправляемся за ворота гимназии. А там «сюрприз». Вместо Глеба и уже привычной камри, меня ожидает внедорожник отца.

– Здравствуйте, – приветствуют его ребята.

– Пап, ты чего здесь? – спрашиваю в растерянности.

– Нет бы обрадоваться! – открывает заднюю дверь. – Звоню тебе, а ты не берёшь!

Поехали, Александра, опаздываем.

– Подожди, куда? У меня планы.

– Какие такие планы?

– Павел Петрович, мы собрались ненадолго в парк, – подключается Камиль, но тщетно.

– Саша никуда не идёт, – в своей манере рубит отец.

– И почему? – выдыхаю устало.

– Нас ждут в университете МВД, – бросает он коротко, забирая костыль.

– Прямо сейчас, что ли? – уточняю хмуро.

– Да. Виктория Константиновна с тобой побеседует.

– Земцова? Декан? Но пап...

– Не волнуйся, ты справишься, – перебивает, отмахнувшись. – Давай. Надо выдвигаться.

Пока пробок нет. Садись.

Посылаю друзьям виноватый взгляд и забираюсь в машину.

Домой приезжаем в девятом часу. Пробки мы всё-таки застали, но правда уже на обратном пути.

– Вернулись. Как всё прошло, Паш? Что сказала Виктория Константиновна? – с порога атакует вопросами мама.

– Жень, не галди, дай раздеться, – раздражается он.

– Сашка, ну ты хоть скажи, всё нормально? – переключается с него на меня.

– Не знаю, вроде да, – стаскиваю с себя шарф и шапку.

Честно говоря, я не особо старалась произвести впечатление. И вообще-то сильно расстроилась, когда оказалась в том самом месте, где учился мой отец. Видимо, потому что чётко осознала: Гнесинки мне не видать как своих ушей.

– Ты могла бы больше улыбаться, – недовольно ворчит папа.

– Что если мне не хотелось? – вешаю пальто на крючок.

– Не мешало бы проявить заинтересованность в поступлении, а то сложилось впечатление будто мне одному это надо.

– Может, так оно и есть? – язвительно произношу вслух, хоть изначально и не планировала.

– Не поонял, – грозно сдвигает брови к переносице.

– Мне музыка нравится, а ты пристал со своим университетом МВД! – говорю как есть.

– Да что на тебя нашло? – удивлённо на меня таращится.

– Надоело молчать. Моя судьба и без меня решается! – хватаю дурацкие костыли и ухожу из прихожей.

– Саша, – окликает меня мама, но я уже хлопаю дверью своей комнаты.

Ужин игнорирую. И когда папа перед сном заглядывает ко мне, делаю вид, что сплю. Нет никакого желания с ним ругаться. Всё равно не услышит и не поймёт. Всё равно заставит сделать так, как надо исключительно ему. Кучу доводов и аргументов приведёт. Спорить бессмысленно.

Суббота проходит как обычно. Утром двойное занятие с репетитором по математике. После – обед и урок с ансамблем в музыкальной школе. Оттуда Глеб везёт меня в церковь. Там я пою в хоре уже на протяжении двух лет. И как ни странно, мне нравится. Наверное, по той простой причине, что я в принципе обожаю петь.

Незаметно достаю из кармана оживший вибрацией мобильник. Да тут же чуть его не роняю на пол.

«Хочу увидеть тебя, Сань. Ты где?»

Паровозов.

«Найдёшь, если так уж хочется» – отправляю в ответ и ехидно ухмыляюсь, убирая телефон.

«Прятки, значит? Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать»

Отмечаю про себя, что настроение неожиданным образом поднялось. И это однозначно связано с появлением бобринского бандюгана.

«Так это правда? Ты поёшь в церковном хоре, Бесстыжая?» – приходит смс часом позже.

«Явился!»

«Не обижайся, что только сейчас»

«Да мне фиолетово в общем-то» – нарочно это подчёркиваю. А то возмнит ещё, что ждала встречи с ним.

«Слабо сбежать со мной?» – прилетает тут же.

Поколебавшись минут пять приличия ради, встаю, хватаюсь за костыли и решительно направляюсь к руководителю хора. Служба закончилась, однако уйти, не объяснившись, я не могу. Некрасиво как-то.

Чуть позже Илью нахожу в толпе прихожан не сразу. Стоит почти у самого выхода. В правом кулаке держит свечи. Должно быть, купил в церковной лавке, работающей при храме.

– Поставить хочешь? – спрашиваю вместо приветствия, когда он, словно почувствовав моё присутствие, поворачивается.

Сталкиваемся взглядами, и живот отчего-то скручивает спазм тревоги. У Ильи подбита скула. Бровь и губа рассечены.

Что произошло? Драка? На него кто-то напал?

– Где угодно можешь их оставить. Как душа направит, – зачем-то лепечу тихо. – Слева найдёшь икону Троицы и Божьей Матери. Вон там справа образ Николая Чудотворца. А правее в углу икона Святой Матроны. Моя любимая, кстати.

– А за упокой куда ставить надо? – огорошивает с ходу, и мне становится очень-очень не по себе.

Глава 17 Первое свидание с бандитом

На улице не успеваю сообразить, как оказываюсь в воздухе. Илья поднимает меня на руки и вместе с костылями несёт к своей чёрной приоре, оставленной неподалёку. Только и успеваю покрепче вцепиться в сильную шею и прогнать отчего-то накатившее смущение.

– А куда поедем? – беззаботно спрашиваю, устраиваясь на переднем сиденье.

– А куда хочешь? – обходит машину и садится за руль.

– В парк. И какой-нибудь вредной еды захватить с собой, – выдаю, недолго думая.

– В парк, – повторяет следом, внимательно на меня смотрит и переключает передачу. – Замёрзнешь, Сань.

– Согреешь, – озорно подмигиваю и тянусь к магнитоле. – Ну-ка, что тут у нас...

Даже не знаю, кого именно рассчитываю услышать из динамиков. Фантазия у меня бурная: Круг, Шуфутинский, Ленинград, что-нибудь из американского ганста-рэпа.

– О, Баста, – одобрительно киваю и делаю погромче. Под мотивчик хорошо знакомой песни пересекаем соседнюю полосу. – Тебе нравятся песни Вакуленко?

– В основном из раннего, – пожимает плечом, глядя в зеркало заднего вида.

– А мне и новые зашли. «Медлячок», «Сансара». Держись правее.

Беру на себя функции навигатора и подсказываю нужное направление, вовремя предупреждая, где свернуть. Паровозов пока не очень хорошо ориентируется на местности. Ещё и бесится, глядя на тот хаос, что творится вокруг. Движение на дорогах оживлённое. Вечер. Естественно, жители и гости столицы куда-то спешат.

– Здесь затаримся вкусняшками, – указываю на огромную вывеску самого известного ресторана фастфуда. Сто лет не баловала себя чем-то подобным, а сейчас, на голодный желудок, вообще хочется всего-всего. Да побольше. – Вставай в очередь за ситроеном, подьдем вон к том столбу и...

– Я в курсе, как это работает, – перебивает меня он.

– А, ну отлично! Я просто подумала, вдруг ты не знаешь.

Пересекаемся взглядами, Илья вопросительно вскидывает бровь, и мне становится немножко стыдно.

– Заказывай, – опускает окно со своей стороны, и я, нагнувшись вперёд, громко озвучиваю пожелания. Так, чтобы менеджеру было хорошо меня слышно.

В общем, набираем кучу вредностей, как я и планировала, а пятнадцать минут спустя уже паркуемся перед парком.

– Стоянку надо оплатить через смартфон, или твою ласточку утащит эвакуатор, – поясняя осторожно.

– С какого перепугу?

– Ну вот так...

– Совсем оборзели в этой вашей Москве! Куда не стань, всё платно! – достаёт из кармана куртки телефон.

– Лучше с моего, – предлагаю, понимая, что с его древнего допотопного мобильного мы вряд ли сможем что-либо сделать.

– Почему это с твоего? – хмурится он.

– У тебя есть парковочный счёт или приложение?

– Нет, – отвечает после небольшой заминки.

– Ну вот, а у меня есть! Так что я оплачу, – быстрее сворачиваю этот неудобный разговор.

– Да ещё чего! Ты обалдела, Рыжая? – забирает из моих рук телефон. – Тут сиди, а.

Выходит из машины. Как выясняется, отправляется искать паркомат. Через некоторое время возвращается уже с чеком, разобравшись с возникшей проблемой.

Наблюдаю за тем, как открывает багажник и достаёт оттуда одеяло и плед.

– Подашь костыли? – киваю на заднее сиденье, когда он открывает пассажирскую дверь.

– Они тебе не понадобятся. Иди ко мне, Бесстыжая, – разводит руки и наклоняется так, чтобы я могла за него ухватиться.

– Смотри осторожнее, а то могу привыкнуть, – мурлычу, улыбаясь как дурочка.

– Кофе покрепче держи, – нажимает на брелок, чтобы поставить свою тачилу на сигнализацию. Сомневаюсь, что кто-то позарится на его приору, но от комментариев разумно воздерживаюсь.

– Пойдём по той аллее, там есть симпатичные беседки.

Бодро топает по указанному маршруту. Под его тяжёлыми ботинками поскрипывает снег, в воздухе пляшут разномастные снежинки. И пока мы движемся к выбранному ориентиру, я думаю о том, как сильно соскучилась. Себе-то можно не врать. Я действительно очень ждала нашей встречи.

– Это девица с такой завистью на меня посмотрела, – провожаю взглядом удаляющуюся парочку. – Наверное, тоже хочет, чтобы её носили на руках.

– Так в чём проблема? Всего-то гипс надо себе организовать, – Илья смеётся, а я должна исподтишка его разглядывать.

Красивый, зараза! И смех его мне нравится.

– Приземляемся, – аккуратно ставит на ноги и забирает горячий кофе.

– Прикольно тут, да? – осматриваюсь, в то время как он подстилает на лавку плед.

– Давай, на колени ко мне садись, пожрём.

– Поедим, – исправляю капризно.

– Выключай тепличную принцессу, Харитоновна, – пытается завернуть меня в клетчатое одеяло, но я отбираю его и укутываю нас обоих. Сам-то одет не особо тепло. Вон шея вообще голая.

– А ты выражайся прилично, – в шутку делаю замечание. – И вообще, подожди, сперва положено продезинфицироваться!

Закатывает глаза, когда я достаю из рюкзака свой набор мизофоба [1]. Спиртовой спрей и салфетки.

– Теперь можно. Распаковывай, – командую, обработав наши руки.

– Какой в этом смысл?

– Он однозначно есть, моя мать тебе целую лекцию на эту тему прочитать может, – цепляю пальцами креветку. – Кстати, через час мне надо назад.

– Сегодня верну, но на будущее, Сань, это несерьёзно, – выдаёт он недовольно.

– То есть?

– Мне нужно твоё время. Что непонятного? – достаёт сигареты.

Деловой блин. Время ему моё нужно. Но приятно, чёрт возьми. Льстит!

– Когда от гипса избавишься? – кладёт руку на ногу и ведёт пальцами вниз.

– На той неделе снимаем.

– Болит?

– Нет.

Залипаем друг на друге. Встрепенувшись, распечатаваю бургер.

– Зачем поёшь в церковном хоре? Заставляют? – жадно вгрызается в него зубами.

– Почему заставляют? – искренне удивляюсь я. – Мне нравится петь. Я с пяти лет вокалом занимаюсь. Эстраду люблю больше, но и там, в церкви, душой отдыхаю.

– Певицей, что ли, хочешь быть? – вдруг спрашивает прямо в лоб.

– Хочу, – впервые признаюсь я честно. Даже самой себе.

– Значит, будешь, – откусывает ещё один большой кусок от моего бургера.

– Да уж конечно. Вместо Гнесинки меня ждёт университет МВД и погоны.

– Ты гонишь, – округляя глаза, не верит он.

– Угу. Недавно ездили на собеседование. У бати там связи, всё схвачено. Осталось только экзамены хорошо сдать. Хоть заваливай нарочно, – добавляю я тихо.

– Слушай, Бесстыжая, я чёт не пойму. Тебе же восемнадцать. Сама можешь решать, куда поступать, – тянется за кофе, а я достаю из пакета картошку, куриные стрипсы и ещё один бургер. Поскольку предыдущий исчез в небытие.

– Не могу. Все ответственные решения принимает отец, и обсуждению они не подлежат.

– Ясно, – усмехается, выдыхая дым.

– У тебя в семье иначе?

– Проще, Сань. Нет у меня семьи, – глубоко затягивается, и на кончике сигареты вспыхивает огонёк.

– Извини, если лезу не в своё дело.

– Та ладно.

– Твоя мама. Она... – выдерживаю паузу.

– Умерла несколько лет назад, – и вроде голос звучит абсолютно ровно, но в глазах улавливаю глубокую печаль и тоску.

– Но отец ведь есть?

Помню, что парни после обстрела дома в Жулебино обсуждали его личность. Вроде как хотели обращаться к нему за помощью.

– Уважение к нему давно потеряно. Так что тоже можешь вычеркнуть, – равнодушно поясняет Илья.

– Понятно, – расстраиваюсь по-настоящему. Не стоило мне начинать этот неудобный диалог.

– Как тебе Москва? По-прежнему не нравится?

– Ваще не моё, – твёрдо заявляет он.

– Обустроились уже?

– Типа того.

– И с кем живёшь? С друзьями своими? – кормлю его куриными стрипсами и картошкой. Молча кивает, выражая согласие. – Всей братвой сюда переехали, значит...

– Кто хотел, тот двинул со мной.

– И чем заниматься собираетесь? Грабежами? Разбоями? Или чем похуже? – учительским тоном строго осведомляюсь я.

– Не суй свой курносый нос, куда не следует, Сань, – отрезает сухо.

– Прекрасно!

Обидеться не успеваю, детский визг на пару секунд отвлекает меня от нашей беседы.

– Чё орут?

– Там склон крутой. Такой, знаешь, опасный, не для слабонервных. Мне не разрешали в детстве с него кататься, хотя мы с родителями частенько сюда приезжали.

– Погнали, посмотрим, – поднимается вместе со мной, едва стакан с недопитым кофе успеваю на стол поставить.

– Погоди, ну куда! Илюх! – возмущаюсь, мотыляя угами.

– Расслабься. Ты ж любишь веселиться, Рыжая!

Что имеется ввиду понимаю уже оказавшись на вершине спуска. Я и забыла, насколько впечатляюще это выглядит. Не каждый взрослый по этой лихой горке съедет, а вот детям только волю дай.

– Пацаны, одолжите транспорт. Снегурку хромую прокатить, – адресует свою просьбу компании зависающих у склона подростков.

– Пятсот, – лениво пожёвывая жвачку, выдаёт самый высокий из них.

– А ты не обалдел ли? – ругаюсь, пока Паровозов интенсивно шарит по карманам.

– Да эт ещё по-божески, – открывает рот его сосед.
– На, торгаш малолетний, – Илья протягивает ему свёрнутые купюры.
– Здесь триста пятьдесят, – недовольно подсчитывает мальчишка.
– Последние отдаю, ушлый.
– Тогда стрельни сигарет. Я видел, у тебя есть, – настырно требует тот.
– Ещё чего! Не вздумай подсаживать их на эту отраву! – выдёргиваю пачку, перекочевавшую к малолеткам. – Лёгкие береги, дурень! И радуйся, что вообще денег дал. Мог бы отжать и всё. Он такой, да, – рассказываю я юному бизнесмену, пока мы наблюдаем за тем, как здоровенный Паровозов усаживается в огромную разноцветную таблетку-льдянку.
– Саня, давай сюда, – хохотнув, зовёт меня этот чиканутый.
— Ты спятил? А моя нога? – ковыляю к таблетке.
– Харэ ломаться, Бесстыжая. Ты ж хотела. Прокатимся с ветерком! – улыбается и ловит меня за руку.

Качаю головой, осознавая идиотизм этого поступка, но зачем-то выполняю то, что говорит. Ведь противостоять его дурному задору попросту невозможно.

[1] Мизофоб – человек, который стремится избежать соприкосновения с окружающими предметами во избежание загрязнения или заражения.

Глава 18 Подстилка

- Итак, самая большая мышца в теле человека...
- Ягодичная, – выкрикивает с места Родионова.
- Ага, та самая, которая у тебя слаборазвита, – комментирует её ответ Бондаренко.
- Зато у неё интеллект развит на максимум, в отличие от некоторых одноклеточных, – не могу не вмешаться я.
- Захлопнись, заморыш конопатый, – бросает, не поворачиваясь.
- А если нет, то что? – уточняю с вызовом.
- Найду способ тебя заткнуть, – обещает он мне.
- Можешь начинать искать, – фыркаю я.
- Так! Тихо! Угомонились! Не устраиваем базар! – биологичка раздражённо хлопает в ладоши. – Продолжаем занятие. Самая большая мышца в теле человека – ягодичная. Верно, Оксана. А самая маленькая, Беркутов?
- Стременная. Находится во внутреннем ухе.
- Ну-с, меня радует, что ваше внимание сконцентрировано не только на Лисицыной, – колко подмечает она.
- Только на ней. Остальное фоном, – всерьёз заявляет Рома, приобнимая свой «трофей».
- Тогда, возможно, ваша... пассия подскажет мне ответ на следующий вопрос? – Марина Альбертовна строгим взглядом сканирует покрасневшуюся Алёнку. – Какая мышца никогда не отдыхает?
- Сердечная, – с явным облегчением выдыхает смутившаяся в край девчонка. – Сокращения этой мышцы произвольны по своей природе, то есть человек не может их контролировать.
- Как не может Беркутов контролировать свои поползновения к вам... – язвительно добавляет от себя учительница, и по классу прокатывается волна смешков. – Нонсенс! Мир перевернулся с ног на голову! Что общего? Прямо уму непостижимо.
- Так давайте постигать биологию, а не лезть в личные взаимоотношения ребят.
- О, Харитоновна! – плавно разворачивается ко мне «Титаник», затянутый в малиновый брючный костюм. – Так мне не показалось? Вы и правда соизволили проснуться?
- Вскидываю бровь и упрямо выдерживаю её насмешливый взгляд.
- Итак, Александра, какая мышца постоянно находится в напряжении?
- Пока я раздумываю, она переключается на Пилюгина, увлечённого стрелялкой в телефоне.
- Мозг? – предполагает тот, почёсывая репу.
- Разочарую вас, Пилюгин, мозг – не мышца, а орган, состоящий из набора нейронов. Но да, конкретно вам, не мешало бы напрягать его хотя бы изредка.
- Одноклассники снова смеются.
- Мышцы глаз. Чтобы сохранить ясность, фокус и остроту зрения, глаза должны непрерывно двигаться, – рассуждаю я вслух.
- Ну допустим, – снисходительно кивает она. – А кто назовёт самые сильные мышцы? Может, заскучавший Абрамов?
- Может, – лениво отзывается Кучерявый Ян.
- И? – Альбертовна выжидающе на него смотрит.
- Челюстные.
- Доказано, что наибольшая мощность сокращения жевательного аппарата составляет почти четыреста килограммов! – поправляя очки, умничает Цыбин.
- Нудный душила, – глядя на него, морщит нос Купцова. – И как таких земля носит...

Пока опросом донимают третий ряд, я снова возвращаюсь к своему занятию. Смотрю в окошко. За стеклом разыгралась сумасшедшая метелица. Прямо как в тот вечер...

Непроизвольно улыбаюсь, вспоминая, как мы с Паровозовым летели с заснеженной горки. Вот где адреналинище! Я визжала на весь парк, потому что к середине «трассы» наша таблетка набрала нешуточную скорость. Мы неслись по склону в лучших традициях бобслея и зафиналили чётко в высоченный сугроб, лихо протаранив его с разгона.

Илья хохотал, а я плевалась снегом, выбираясь из белого плена. Так сильно шандарахнуть его захотелось! За то, что вздумал насмеяться надо мной.

Полезла на него с твёрдым намерением отвесить леща, однако эту неравную борьбу проиграла, по итогу оказавшись снизу. Под ним. И нет, в этот самый момент он меня не поцеловал, как вы успели нафантазировать. Хотел, точно хотел! Но опять этого не сделал! По-хулигански надвинул шапку мне на глаза и отпустил. Ну что за на фиг!

В общем, я глубоко обижена, ведь на прощание тоже досталось лишь крепкое объятие. Почти дружеское, кстати, если бы не интимный шёпот на ухо. И тут... с какой стороны посмотреть. Говоря по правде, фраза «увидимся, Сань» – не совсем то, что я ожидала услышать. Поэтому в следующую секунду и «взбрыкнула», выражаясь его же словами. Горделиво вздёрнув нос, заявила, что ещё не решила, надо оно мне или нет.

– Саш... – улавливаю голос Камиля, сидящего справа от меня.

– М? – поворачиваюсь к нему и только сейчас до меня доходит, что внимание класса сосредоточено исключительно на моей скромной персоне.

– Вы, барышня, не о медали, я так понимаю, грезите? – ядовито осведомляется Альбертовна.

– Точно не о ней, – подтверждаю её мысль.

Лисицына в шоке округляет глаза.

– Харитоновна, вы меня удивляете и, отнюдь, не приятно, – хмурит белёсые брови товарищ-педагог.

Бесстрастно пожимаю плечом. К счастью, её дальнейшие разглагольствования заглушает пронзительный звонок. Одна из тех дурацких, общеизвестных мелодий, приевшихся до оскомины.

Встаю, собираю вещи и, быстренько закинув их в сумку, направляюсь к выходу.

– Я вас ещё не отпускала, Александра! – прилетает от учительского стола. – Задержитесь, будьте так любезны.

Останавливаюсь напротив. Она ждёт, когда кабинет покинет большая часть учащихся, и только после этого открывает рот, украшенный помадой оттенка бордо.

– Не объясните своё поведение, милочка? – осуждающе качает головой.

– Отвлеклась на снегопад.

– Претенденту на аттестат с отличием негоже так халатно относиться к текущим оценкам, – принимается воспитывать, вальяжно откинувшись на спинку стула.

– Приму к сведению, Марина Альбертовна.

– Я могла бы поставить «два» в ЭЖД прямо сейчас.

– Ставьте, если считаете нужным.

– Но Саша отвечала на ваши предыдущие вопросы, – бросается на мою защиту Камиль, зачем-то оставшийся с нами в классе.

– Юнусов, вы адвокатом заделались? – недовольно цокает языком она.

– Так по справедливости, два ставить неправильно, – возмущается кавказец.

– Камиль...

Мне не нравится, что он вмешался. Я в состоянии за себя ответить.

– Вот что, умники, – зло взирает на нас обоих, нервно постукивая пальцами. – В пятницу жду вас после седьмого урока в своей лаборантской.

- Я не могу, у меня репетитор в четыре тридцать.
- Перенесёшь! – каркает она, хлопая тетрадь.
- Боюсь, не получится, – сразу предупреждаю я. – У моей математички график на месяц вперёд.
- Тогда не получится и годовой пятёрки по биологии! – открыто угрожает преподша.
- Идём.
- Собираюсь ответить, но Юнусов цепляет меня за локоть и настойчиво тянет к выходу.
- Вот ведь гримза! – констатирую уже в холле.
- Не надо обострять. Ну её... Иногда лучше смолчать и согласиться.
- Кто бы говорил! Ты зачем влез? – нападаю на него, пока идём в школьный кафетерий.
- Много свободного времени в пятницу? Она ж наказала тебя вместе со мной.
- Нестрашно, – отмахивается парень, вынимая из подставки поднос. – Тебе взять твою рожную запеканку?
- Я куплю сама.
- Пожалуйста, нам борщ, плов, две порции запеканки и сгущёнку, – вежливо обращается к девушке, стоящей на раздатке, и сам оплачивает всё наличными. – Обедать нормально точно не будешь, Саш?
- Не-не, у меня вон отварная грудка и мамкина трава с собой, – изображаю приступ подкатывающей тошноты.
- Забираем еду и направляемся к Алёне с Ромкой. Они активно нам машут, приглашая за свой стол. Честно сказать, идти туда не особо хочется. Потому что поблизости трапезничает Бондаренко и его прихвостни.
- Садись, – Камиль отодвигает мне стул.
- Чё там, Альбертовна не в духе? – интересуется Беркутов.
- Угрожала тем, что останусь без красного аттестата.
- Не останешься, – уверенно заявляет Юнусов.
- Друг твой вмешался, Ром. Теперь разделит со мной наказание, – рассказываю я. – Ёпрст, забыла взять приборы!
- Собираюсь снова отправиться к раздатке.
- Я принесу, сиди, Саш, – Камиль кладёт руку мне на плечо.
- Да я бы и сама... – произношу сконфуженно, потому что Беркутов и Лисицына многозначительно переглядываются.
- Что?
- Дай ему возможность за тобой поухаживать, – озорно подмигивает мне Рома.
- Чего-чего? – тарашусь на него во все глаза.
- Он запал на тебя, Харитоновна. Не тупи, – выдаёт обыденным тоном.
- Угомонись, сводник, – пытается осадить его Алёна.
- Не ну а чё? Такой кандидат классный. Саш, рассмотри, а? – складывает ладони, изображая жест мольбы.
- Хватит болтать глупости. Лучше скажите, вы готовы к тесту по географии? – краснея, меняю тему.
- Пока обсуждаем предстоящую интеллектуальную пытку, возвращается Камиль.
- Спасибо, – благодарю, забирая вилку и нож.
- Не за что, – улыбается и присаживается рядом.
- Да ты, Юнусов, джентльмен, – доносится до нас голос вышеупомянутого Бондаренко.
- Только стоит ли так распыляться?
- Не понял? – хмурит густые брови Камиль.
- Я имею ввиду, ради кого? – ухмыляется Лёша. – Насколько знаю, подстилки у вас на Кавказе не в почёте.

Давлюсь куском обожаемой запеканки. Беркутов перестаёт жевать. Лисицына замирает со стаканом компота в руке.

– Что ты сказал?

– Говорю, Рыжая – порченный товар, Кэмэл, – ещё больше втоптывая меня в грязь, издевательски повторяет «мальчик моей мечты».

Дёргаюсь, когда Юнусов резко отодвигает тарелку с борщом и поднимается со стула, сжимая пальцы в кулак.

– Не надо, Камиль! – кричу, ощущая как веки жгут предательские слёзы.

Но парня не остановить. Уже в следующую секунду он вытаскивает Бондаренко из-за стола и бьёт по лицу...

Глава 19 Ромашки на снегу

Вся столовая наблюдает за развернувшимся шоу.

– Так, а ну-ка прекратили! – громко возмущается дежурный учитель.

К этому моменту Лёша лежит на полу и прижимает ладонь к разбитому лицу. Против самбиста Юнусова он такой себе борец. И прекрасно это понимает.

– Камиль, не надо, – успеваю схватить его за руку.

– Пусть извиняется за свои слова, – упрямо требует кавказец.

– За что, дружище? – Бондаренко сплёвывает на плитку сгусток крови. – За правду?

Ну какая свинья!

– Это не по-мужски.

– Называю вещи своими именами. Что с того? – продолжает провоцировать Алексей.

– Ты не должен говорить о Саше мерзости.

– Не должен? А ты не до хера на себя берёшь, горец? – усмехается блондин в ответ.

– Извиняйся за свой поганый язык, я сказал!

Бондаренко демонстрирует Камиле средний палец, и тот, естественно, снова устремляется вперёд. В два шага преодолевает разделяющее их расстояние. Наклоняется, хватая его за грудки. Дёрнув вверх, ставит на ноги и наносит новый удар по смазливой мордахе, отчего Бондаренко отлетает назад, заваливаясь на стол к визжащим десятиклассникам.

– Камиль!

– Что за безобразие, мальчики! Немедленно разойдитесь! – истошно вопит русичка под общий гвалт. – Олег Юрьевич, там драка! Драка!

Историк на пару с Беркутовым оттаскивает вышедшего из себя Юнусова от Бондаренко.

– Камиль, ну всё, прошу! Оставь, не надо! – вклиниваюсь между парней. – Давай уйдём, пожалуйста!

– Нет. Пусть уйдёт он.

Садится за стол и с присущей ему невозмутимостью придвигает к себе тарелку. В это же время Пилюгин и Бараев помогают встать пострадавшему.

Разукрасил его Юнусов прилично. Даже отсюда вижу.

– Кушай запеканку, Саша.

Какой уж тут кушай, если меня трясёт всю...

Камиль провожает меня до дома. Теперь, когда гипсовой лангетки нет, и я в состоянии нормально передвигаться на своих двоих, у меня появилась хоть какая-то свобода. По крайней мере, надзирателя, в лице водителя Глеба, я вижу реже. Ногу надо разрабатывать. Врач рекомендовал пешие прогулки, так что я намерена этим пользоваться.

– Ты без настроения из-за того, что случилось в столовой? – парень первым нарушает молчание, затянувшееся между нами.

– Я в порядке. Неприятно, но не смертельно, – стараюсь улыбаться, а у самой кошки в груди скребут.

– Саша, я не дам тебя в обиду, – останавливаемся напротив моего подъезда.

– Я знаю. Просто вы с Бондаренко друзья, а из-за меня в ваших отношениях разлад.

– Не только в тебе причина.

В кармане пальто настырно вибрирует телефон, однако я не спешу доставать его, несмотря на то, что до зуда в ладонях хочется прочитать очередное сообщение от Ильи, которого я нарочно игнорирую.

– Мало тебе испорченной пятницы, так теперь ещё и родителей в гимназию за драку вызвали! – с досады закусываю губу.

- Неприятно, но не смертельно, – повторяет мой же текст.
- Спасибо тебе!
- Не за что благодарить.

Да как же не за что? Заступившись, он поступил как настоящий мужчина. Подобная реакция сегодня, увы, большая редкость.

- Не спросишь, почему Лёша обозвал меня... так? – стыдливо опускаю глаза.
- Нет. Мне всё ясно. Его задевает твоё равнодушие.
- Похоже на то... – соглашаюсь с ним я.
- Ты молодец. Я горжусь тобой, Саш, – звучит совершенно искренне.
- Да уж. Было бы чем, – потираю нос.

– Я не поняла, вы чего на улице мёрзнете? – буквально из ниоткуда перед нами вырастает фигура моей мамы.

- Добрый вечер, Евгения Владимировна.
- Привет, Камиль! – весело отзывается она. – Ну-ка, идёте чай пить!
- Спасибо за приглашение, но мне пора, – вежливо отказывается парень.
- Нет-нет, отказы не принимаются! – объявляет родительница. – Заодно поможешь донести пакеты, если тебе, разумеется, несложно, – мастерски хлопает ресницами.

Ой лиса...

– Мам, – посылаю ей красноречивый взгляд, однако пакеты уже передаются моему другу. Причём самым наглым образом.

– Ой, вечно как зайдёшь в магазин! То надо, это надо! – без умолку сорокой трещит она, поднимаясь по ступенькам. – Давайте догоняйте! У Паши в заначке чудный наполеон! Его и схомячим, ха-ха-ха. Бегом-бегом, молодёжь!

Мы с Юнусовым переглядываемся.

– Тот самый случай, когда нет смысла спорить и проще согласиться, – выдыхаю я. – Идём.

От лифта до квартиры рот у мамы не закрывается. На лестничной клетке Камиль принимает ещё одну попытку с нами распрощаться и сбежать, однако эта неугомонная женщина практически затаскивает его к нам домой.

– Проходи и не стесняйся. Сашиним друзьям мы всегда рады!

Насчёт папы я бы не была столь уверена...

– Почки нужно беречь с молодую!

Юнусов разувается и растерянно смотрит на тапочки, украшенные огромными розовыми бантами.

– Тьфу ты, не те! Это бабушкины, – хихикает мать, доставая из тумбочки другие. Новые. В клеточку, мужские. – Гля на Сашкины! – показывает ему мои, с медвежьими когтями.

– Мам! – возмущаюсь я.

– Ладно-ладно. Иду включать чайник. Рыжик, а ты пока проведи экскурсию по дому. Камиль ведь у нас в гостях первый раз?

Конечно первый. Что за вопросы!

– Не может, чтобы не выпендриться, – закатываю глаза, когда она исчезает в недрах квартиры. – Предки недавно ремонт организовали. С тех пор мама хвастается при каждом удобном случае.

– Какой аквариум! – Юнусов останавливается напротив огромной стеклянной инсталляции.

– Папкина релакс-зона. Он когда злющий, сидит и долго-долго пялится на своих рыб. Успокаивает расшатанную нервную систему.

– Впечатляет.

Эмоций, как обычно, никаких не выдаёт, но вроде ему и правда нравится.

– Нам туда, – веду его направо. – Присаживайся, куда хочешь. Кресло, диван, стул.

С интересом осматривает просторную гостиную, оформленную в стиле рококо.

– Матушкина гордость. Терпеть не могу вычурность и помпезность.

– Почему?

– Не моё, – признаюсь, сморщив нос.

Лепнина, орнаменты, позолота. Обилие узоров, габаритные скульптурные вазы, резная мебель. Сплошная показуха!

– Как по мне, пережиток прошлого, но мамку прямо прёт от всего этого, – отмахиваюсь я устало.

– Ну как тебе у нас? Правда, супер? – спрашивает она, влетая в комнату с чашками от самого дорогого сервиза.

Не поленилась, достала!

– У вас очень красиво.

– Душу вложила в этот ремонт! – восхищённым взглядом окидывает окружающее пространство. – Санёк, помоги-ка принести сладости.

– Так ты не пошутила? – хмыкаю ей в спину.

– То есть?

– Мы же на диете, – услужливо напоминаю я.

– Один разок нарушим, – беззаботно бросает через плечо.

– Надо же...

На неё это совсем не похоже.

– Зай, я не помешала вам? Там, внизу? – понижает голос до полушёпота и поигрывает бровями.

– В смысле? – не понимаю я.

– Вдруг Камиль хотел тебя поцеловать, а я...

– Что ты такое себе напридумывала? Мы просто дружим, – перебиваю, краснея до корней волос.

– Ну мало ли. Он ТАК на тебя смотрит... – кокетливо улыбается.

– Прекрати, мам. Давай уже свой наполеон! – шикаю на неё я. – И ещё, пожалуйста, не вздумай предлагать ему свою фирменную овощную бурду.

– Откуда ты знаешь, вдруг он оценит!

– Нет, – отрезаю я сухо.

– А погреть вам супчик со шпинатом? Или, может, приготовить оладушки из кабачков?

– Мам! Чай. Чёрный! И торт!

– Ладно-ладно, договорились! – сдаётся родительница, тонко считав мой настрой.

Чаепитие проходит под девизом «опозорь свою дочь на все сто». За то время, что несчастный Камиль находится у нас в гостях, мама успевает выдать море лишней информации. Про то, что я родилась недовеском (два килограмма четыреста граммов). Про то, что истерила весь младенческий возраст. Срывала с себя памперсы и бегала голозадой по двору деревни. Требовала купить огромного розового фламинго в первую поездку на море. Про то, что пела матершинные частушки и носила «стильный» горшок на голове. Ещё и фотку показала! Ну не коза?!

– Прости, Камиль, это был кошмар, – сгорая со стыда, роняю лицо в ладони, когда едем в лифте.

– Ты что! Я столько всего о тебе узнал, – улыбается он.

– Да уж, спасибо маме!

– Ты правда пела матершинные частушки?

– Угу. У меня бабушка – баянистка. Таскала меня на заработки в метро, когда я мелкая была.

– И ты реально соседям дачу поджигала? – явно не верит он.

– Да, – признаюсь я. – Они папку паршивым ментярой обозвали. Я разозлилась! Поджарила им крышу. Потом увидела кота на этой самой крыше. Пришлось ловить его и с ним оттуда удирать.

– Никто не пострадал, надеюсь?

– Нет. Дома никого не было, я точно знала. У кошары хвост немножко подпалился, я коленки содрала, а так... пожар быстро потушили. Я ж к родителям заявила, чтобы гордо сообщить, что Ерёмины щас останутся без крова и свалят с территории в закат.

– Вот это да. Опасная ты девушка.

– Скорее уж дурная! – смеюсь, толкая дверь подъезда.

– Не провожай на улицу. Холодно.

Но я уже спускаюсь по ступенькам, кутаясь в дутую куртку, накинутую на плечи. Да так и замираю, резко тормознув. Камиль от неожиданности в меня врывается, хватая по инерции за плечи.

– Ты чего, Саш? – обходит сбоку.

Он ждёт от меня ответа, а я кручу головой по сторонам. Ищу Паровозова или его чёрную приору.

– Что такое? Всё нормально? – хмурится Камиль.

– Да, – взволнованно сглатываю.

– Точно?

– Точно.

– Иди домой. Не мёрзни. Спасибо за чай и угощения.

Киваю.

– До завтра, – выжимаю через силу.

– Пока, Саш!

Не знаю, сколько проходит времени. Юнусов уже давно исчез за поворотом, а я всё ещё стою на морозе с трепыхающимся под рёбрами сердцем.

Блин.

Он был здесь.

Смотрю на припорошенный снегом букет ромашковых хризантем, лежащих на лавочке, и чуть не плачу.

Глава 20 Гнездо разврата

ИЛЬЯ

Кабан давит ленивую улыбку, когда мы толпой заваливаемся в одно из московских заведений. Пару недель назад его хозяина жёстко прессанули. Клуб хотели отжать по беспределу, но в игру по команде «фас» вступили отмороженные на всю голову мы...

– Вот она, столичная развлекуха. Глянь-ка, – Витос толкает меня локтем в бочину и кивает в сторону извивающихся на помосте девиц.

– Охренеть! Они голые? – Черепанов присвистывает, подставляя морду под мигающие стробоскопы. – Того рот, я хочу тут жить!

– Тише, вы чё как дикие! – возмущается Кирилл.

– Следуйте за мной, – встретившая нас у входа хостес разворачивается на своих высоченных каблуках-ходулях и направляется к лестнице.

– Очуметь, – Динамит едва не спотыкается на ступеньках, разглядывая периметр.

– Под ноги смотри, – недовольно цокаю языком.

– Сюда, – хостес, покачивая бёдрами, ведёт нас через зал, расположенный на втором этаже. – Ложе номер семь на сегодняшнюю ночь ваше. Располагайтесь.

Отодвигаю плотный занавес и прохожу следом за ней в кабинку, рассчитанную на личную компанию.

– Как зовут тебя, краля? – интересуется Черепанов, задержав взгляд на её верхних девяти. А бюст у дамочки, надо признать, внушительный.

– Анжела.

– О! Как собаку моей тётки, – бездумно ляпает Виталик.

Ну не придурок?

Осматриваюсь. Приглушённый свет. Палка для стриптиза. Стекланный стол. Фиолетовые диваны по кругу.

– Нормально тут у вас, – Антон усаживается на один из них, закидывает ногу на ногу и почёсывает место выше носка.

– Рада, что вам нравится, – натужно цедит она, наблюдая за этим его движением.

– Согласен, Череп. Зачётно, – Виталик откидывается на подушки.

– Слушай, Анжелика...

– Анжела.

– Один хрен, – отмахивается Тоха. – Я чё хочу спросить, шмот наш никто внизу не отработает?

– В смысле? – недоумевает она, нахмурившись.

– Я говорю, из гардероба вещишки не ушуршат? У меня куртка новая.

– Антон... – многозначительно смотрит на Черепанова Дымницкий.

– Не, ну а чё, Кир? Семь косарей на рынке в Жулебино корейцам отвалил, – невозмутимо выкатывает он.

Дымницкий закатывает глаза и вздыхает.

– Не переживайте. Ваши вещи никуда не денутся, – уверяет хостес.

– Смотри, Анжелика. С тебя спрошу, – грозит пальцем.

– Анжела. Перед вами меню, можете пока ознакомиться. Сейчас подойдёт официантка. Илья, – на этот раз обращается исключительно ко мне. – Тебя ждёт Рафаэль Ильдарович. Идём.

– Бля, я кроме оливье ни хрена знакомого из названий не вижу, – озадаченно чешет котелок Кабанов.

– Ёпта! Ну и цены! Да ну на хер! – Череп качает головой и откладывает меню на безопасное расстояние.

– Всё за счёт заведения. Так хозяин распорядился, – сообщает Анжела, презрительно поджав утиные губы.

– А, ну так бы сразу и сказала! – оживляется он.

– Ништяк, – бодро потирает ладони Динамит.

– Чё и бухло бесплатно? – с подозрением в голосе переспрашивает Черепанов.

– Да.

– Ха! Гуляем, братва!

– Как обычно берём, по пивасику?

– Дурнила, ща будем дегустировать качественное пойло. Вискарик или конину например, – хитро прищуривается Тоха.

– Присмотри за ними, – наклоняюсь к Дымницкому.

– Ой да чё, пусть пацаны немного расслабятся, – отмахивается тот беззаботно.

– А то ты не знаешь, чем заканчивается. По пьяне эти идиоты начинают творить всякую дичь.

– Кто бы говорил, Пикассо безграмотный, – громко ржёт в ответ он.

Стиснув зубы, выпрямляюсь. Теперь, по ходу, при каждом удобном случае будут припоминать мне мой идиотский поступок...

Дёргаю плотный занавес в сторону и сталкиваюсь нос к носу с зарёванной официанткой.

– Извини.

– Да ничего, это вы извините, – улыбается сквозь слёзы и делает шаг влево, чтобы меня пропустить.

Выискиваю взглядом серебристый костюм Анжелы. Она треплется с каким-то бритоголовым мужиком. Однако завидев меня, беседу прекращает и вскидывает руку.

– Нам навстречу, – поясняет, когда подхожу к ней.

Пару минут спустя идём по длинному, скудно освещённому коридору. Логово Ильдаровича, как выясняется, находится в самом дальнем углу. Но даже здесь слышны отголоски навязчивых басов, бьющих по мозгам.

– Рафаэль Ильдарович... Пришли те парни, о которых вы говорили, – информирует она, заглянув за дверь. – Илья со мной.

– Пусть заходит.

Девушка кивает, сигнализируя о том, что я могу войти.

– Илья, вечер добрый, – хозяин клуба, одетый в белоснежную рубашку и брюки, встаёт из-за широкого дубового стола. Сейчас он выглядит не так, как при первой нашей встрече. Разве что подрихтованная морда в синячелах указывает на то, что ещё совсем недавно у него были крупные неприятности.

Обмениваемся рукопожатиями.

– Рад тебя видеть.

– Взаимно.

– Рафаэль Ильдарович, будут какие-нибудь указания? – осторожно вклинивается в наш незатейливый диалог Анжела.

– Этих ребят сегодня обслужите как надо.

– Поняла. Я свободна?

– Да, исчезни. Садись, дорогой, – хлопает меня по плечу.

– У вас всё в порядке?

– Вашими стараниями, – заваливается в кожаное кресло.

– Ну я рад, что проблема разрешилась.

– Выпьешь со мной? – пододвигает к центру стола поднос с дорогим пойлом.

– Можно.

– Слушай, ты мне скажи, вы чем так Зурабова запугали? – разливает по стаканам янтарную жидкость.

– У нас свои рычаги давления, – пожимаю плечом.

– А поподробнее не расскажешь?

– Нет.

– Ясно. Ты не обессуди, это чистой воды любопытство, – усмехается, поднимая свой стакан.

– Понимаю.

Шухер на той подмосковной даче мы подняли отменный. Динамит намешал какой-то фигни в бутылки. Заполыхала территория конкретно. Пока люди Зурабова в панике мотались туда-сюда, нервничая из-за пожара, мы выдернули его прямым из горячей баньки. Да так с голой жопой в густой лес и вывезли. Якобы закапывать...

– Давай за успех. Пусть он сопутствует нам во всём! – произносит типа тост.

– Пусть, – опрокидываю в себя стопку.

Дымный аромат. Фруктовое послевкусие.

– Скотч. Друган из Шотландии привёз. Как тебе?

– Неплохо, но качественный самогон ему ни в чём не уступает, – признаюсь я честно.

Рафаэль смеётся и тянется за пачкой с куревом. Незнакомая фирма. Никогда таких не видел раньше.

– Угостить?

– У меня свои, – хлопаю по карману, намеренно отказываясь, хотя с удовольствием попробовал бы заморскую хрень. Только унижаться нет желания.

– Хороший ты парень, Илюха! – по новой наполняет стаканы.

– Откуда такие выводы? Мы с вами практически не знакомы.

– Так надо это исправлять. Хочешь ко мне на работу? – предлагает внезапно. – Охранником моим личным будешь. Предыдущий, падла, ожиданий не оправдал.

– Нет, работа у меня уже есть, спасибо. Что насчёт лаванды? Я, собственно, за ней и пришёл. Есть?

– Ну разумеется, – отодвигает ящик и достаёт оттуда конверт. — Здесь немного больше, чем договаривались.

– И с чем связано?

– За оперативность. Клянусь, вскрылся бы, если бы моё детище пошло по рукам. Пол жизни угрожал на развитие этой сети клубов.

Киваю.

– Знаешь, я ведь в девяностые бизнесом начал заниматься. Те ещё времена, но хоть какие-то понятия у людей были. А теперь что?

– Да бросьте, всегда беспредел существовал. И тогда, и сейчас...

– Так-то оно так, – медленно выдыхает дым.

– Ладно, мне пора, – убираю конверт под свитер и встаю.

– Свидимся, Илюха.

– Лишь бы повод был благоприятным.

– Это точно, – усмехается он.

Возвращаюсь к пацанам. В кабинке веселье идёт полным ходом. Стол вдоль и поперёк заставлен жратвой и выпивкой. Судя по опустевшей таре, парни уже хорошенько накатали. Ещё и тёлки откуда-то нарисовались. Одна в микротрусах интенсивно на шесте крутится. Вторая восседает на коленях у Кира. Третья взяла в оборот Черепанова. Ёрзает на нём так, что у сидящего справа Кабанова от этого порноролика вот-вот сердечный приступ случится. Взмок весь бедный.

Закинувшись хавчиком, покидаю гнездо разврата. Охота проветриться. Да и не горю желанием наблюдать за происходящим. Хватило подобных сцен в своё время. Спасибо моему папаше...

Стою у ограждения на втором этаже и разглядываю столичный клубешник. Музыка нещадно долбит по ушам. Танцовщицы эротично извиваются перед вмазанной публикой. Толпа людей ритмично двигается на танцполе.

– Скучаешь?

Поворачиваю голову влево.

– Арина, – с ходу представляется знойная брюнетка, облачённая в маленькое блестящее платье. – Мои подруги в хлам. Отправила их домой баиньки. А твои друзья...?

Вопросительно вскидываю бровь.

– Видела, что ты пришёл не один, – поясняет она.

– Развлекаются.

– А ты почему не с ними?

– Нет настроения.

– Так надо поднять, – заявляет, подмигивая. – Пошли ко мне, выпьем.

А чё нет? Вон кто-то рыжий вообще времени даром не теряет!

– Я не против.

Девчонка ведёт меня на третий ярус. Там я чётко понимаю одну простую вещь: Ильдарович на нас сэкономил. Вот где располагается настоящая випка.

– Одной не стрёмно тут оставаться? – приземляюсь на диван и вытягиваю ноги.

– Я здесь частый гость. А вот тебя вижу впервые. Давай, за знакомство! – поднимает со стола бутылку виски. Разливает на двоих. Неженский напиток, но её это явно не смущает...

Минуты перетекают в часы. Арина будучи подшофе, рассказывает про себя столько, что хватит на целое досье. Дочь известного бизнесмена по фамилии Барских. Владеет рестораном. Путешествует по миру. Мечтает поехать на Байкал. Любит дорогие тачки с рисковыми покатушками и побрякушки. Не любит своего жениха. Тот на порядок старше и кажется ей занудой.

– Знаешь что? Хочу тебя поцеловать, – заявляет она вдруг, забираясь наверх. – Классный ты. Такой красавчик... – зарывается пальцами в волосы.

Пока соображаю, что к чему, она уже прижимается своими губами к моим и сексуально выгибается. Пытаюсь отключить голову, справиться со своими загонами и расслабиться. Подразмотало от алкоголя, что мне, в общем-то на руку, да и девчонка реально классная.

– Что там? – смеётся она, нехотя отстраняясь.

В кармане джинс безостановочно вибрирует мобильник. Достаю телефон и с минуту тупо плююсь на экран, сперва решив, что меня глючит.

Вот она, блять, объявилась... Соизволила о себе напомнить! Вовремя!

Внутри моментом поднимается какая-то жёсткая муть. Тот самый осевший чёрный осадок. Злость вперемишку с чем-то таким, что не описать словами.

Да пошла она, чёртова малолетка!

Перед глазами стоит та самая картина: заснеженная аллея у её дома, пацан кавказской наружности рядом. С её рюкзаком в руках.

Милота!

В кадре появляется мамаша. Чирикают втроём. Заходят в подъезд. А я, как debil, сижу с цветами в машине.

Нет. На хер...

Решительно скидываю. Один раз. Второй. Третий. Бросаю трубу на диван.

– Так на чём мы остановились? – Арина обнимает меня за шею и целует. А я краем глаза вижу горящий экран. Рыжая продолжает настырно трезвонить...

– Погоди-ка, – раздражаясь всё больше, отодвигаю Арину в сторону и забираю телефон. Нажимаю «принять». Молчу пару секунд, после чего недовольно спрашиваю:

– Что хотела?

Глава 21 Нет шансов

- Что хотела?
- За цветы поблагодарить, – поясняет мелкая рыжая зараза.
Проснулась...
- Поблагодарила? – достаю из пачки сигарету. Арина тоже утаскивает себе одну и с интересом на меня поглядывает.
- Отвлекаю? – обиженно уточняет та, что «на проводе».
- Щёлкаю зажигалкой. Молчу... Пусть понимает, как хочет.
- И чем таким важным ты занят? Что за грохот? Это музыка? – в её тоне так и сквозит наезд.
- Допрос решила устроить?
- Ты в клубе, что ли? – сразу догадывается она.
- Что ли в клубе. Ты-то почему не спишь, принцесса? Детское время кончилось. Давно пора в кроватку, – намеренно её стебу.
- Как раз собиралась, придурок! – цедит ядовито и резко сбрасывает.
- Не успеваю отложить телефон, как она трезвонит снова.
- Что-то ещё, Бесстыжая? Сладких снов тебе пожелать?
- В жопу твои пожелания! – произносит гневно.
- Полегче, – отодвигаю трубу подальше от уха.
- Ну и с кем ты там... в этом своём клубе? – осведомляется сердито.
- У меня приятная компания, не беспокойся на этот счёт, – выдыхаю дым и слушаю, как натужно она сопит. Меня почему-то это дико веселит.
- Насколько приятная? – её мелодичный голосок дрожит.
- Десять из десяти, – выдаю нарочно. Встречаюсь взглядом с Ариной, сидящей напротив, и она выгибает бровь дугой.
- Ясно. Тогда не буду тебе мешать! – язвит Харитоновна.
- Вот и я решил не мешать. Привет ухажёру, – вылетает непроизвольно.
- Вообще-то, это мой одноклассник. И мы просто дружим, – объясняется зачем-то.
- Да мне фиолетово, – возвращаю её же фразу.
- Пиздёшь, чистой воды. Ни хрена мне не фиолетово. Это, наверное, и бесит.*
- Ну, если так, – чеканит она холодно, – то я рада, что мы всё прояснили.
- Отключается без предупреждения и во второй раз.
- Вздыхаю. Тянусь к бутылке, наливаю себе ещё выпить.
- Твоя девушка звонила? – Арина подставляет свой бокал тоже.
- Потираю переносицу. Башка начала болеть. Видать аллергическая реакция на Веснушку.
- Моей она так и не стала, – наслаждаюсь тем, как горячая жидкость обжигает горло.
- И почему?
- У нас типа разный социальный статус.
- Весомая причина, – кивает.
- Ты так считаешь? – раздражаюсь всё сильнее.
- Спрашивай конкретнее, если тебе и впрямь хочется узнать моё мнение, – откидывается на спинку кожаного дивана, закидывает ногу на ногу и внимательно на меня смотрит.
- Я – деревенский босьяк и раздолбай с сомнительной репутацией, она – москвичка. Девочка из приличной, обеспеченной семьи. Личный водитель, квартира в центре. Учёба в престижной гимназии. Папаша – подполковник, мать – бизнесвумен. Дальше продолжать?
- Не обижайся, но шансов на серьёзное будущее у вас нет, – выносит свой вердикт мой «душевный» собеседник.

– Шансы всегда есть, – упрямо спорю, с грохотом отставляя пустой стакан.
– Разве что на страницах бульварных романов, – ведёт плечом и улыбается. – В жизни всё иначе. Люди склонны выбирать себе подобных. Равных, понимаешь?
– Деньги – это всего лишь бумажки, если ты об этом.
– Но только они могут сделать человека по-настоящему счастливым, – поджигает кончик сигареты. – Абсолютно всё в этом мире продаётся и покупается.
– Я с тобой не согласен.
– Да брось... – отмахивается она. – Слушай, не возражаешь? Я задолбалась... Жарко. Мои зеньки лезут на лоб, потому что девчонка за пару секунд из брюнетки превращается в блондинку.

– Ты...

– Конспирация, – трясёт париком. – Мы с подругой следили за её парнем-блядуном.
– Хрена се! – я всё ещё пребываю в шоке.
– Не нравится моя трансформация? – смеётся, взбивая пальцами светлые волосы.
– Да нет, всё отлично, но тёмный идёт тебе больше.
– Надо же, кто бы мог подумать, – хмыкает она.

На телефон приходит смс.

«ТИПИЧНАЯ КОЗЛИНА»

Замечательно. Никак не угомонится...

«Типичная глупая малолетка» – печатаю в ответ.

«Мудила, каких поискать» – прилетает рикошетом.

«Рыжая стерва»

«В лом было взять мои цветы?»

Опять меня злостью капитально накрывает. Стучит она внутри, разливается по сосудам, когда вспоминаю, что девчонка так и оставила букет на чёртовой лавке, припорошенной снегом. Даже не удосужилась взять из вежливости, а я ведь, между прочим, последние деньги на них тогда спустил!

– Ты куда? – спрашивает Арина, когда я подрываюсь с дивана.

– Восвояси.

Настроение упало в ноль после нашего разговора про бабло и статус.

– Давай отвезу тебя, я на колёсах, – встаёт тоже.

– Ты пила, – напоминаю я ей.

– Разве что чуть-чуть...

– Чуть-чуть?

Ну-ну.

– Да не переживай ты, – кладёт ладонь мне на грудь. – Я за рулём со времен сопливого детства. Так что в любом состоянии – ас.

– По-моему, чересчур самонадеянно с твоей стороны пренебрегать опасностью.

– Со мной никогда ничего не произойдёт. По крайней мере, не на дороге. Уж будь уверен.

– Не дури. На такси домой езжай, – убираю её руку и покидаю вип-ложе. С чётким осознанием того, что вот это вот всё – не моя тема.

На улице, за стенами пафосного заведения, сразу становится на порядок легче дышать. Зажимаю губами дымящуюся сигарету, застёгиваю молнию на куртке и, спрятав руки в карманы, направляюсь к метро. Из клуба я ушёл, не предупредив своих пацанов. Хотя подозреваю, что сейчас им точно не до меня, учитывая масштабы развернувшегося веселья.

Тяну носом морозным воздух. Слушаю, как скрипит под ботинками снег и кожей ощущаю колючие снежинки, летящие навстречу. Нравится мне зима. Красиво... Она идёт даже этому отвратительному мегаполису.

Телефон снова вибрирует. Сперва собираюсь проигнорировать этот входящий, но потом всё-таки решаю ответить. Зачем – да хер его знает.

– Илья, можем мы поговорить? – спрашивает на удивление спокойно.

– А надо?

– Надо. Я по поводу букета...

– Не утруждайся с объяснениями, – перебиваю сразу. Уже поперёк горла эти долбанные ромашки, клянусь!

– Подожди. Послушай! Я действительно не взяла его, но это вовсе не значит, что он мне не понравился. Просто...

– Просто что? – гаркаю недовольно.

Она какое-то время хранит молчание. Потом тяжело вздыхает.

– Не могу я принести домой цветы. Не могу! – кажется, будто девчонка вот-вот расплачется, но, возможно, у меня тупо разыгралась фантазия.

Останавливаюсь у входа в метро, затягиваюсь поглубже.

– В девятом классе на день Святого Валентина мальчик из параллели подарил мне коробку рафаэллы и открытку. Отец такой разнос устроил, когда увидел! Орал, за ремень порывался схватиться. Наказал меня тогда надолго. Ходила с Глебом, как с нянькой, буквально повсюду. Ещё и воздыхателю моему досталось. Подкараулил его у школы. Короче, позор.

– К чему клонишь?

– Такие скандалы мне не нужны.

– Ясно.

По ходу, та ещё семейка...

– Не обижайся на меня, пожалуйста.

– Розы на черта в урну выбросила? – делаю очередную затяжку.

– Мне надо было от тебя избавиться, – невозмутимо выдаёт после затянувшейся паузы.

– Зашибись, Рыжая, у тебя методы! – стискиваю челюсти до скрежета. Издевается она, что ли? Сейчас уже я испытываю острое желание бросить трубку.

– Почему так тихо? Ты ушёл из клуба?

– Это имеет значение? – выкидываю окурки.

– Для меня имеет.

Имеет... Королева, мать её, логики!

– Ещё не наигралась, Сань? – спрашиваю напрямую.

– Ничего у нас не выйдет, Илья. Ну ты же сам понимаешь... – шмыгает носом. Реально плачет, что ли? – Я ни о чём не жалею. Правда. Спасибо за прекрасные цветы, и за надпись на стене, и за свидание в парке. Никто никогда для меня подобного не делал...

В этот раз как будто действительно прощается. И мне бы забить на всю ту голимую муть, происходящую между нами, но от мысли, что я больше не смогу увидеть Рыжую Сашку, неприятно ноет под рёбрами.

– Ладно, спокойной ночи. Извини ещё раз. Знаю, что обидела.

На этой фразе и заканчивается наш разговор. Не дождавшись моих комментариев, она снова сбрасывает вызов. В третий раз.

Смотрю на экран телефона до тех пор, пока меня не окликает какой-то не то нарик, не то алкаш. Молодой, кстати. На вид, плюс-минус, мой ровесник.

– Чё хочешь?

– Денег. На хлеб.

– На хлеб, как же, – достаю из кармана наличку, отдаю ему и намереваюсь спуститься в подземку.

– Закрыто. До часу работает, брат.

Забавно, пара сотен – и ты уже брат.

– Слушай это... – подходит ко мне ближе и опасливо озирается. – Тебе баба не нужна на ночь?

– Не понял...

– Светка, она это, умелица, на всё согласна, – кивает в сторону обдолбаной девки, сидящей на тротуаре.

– Ты чё? Подругу свою под меня подложить хочешь? – уточняю удивлённо.

– Эт сеструха моя. Она не против.

Зарядив ему по роже, громко матерюсь. У меня в голове вся эта хрень не укладывается. Насколько нужно опуститься, чтобы скатиться до такого.

– Эээ! Ты чё делаешь? Не трогай Мишу! Отошёл от него, урод! – орёт та самая Света и, шатаясь, направляется к нам.

«Всё в этом мире продаётся и покупается» – звенит эхом в ушах.

До тошноты.

Ненавижу этот город. Здесь люди из-за бабок просто сошли с ума.

Глава 22 Вернуть трофей

САША

Который час плачу, уткнувшись носом в подушку. За окном уже рассвет, а я никак не могу успокоиться и принять тот факт, что всё закончилось. Причём, так и не начавшись...

Зажмуриваюсь. Чёрт возьми, почему так больно было говорить о том, что ничего у нас с ним не получится... И ведь знала же, что к тому идёт, но зачем-то саму себя обманывала. На свидание пошла. Какой был смысл? Только хуже сделала, потому что тот вечер действительно стал для меня по-настоящему особенным. Давно не было так здорово...

Детально прокручиваю в памяти наш телефонный разговор с Ильёй. Про цветы я ему нисколько не соврала. С тяжёлым сердцем тогда оставила на морозе любимые ромашковые хризантемы. Такие красивые и желанные! Обиднее всего, что Илья решил, будто я специально это сделала, решив по новой его унижить. А я ведь подобной цели не преследовала и на самом деле очень расстроилась, что не смогу их взять по очевидным причинам.

– Сашка, подъём! – голос матери нарушает тишину молчаливого зимнего утра. Она раздвигает занавески в стороны, и комнату заливают лучи взбирающегося на небо солнца. Слишком яркие и нервирующие, но я даже не предпринимаю попытку отвернуться.

– Встаём. Слышишь? Не поняла... – чувствую, как она приседает на краешек кровати, а уже в следующую секунду ощущаю мамины нежные руки на своём лице. – Ты чего, Рыжик, плачешь?

– Живот болит, – лгу, медленно открывая глаза.

– А что такое, зай? – обеспокоенно на меня смотрит.

– Просто эти дни начались.

– И что, Саш, так сильно, до слёз болит? – гладит меня по голове.

Да, мам. Сильно болит. До слёз...

– Поехали к врачу, а?

– Мам, пожалуйста, не нужно поднимать панику на пустом месте. Просто дай мне ещё немного полежать, – натягиваю одеяло повыше. В данный момент больше всего на свете я хочу просто остаться наедине с собой.

– Сейчас принесу тебе таблетку и завтрак. Побудешь сегодня дома, напишу Элеоноре Андреевне, что ты плохо себя чувствуешь. Контрольных и тестов у вас сегодня нет. Так что, думаю, ничего страшного не произойдёт, если эту пятницу мы пропустим.

Знала бы она, какое чувство благодарности я испытываю. После бессонной ночи я вообще не в состоянии воспринимать учебный материал.

Целует меня в лоб и уходит на кухню. И всё время пока она там, я борюсь со своей совестью. С детства учили, что обманывать нехорошо, но, к сожалению, озвучить правду я не могу. Как и рассказать маме про Илью. Эту историю она точно не одобрит. Особенно её начало.

Илья...

Значит, в клубе отдыхал. Ясно. Решил поразвлечься, а чего нет? По большому счёту, сама виновата. Ни один нормальный парень не продолжил бы за мной ухаживать после всего, что произошло. А такой, как Паровозов, тем более.

Интересно, с кем же он вчера был? Неужели... делал с ней всё то же самое, что и со мной? Целовал, трогал и... Чёрт!

– Бедняжка моя, тебя ещё и тошнит? – спрашивает мама, по-своему оценив выражение моего лица.

Конечно тошнит. Как представляю его с какой-нибудь девкой, так ещё сильнее отчего-то рыдать хочется.

Забудь его, Сашка. Забудь! Всё!

Добилась, чего хотела.

– Давай-ка, покушай, дочка.

Принимаю сидячее положение, и она ставит мне на ноги поднос с любимыми сырными гренками.

– Спасибо тебе, мамуль, – обнимаю её крепко-крепко пять минут спустя.

– Полежи, милая. Я в салон смотаюсь, скоро буду дома. Если не успею к обеду, разогрею себе суп и рагу.

– Занимайся своими делами, не переживай за меня.

– И кто тут у нас захворал? – доносится до нас голос отца.

– Привет, пап.

– Выглядит и правда неважно, – констатирует он, обращаясь к жене.

– Таблетку мы выпили, покушали. Отдохнёт – всё нормализуется.

Я под внимательным взглядом отца несколько тушуюсь, но стараюсь не подавать вида, что взволнована.

– Позанимайся хоть, чего просто так валяться в постели, – кивает на стопку книжек, оставленных на столе.

Ну да, преступление века.

– Позанимаюсь, пап, – обещаю, отдавая маме пустой поднос.

– Сама отнеси, не ленись.

– Не гоняй Сашку! Живот болит! – ругает она его.

– Жень, мне надо, чтобы ты заново погладила рубашку. Воротник и рукава видела? Засмеют на работе!

– Ой, да кому нужны твои рубашки, Паш! Поглажу, не ворчи.

Они выходят из моей комнаты, и я снова падаю на подушку, а уже через полчаса остаюсь в квартире одна, как хотела.

Какое-то время валяюсь на кровати, мысленно перебирая варианты того, чем могла бы заняться. В итоге около десяти заказываю домой пиццу и устраиваюсь с ней на диване перед телеком. Щёлкаю пультом, смотрю одно дурацкое шоу за другим.

К обеду мама не приходит, как и предполагала. Поболтав с ней по телефону, беру в руки гитару. Решаю записать ещё пару каверов. На моём ютуб-канале не то, чтобы много подписчиков, но люди оставляют комментарии и просят спеть что-нибудь ещё. Почему бы и нет?

Последующая неделя тянется долго. Зато приходит весна. Чисто номинально, но всё-таки...

Потихоньку втягиваюсь в привычный ритм. Снова посещаю тренировки по волейболу. Нога вроде в норме, однако тренер рекомендует побережться. В апреле у нас соревнования, и он рассчитывает на моё участие, а значит подвести команду я не имею права...

– Вместо того, чтобы рисовать её, лучше бы нашёл возможность извиниться.

Абрамов, по обыкновению устроившийся на подоконнике, вскидывает на меня свой фирменный взгляд – «не подходи, убьёт».

– Что? На большую мозоль наступила, Ян? – продолжаю ядовито.

– Харитонов, не нарывайся, настроение итак дерьмо, – захлопывает свой скетчбук и зло зыркает на меня своими невозможными зелёными глазищами.

Ох, сколько девичьих сердец разбил этот парень – не пересчитать...

– Надеюсь, это муки совести не дают тебе покоя?

– Где я и где совесть. Не смейся, – ухмыляется, покручивая пальцами карандаш.

– Кретин! Дашка – это лучшее, что было в твоей жизни.

Звенит звонок, и учащиеся торопливо расходятся по кабинетам.

– Которая из? – уточняет, делая вид, что не понимает, о ком я говорю.

– Которая из? – вскидываю бровь. – Твоя, Кучерявый. Та самая, которую ты опозорил на всю школу.

– Она сама себя опозорила, – отзывается равнодушно.

– Никогда не встречала более циничного и жестокого человека, чем ты, – осуждающе качаю головой.

– В класс заходим, Абрамов, Харитонов! Особое приглашение нужно? – орёт на весь холл химичка.

Проходим в кабинет, где на протяжении сорока минут нам втирают про электролиз. На сорок первой я совершенно случайно обнаруживаю большую жевательную резинку в своих волосах и довольную морду Бондаренко, сидящего наискосок.

Какой всё-таки мерзкий! Исподтишка такую фигню в коридоре сделать. Ну не дебил?

Жвачку тем же вечером из моей копны удаляет Регина, та самая мамина подруга, которую терпеть не может отец. К счастью, она работает парикмахером в нашем салоне и всегда готова прийти на помощь.

– Ну и какая стерва это сделала? – интересуется после того, как извлекает из волос розовое нечто.

– Это Алёша мне мстит, – признаюсь я честно.

– Тот самый Алёша? Твой? Но за что? – ловлю её удивлённый взгляд в зеркале.

Регина о моих чувствах к Бондаренко знает давно. Как-то поймала меня на разглядывании его фоток, и пришлось объясняться.

– Ты же с ним закрутила, да? – переходит на шёпот, дабы нас не услышали другие работники салона.

– Да ничего у нас не вышло. У него есть девушка. А третьей я быть не хочу.

– Это правильно, Сашка. Треугольник ни к чему хорошему не приводит. Вон посмотри, чем закончился мой роман с Темрюковым. Полгода жили душа в душу – и на тебе. Как гром среди ясного неба. Ухожу, говорит, назад к жене. Нормально вообще? – возмущается, вкладывая ножницы в чехол. – Сейчас понимаю чётко: на чужом несчастье – счастья не построишь.

– Это точно.

Когда-то я мечтала занять место Купцовой. Мне казалось, что я близка к этому, ведь Лёша обещал рассказать ей о нас и остаться лишь со мной.

Наивная дура. Теперь-то понимаю, что после первого секса Бондаренко сразу бы переобулся.

– Идём мыть голову.

Пока пересаживаюсь, она песочит Темрюкова, а я в это время смотрю на неё и думаю: почему классной, яркой, красивой Регине так не везёт с мужчинами. Ей тридцать два, она умна и самодостаточна, а на личном никак не складывается. Именно так, чтобы всерьёз. Поклонников-то хоть отбавляй, но всем им нужно только одно.

– Страдаешь теперь, Саш?

– Нет. Я поняла, что он слизняк и резко охладела, – замуриваюсь от удовольствия, когда она принимается за дело.

– Ну слава Богу! А это... вы с ним... Успели?

– Нет! – распахнув глаза, отчаянно краснею. Прямо щёки начинает жечь, будто их перцем натёрли.

– Теперь ясно, почему он бесится. А про Камиля расскажешь? Женька все уши про него прожужжала.

– И когда успела, – недовольно цокаю языком.

– Так и что...? – улыбается Регина, прищуриваясь.

– Мы дружим, ничего такого, что могло ей померещиться.

– А жаль, – театрально вздыхает.

– Это почему же?

– Да пора тебе уже по уши влюбиться. Восемнадцать – прекрасный возраст! Мальчишки, свиданки, дискотеки, поцелуи... – ополаскивает мои волосы, аккуратно отжимает и заворачивает в тюрбан из полотенца. – Время нарушать запреты!

– На носу экзамены, получение аттестата, поступление в университет. Мне учиться надо, Регин.

– Эту лапшу отцу-надзирателю своему вешай, – отмахивается, доставая из тумбочки фен.

– Какие свидания, если у меня дни расписаны поминутно.

– Так и я о том же! Неправильно всё это. Отрываться надо, пока молодая. Всё, чего хочется, от жизни брать на полную катушку. Потому что если не сейчас, то когда?

– Слышали бы тебя мои родители, – хмыкаю, нервно усмехаясь.

– Да пусть бы и услышали! Никак не расстанутся с ежовыми рукавицами, в которых тебя держат.

– Они беспокоятся обо мне и желают только лучшего.

– Благими намерениями сама знаешь, куда дорога выслана. В ад!

– Не нагнетай.

– Я вот тоже до двадцати трёх лет кроме книжек ничего не видела. И что? Понадобилось мне моё экономическое образование, как думаешь?

– Ты экономист? – пожалуй, мой черёд удивляться.

– Ни дня им не проработала. Вручила бабушке-тираноиду диплом, помахала ручкой и съехала к девчонкам на квартиру.

– Круто, – искренне восхищаюсь её поступком.

– Сожалею, что не сделала этого раньше.

– А как же ты парикмахером стала?

– Так на курсы записалась год спустя. Выучилась, руку набила и вуаля!

– Любимым делом занимаешься.

– Однозначно.

– О чём болтаете? – мама, как всегда, появляется незаметно.

– О родителях и их хотелках, – выдаёт Регина, включая фен на полную мощность.

Забавно, но этой же ночью мне на телефон приходит сообщение. От Паровозова.

Сон как рукой сняло. Подорвавшись с подушки, таращусь на входящее смс и не могу заставить себя прочитать его содержимое. И страшно, и любопытно до трясучки. Сердце надсадно тарахтит в груди, отбивая какой-то невероятный, совершенно сумасшедший ритм. Дышать я не в состоянии. Глотать тоже.

Плюнув на всё, дрожащими пальцами жму на сообщение.

Открываю, ощущая, как в области висков накатывающими волнами грохочет разгорячённая кровь.

«Надо увидеться, Сань»

«Зачем?» – отправляю сразу же, и в районе солнечного сплетения разгорается маленькая, хрупкая надежда. Однако тут же умирает, едва приходит ответ.

«Трофей хочу вернуть»

И следом прилетает фото моих кружевных труселей...

Глава 23 Ривьера

Воскресным днём около двенадцати я выхожу из своего дома. Триста метров спустя поворачиваю за угол и сразу обнаруживаю чёрную приору Паровозова и его самого.

Илья стоит спиной ко мне, оперевшись о капот машины. По обыкновению курит. На крыше лады лежит огромный букет ярко-жёлтых ромашковых хризантем, и я не могу сдержать глупую улыбку. Напряжение отпускает, а в груди разливается тепло, оттого что несмотря ни на что, он снова купил их для меня. После всего, что я вытворяла...

– Привет, – здороваюсь первой, когда парень, обернувшись, замечает меня, нерешительно топчущуюся на тротуаре в паре метров от него.

– Прикольная куртка, – выдаёт вместо приветствия, пробежавшись взглядом по моей дорожке обновке.

Эту кислотную вещицу я купила назло матери. Уж очень хотелось чем-то заменить душное пальто, которое меня бесило.

Обхожу автомобиль по кругу.

– Зачем же цветы? – всё-таки спрашиваю, с грустью глядя на солнечные хризантемы.

– Тебе для настроения, – поднимает и передаёт мне увесистый букет.

– Спасибо.

– Не за что, – невозмутимо пожимает плечом.

Опускаю глаза. Чувствую, что вот-вот заплачу. Я так сильно нервничала перед нашей встречей. Очень боялась, что она станет последней. Знаю, нелогично. Я крайне непоследовательна, но что поделать, такая есть...

Поддавшись порыву, делаю шаг вперёд. Встаю на носочки и обнимаю его за шею, испытывая жгучую потребность в том, чтобы хоть как-то проявить свою благодарность.

– Спасибо, – тихо шепчу ещё раз, прилипнув к нему. – Прости за те, ладно?

– Проехали, Сань, – отодвигает меня и выкидывает сигарету. – Садись в тачку.

– Зачем? – спрашиваю удивлённо.

– Увидишь.

Растерянно наблюдаю за тем, как он открывает пассажирскую дверь.

– Или тебе домой пора? – произносит, ухмыльнувшись.

Поджимаю губы.

Он ведь это нарочно, да?

Молча усаживаюсь на сиденье. Цветы аккуратно кладу назад. Немного расстраивает тот факт, что Илья практически никак не отреагировал на моё объятие, однако сейчас все мои мысли лишь о том, куда он нас повезёт.

– Рассказывай, как дела, – заводит разговор, когда стоим на светофоре.

– Нормально.

– Мало спишь? – интересуется вдруг.

– С чего ты взял? – отсылаюсь хмуро. – Это намёк на то, что я плохо выгляжу?

Обидно блин. Видимо, стоило накраситься.

– Нет. Просто ты трижды зевнула, – тут же опровергает мою гипотезу.

– А... это, – отмахиваюсь. – Экзамены скоро. Много занимаюсь, да и в школе задают выше крыши.

Не рассказывать же правду. Иногда поздней ночью я пытаюсь писать тексты. Для того, чтобы после придумать к ним аккорды.

– Всё ты сдашь, Рыжая, – уверенно заявляет он. — Расслабься.

– Скажи, ты плохо учился в школе? – моя очередь задавать вопросы.

Вскидывает бровь, поворачиваясь ко мне.

– Что? Мне любопытно, – объясняюсь, краснея.
– До девятого класса относительно неплохо, – отвечает он, глядя в зеркало заднего вида.
– С русским и литературой была вечная засада.
– Алёнка говорила, что ты хотел поступать в университет МЧС. Почему не сложилось?
– Не всегда в жизни всё складывается так, как хочется. Тебе ли не знать...
Замолкаю. Потому что он попал прямо в цель. Страйк.
– На кой чёрт ты обо мне у неё спрашивала? – подозрительно прищуривается, и я заливаюсь краской пуще прежнего.
– Это было давно, – отворачиваюсь к окну и оставшуюся часть пути рта не открываю.
Во избежание подобных казусов.

Обет молчания нарушаю только тогда, когда навигатор оповещает о конечной точке.
– Ривьера? – удивлённо хлопаю ресницами.
– Ну да, ты же хотела развлечься, – улыбается.
Обалдеть. Запомнил. Я ведь и правда говорила ему о том, что хочу сюда попасть.
– Но у меня нет с собой купальника! – развожу руками.
– У меня тоже. И чё?
Илья выходит из машины. Я выбираюсь из приоры следом за ним.
– Мы надолго? – уточняю, окидывая взглядом внушительную территорию аквапарка.
– Это как получится. Поторчим по приколу, – нажимает кнопку брелока и цепляет мою ладонь своей: большой и горячей.

Пока идём, мысленно хвалю себя за то, что имею привычку держать тело в порядке. Во всех смыслах так сказать. Ну вы поняли.

Перед центральным входом тусуется аниматор в костюме гигантского краба. В какой-то момент он хватает меня своими клешнями сзади, и я от неожиданности громко взвизгиваю.

– Эээ, членистоногое, полегче, эта самка занята, – хохочет Илья, освобождая меня из плена мистера Крабстера.

– Напугал меня, идиот, – стаскиваю шапку и по привычке приглаживаю волосы.
– Снимай куртку, – кивает в сторону гардеробной, у которой топчется толпа народа. – И мою сдай, щас билеты куплю.

Отдаёт мне свою кожанку и направляется к кассам.

Воспользовавшись моментом, быстренько осматриваю себя в зеркале и встаю в очередь за большим семейством, чтобы сдать вещи.

Краем глаза замечаю Илюху и двух барышень, мило с ним щебечущих.

Какого...

Всучив наши вещи милой старушке в очках, забираю номерок и отправляюсь к ним.

– Если ты первый раз, то тебе точно понравится. Здесь круто, – доносится до меня голос высоченной блондинки.

– Заскучаешь – присоединяйся к нам, – хихикает брюнетка.

– Я тут со своей девчонкой, – произносит Илья, как раз в тот момент, когда я, подкравшаяся со спины, собираюсь вмешаться.

«Я тут со своей девчонкой»

Странное чувство, замешанное на ревности и злости испаряется так же быстро, как появилось.

Он меня не видит, и я решаю отступить к диванчику, чтобы подождать его там. Откинувшись на спинку, осматриваю просторный холл, а потом, спохватившись, хлопаю себя по лбу и набираю мать.

– Да, Сашка, слушаю.

На заднем фоне работает фен. Из чего делаю вывод, что она помчалась в салон. Любит всё контролировать и постоянно держать персонал в узде.

– Мам, да я хотела предупредить, что домой вернусь вечером, – заявляю как есть, дабы не ходить вокруг да около.

– Почему вечером? Ты же сказала, что вы с Алёной прогуляетесь и вернётесь.

– Да мы тут решили аквапарк посетить. Мелкая попросила, – сочиняю на ходу.

– Ой, дочь, у тебя же аллергия на хлорку! – принимается верещать родительница.

– Что за бред, это было один раз, – закатываю глаза, вспоминая тот нелепый эпизод десятилетней давности.

– Вы где-то далеко? – уточняет она обеспокоенно.

– Ещё пока думаем, куда пойти.

– Давайте Глеб вас отвезёт, сейчас я ему...

– Нет, не надо, – выпаливаю резче, чем следовало бы. – Ты же знаешь, как Алёнка всего этого стесняется. Тем более, что мы уже спускаемся в метро.

– Ну ладно, – по тону слышу, что она недовольна тем, что я отказываюсь. – Не забудьте обработать руки после подземки.

– Непременно. Это же рассадник заразы, – окончание фразы произносим в унисон.

Так предсказуемо... Наперёд знаю, что скажет.

– Напиши, когда освободишься.

– Хорошо. Целую! Пока! – спешно прощаюсь и скидываю.

Брехло.

Игнорируя осуждающий голос совести, звоню Лисицыной, чтобы предупредить о нашей легенде.

– Привет, Саш! – весело приветствует меня подруга.

– Привет, Алён. Как делишки? – захожу издалека.

– Нормально.

– Как проводишь выходные?

– В кино идём. Ульян, подожди меня, – кричит сестре. – Блин, сейчас опять понакупят всего.

– Ты с Беркутовым?

– Да.

– Молодцы, что выбрались. Слушай... у меня к тебе просьба.

– Рома, куда ей такое ведро попкорна! С неё размером! – возмущается она.

Мои губы непроизвольно растягиваются в улыбке, когда я слышу, как на пару заливисто смеются Беркутов и Лисицына-младшая.

– Короче, прошу меня прикрыть. Мы с тобой типа в аквапарке сегодня, – выкатываю без запинки, покручивая серёжку в ухе.

– В аквапарке, – повторяет подруга. Не то переспрашивая, не то запоминая.

– Ну да. Маме я сказала так...

– А на самом деле ты где? – тон становится строгим и серьёзным.

– Я и правда в аквапарке. Не переживай.

– С Паровозовым, да? – почему-то догадывается сразу же.

– Угу, с ним. Так ты прикроешь? – вижу, что парень идёт ко мне.

– Саш, не нравится мне всё это.

– Если мама будет звонить тебе, скажешь, что я отошла в туалет и беспалевно маяжнёшь мне.

– «Беспалевно». Выражаешься, прямо как он! И вообще, ты подбиваешь меня на враньё!

– Зай, ну пожалуйста, подруга ты мне или нет? – выдаю обиженно.

– Я не одобряю, Саш. И ложь, и эту твою связь с Паровозовым, – признаётся она открыто.

– Илья ведёт себя хорошо, – встречаюсь с ним взглядом.

– Нам пора на сеанс. Позже созвонимся, – ворчит Алёнка насупленно.

– Спасибо, дорогая! Ты лучше всех! Целую тебя!

Она сбрасывает вызов, и я убираю телефон в карман. Ну вроде порядок...

– С кем трещала? – Илья протягивает мне пёстрые билеты.

– С Лисицыной. Чтобы ты знал, она не в восторге от того, что мы с тобой общаемся.

– Пусть не лезет, – бросает зло. – Давай зайдём туда, – указывает на витрину.

– Окей, – поднимаюсь с дивана, и мы топаем к магазину.

За прилавком стоит женщина лет сорока. Продаёт круг мамаше с ребёнком. И пока эта мелкая вредина не может определиться, кто ему больше по душе: бэтмэн или человек-паук, мой взгляд непроизвольно задерживается на огромном розовом фламинго. Дурацкая мечта детства меня, похоже, преследует...

– Слушаю вас, молодые люди, – устало обращается к нам продавщица.

– Девчонке нужен купальник, мне плавки, – коротко сообщает Илья.

– Выбирайте. Мужское – вон там слева. Женское – позади меня. Девушка, вам слитный или раздельный? – на автомате складывает стопкой махровые полотенца.

– Сейчас подумаю.

Паровозов отправляется в мужской отдел, а я, дотошно изучив ассортимент, останавливаю свой выбор на изумрудном бикини. Весьма откровенном, но меня это почему-то не тормозит.

– Примерочная прямо по курсу, – информирует женщина.

– Спасибо.

– Я быстро! – кричу Илье, исчезая за ширмой.

Раздеваюсь и, ощущая незнакомое волнение, мурашками разбегающееся по коже, облачаюсь в купальник нереальнейшего цвета.

Осмотрев себя со всех ракурсов, прихожу к выводу, что он мне очень идёт. Немного непривычно, учитывая, что подобное я никогда не носила, но вдруг вспоминаются слова Регины, и я, гордо расправив плечи, ещё разок детально себя разглядываю.

А что, фигура у меня спортивная. Может, рискнуть? Чего стесняться?

– Сань, ты скоро?

– Ну-ка, глянь, нормальный? – решительно дёргаю занавеску вправо и принимаю соблазнительную позу, поставив при этом одну руку на бок.

Илюха задумчиво разглядывает симпатичные плавательные шорты, но в следующую секунду обращает внимание на меня и... Роняет фламинго, которого сжимает в другой руке. (Того самого, кстати, на которого я так долго смотрела). Меняется в лице. Округляет глаза и жадно скользит взглядом по моему телу. Ни один изгиб не пропускает.

– Отлично сел, – кивая, выносит вердикт продавщица. – Да, молодой человек?

– Берём, – прочистив горло, отзывается он, продолжая пялиться на меня, как на восьмое чудо света.

Глава 24 Стриптиз

В аквапарке мы с Ильёй проводим часа три. И всё это время беззаботно отрываемся как малые дети, особенно я. Мне жуть как нравятся водные аттракционы, которые здесь представлены. С каждой горки скатываемся по несколько раз. Затягивает это развлечение нещадно.

Извилистая «петля», скоростная «ракета», «спирали», «сафари», длиннющий «питон». Я даже на «унитаз» решаюсь. Эту конструкцию так называют из-за особого механизма слива воды. Смывает тебя вниз так, что аж сердце заходится.

Вообще, испытываю целый калейдоскоп чувств. Страх. Чистый восторг. Веселье. Адреналин в крови зашкаливает!

– Сейчас будет! – сообщаю, обхватив шею фламинго, на котором сижу.

– Держишься, Сань?

– Держусь! – отвечаю воинственно.

Первая волна застаёт нас у центра бассейна. Вторая, та что помощнее, сносит ближе к бортику, однако я по-прежнему остаюсь наверху.

Розовая птица, опасно качнувшись, принимает исходное положение.

– Весьма устойчивая штука, – хмыкаю я.

– Так не годится, Бесстыжая, – Илья резко наваливается своим весом на левую сторону круга, и я, не сумев сохранить равновесие, с визгом лечу в воду, обдавая фонтаном брызг всех, кто находится в радиусе двух метров.

– На фига ты это сделал?! – громко ору, барахтаясь.

Смеётся в ответ.

– Ну щас я тебе устрою! – угрожающе сдвинув брови, гребу к нему.

– Мне уже страшно, – уплывая, отзывается саркастично.

– Посмотрим-посмотрим!

Не сразу, но всё-таки догоняю. Нападаю на него сзади, взбираюсь на крепкую спину и предпринимаю попытку утопить. В итоге правда именно он утаскивает меня вниз на дно, а не наоборот.

Отбиваюсь как могу, но толку...

Когда выныриваем на поверхность, продолжаем активно бороться. В большей степени конечно я, потому что справиться с Паровозовым ой как непросто, ведь в сравнении с ним я слабачка, хоть никогда и не считала себя таковой.

– Отстань!

– Утомонись, буйная, – хохочет, крепко фиксируя в кольце своих рук.

– А ну отпустил! – командую, дёрнувшись.

– А если нет? – тембр его голоса меняется. Становится ещё ниже.

– То я тебя, да я тебя... – жадно дышу, урывками глотая спасительный кислород.

Замолкаю, ощущая, что Илья стискивает меня крепче.

Кожа к коже. А одежды-то на нас почти нет.

Тесный контакт вызывает неконтролируемое волнение и мурашки, но я стараюсь себя не выдавать. И как можно меньше думать о том, что чувствую каждую напряжённую мышцу его спортивного тела.

– Ты такая сексуальная в гневе, – произносит он в самое ухо. – В курсе?

Собираюсь сказать что-нибудь колкое, но в этот же момент нас обоих накрывает волной. Видимо, мы были чересчур увлечены друг другом, потому её и не заметили...

– Фрр!

Вода снова затекает и в рот, и в уши. Я морщусь, а ему всё ни по чём. Улыбается.

– Мой фламинго уплывает! – обеспокоенно слежу за передвижением розового гиганта.

– Никуда он не денется. Та милая старушенция за ним присмотрит.

– Она положила на него глаз, я тебе говорила! – возмущаюсь, глядя на упитанную, возрастную дамочку в рюшах, уже поймавшую яркий круг в поле своего зрения.

– Тебе жалко, что ли? Пусть покатается!

– Покатается? Да ты чего?! – пишу удивлённо.

– А чё нет? Хочет, по ходу, такой же снимок как у тебя. Спорим, залезет на него?

– Нет, не залезет, – фыркаю я.

– Так спорим? Если проиграешь, поедem ко мне.

– Я не проиграю, – топлю уверенно.

Пенсионерка не станет вытворять нечто подобное. Не станет ведь, да?

– Отвечаю тебе, она его оседлает, вот посмотришь, – смеётся Илья, наблюдая за тем, как вышеупомянутый объект женского пола, забив на внука, решительно спускается в бассейн.

– Обалдеть!

У меня слов нет. Старушенция действительно намеревается взобраться на моего фламминго. Подзывает своего деда, мирно дрейфующего на матрасе, и требует, чтобы он подтолкнул её с тыла. Во всяком случае, именно так я расцениваю развернувшуюся перед нами пантомиму.

– У них получается.

Дед покорно выполняет указ. Кряхтя что-то под нос, заталкивает тушку жены наверх. Да так интенсивно старается, что с него падает соломенная шляпа, которую он зачем-то водрузил себе на голову.

– Я в шоке, – признаюсь честно, когда бодрая бабуля, вскарабкавшись на птицу, издаёт победоносный вопль и машет своему внуку. Тоже ошалевшему от её выходки.

– Фотографию делай, Витя! – слышим даже отсюда. – На свой телефон!

– Щас грохнется, – предполагает Паровозов.

Что, собственно, и происходит уже в следующую секунду. Потому что мадам с рюшами, слишком сильно отклоняется в сторону, позирруя.

– Н-да... – качаю головой. – Ладно, пошли к «чёрной дыре», ты обещал.

Выбираемся из волнового бассейна.

– Бля, у меня уже башка гудит от этих аттракционов, Сань.

– Не матерись, тут вообще-то дети! – недовольно шикаю на него и упрямо тащу к самой страшной горке. Той единственной, которую мы не покорили.

– Давай, – по-джентльменски уступает мне право подняться по дурацкой отвесной лестнице первой.

– Может, ты? – вопросительно вскидываю бровь.

– Не-не, а страховать тебя кто будет? Лезь, – заявляет непреклонно.

– Ну ладно, – разворачиваюсь.

Подозреваю, что ему просто-напросто нравится лицеизреть мою полуголую пятую точку. Меня это несколько смущает, однако я совсем не против того, чтобы его немножечко подразнить. Вижу ведь, как смотрит. Прямо как тогда...

– Хватит вилить задницей, Харитоновна. Он и без этого только и делает, что стоит, – доносится снизу, и я едва не промахиваюсь мимо перекладины.

Зажмуриваюсь.

Вдыхаю. Выдыхаю.

Открываю глаза и продолжаю подъем.

Кое-как добравшись до площадки, занимаю очередь.

– Чё красная такая? – появившийся следом Илья явно продолжает надо мной издеваться.

– Нормальная, – отчаянно пытаюсь сохранить невозмутимым пылающее лицо. Что довольно сложно, учитывая его крайний комментарий.

– Там везде темно? – обращаюсь к работнику аквапарка, чтобы хоть как-то отвлечься.
– Узнаешь, – отзывается парень.
– Я смотрю, её как-то не особо любят посетители.
Здесь реально меньше всего народа. И это, мягко говоря, странненько.
– Экстремальная, плюс ограничения по весу и возрасту. Тебе восемнадцать есть? – бесцеремонно таращится на мою грудь.
– Да.
Не учла я одну особенность. Торчащие соски ткань не скрывает вообще...
– Чё уставился? – доносится агрессивное из-за спины.
– Так глаза на то и даны, чтобы смотреть, – не менее нагло изрекает тот.
– Работу свою делай, – наезжает на него Илья.
– Спокойно, ты чего? – поворачиваюсь к нему, но он на меня никак не реагирует. Испеляет мрачным взглядом сотрудника Ривьеры.
– Не надо быковать без повода, дружище. Иди сюда, красавица. Как зовут? – берёт меня за руку.
– Саша, – бормочу невнятно.
– Ложимся на спину, Саша. Ноги вниз опускаем. Не раздвигай их широко. И сгруппируйся заранее.
Он меня инструктирует, но я мало что слушаю. Потому что переживаю из-за глупого конфликта.
– Готова?
– Да.
– Отпускаю.
Сообразить, что к чему, не успеваю. Падаю в трубу. Стремительно набирая скорость, неприятно бьюсь почками о пластмассовые стенки и, кажется, начинаю понимать истинную причину нелюбви посетителей к этому расчудесному аттракциону.
– Ааа! Мамочки! – кричу, когда закрытая труба вдруг становится до середины открытой.
Моргаю, уставившись на высокий потолочный купол. Лихорадочно молюсь. Прошу Боженьку, чтоб не убились тут по нелепости.
К счастью, длится это недолго. Снова проваливаюсь в кромешную тьму.
– Блин, нет...
Прижимаю руку к груди, придерживая верх от купальника.
Развязался!
Ещё этого не хватало!
Бляха-муха!
Колбасит меня в этом тоннеле так, что аж дурно становится. Но апофеоз острых ощущений впереди. Когда труба выплёвывает меня наружу, я ору во всю глотку. Высота приличная, и внезапное свободное падение пугает до чёртиков. Аж внутренности скручивает, клянусь!
Бах!
Всплеск.
Разрезаю ступнями толщу воды.
Ухожу глубоко-глубоко. Ко дну.
Усиленно гребу руками, выталкивая себя ногами к поверхности.
– Гррр! – плююсь хлорированной водой. Правда о её вреде думаю в последнюю очередь.
Твою мать, твою мать!
Быстренько плыву к ступенькам. Останавливаюсь чуть левее, у бортика. Обнимаю себя руками и в растерянности осматриваю внушительную территорию бассейна. Ищу глазами кусок зелёной ткани, но как назло, верха от купальника нигде нет. Ещё и лежаки наши с полотенцами фиг знает где. Незаметной туда не добаться.

Скривившись, принимаю порцию брызг. Радости моей нет предела, когда до меня доходит тот факт, что это Паровозов.

Вон он. Выныривает и брасом плывёт сюда.

– Чё встала там? Пошли! Мы уезжаем, – бросает грубо.

– Не могу! Я верх от купальника где-то потеряла!

– Всё равно эта тряпка что есть, что нет... Выходи давай, – выдаёт на полном серьёзе.

– Ты в своём уме? Никуда я так не пойду!

– Ну сиди. Или вон крикни погромче. Попроси своего нового знакомого прийти на помощь, – советует сердито.

– Кретин! – хочется расплакаться от обиды, однако я держусь.

Скрипнув зубами, отправляюсь на поиски злополучных треугольников. Проплываю по кругу. Да только ничего по периметру не обнаруживаю.

– Хватит отсвечивать голыми сиськами, изображая из себя грёбаную русалку! Здесь дети, если ты забыла, – язвительно звучит совсем рядом.

– Козёл!

– Трусы-то на месте? Или тоже планируешь потерять?

– Да пошёл ты! – бью кулаком по воде.

Скотина! Вместо того, чтобы помочь мне, насмехается!

– Под него зашла быстро, – тащит меня в сторону красно-белого грибка, со шляпки которого сплошной стеной стекает вода. – И не вздумай, высовываться, пока я не вернусь!

Прячась под грибком, ощущения испытываю двойственные. Я вроде как в безопасности, и мой купальник ищут, но... Есть ведь вероятность того, что кто-то из посетителей в любой момент может сюда заявиться. Потому и нервничаю.

Отвернувшись к ножке гриба, то и дело суетливо кручу головой по сторонам, ожидая возвращения Паровозова, приказавшего «не высовываться».

Очень надеюсь, что поиски лифа закончатся успешно. В крайнем случае, пусть несёт мне полотенце или какую-нибудь одежду. Хотя исчезнувший купальник, конечно, очень жалко.

«Крикни погромче. Попроси своего нового знакомого прийти на помощь»

Фыркаю.

Злитесь значит...

Ну не дурак ли?

Что это вообще такое? Необоснованная ревность? Хм...

«Всё равно эта тряпка что есть, что нет»

Честно, не совсем его понимаю. В магазине он мой выбор явно одобрил, что потом-то началось?

Нахмурившись, только сейчас детально анализирую поведение Паровозова. Вспоминаю, как заворачивал меня в полотенце каждый раз, когда выбирались на сушу. Как ставил строго перед собой в очередях на горки и как смотрел коршуном на каждого персонажа мужского пола, находящегося поблизости. Тогда я не особо придавала этому значение, но теперь, кажется, пазл складывается...

– Чего так долго? – нападаю на парня, как только он появляется под грибком. – Ты нашёл его?

– Ну допустим, – проходит ладонью по намокшим волосам, убирая их назад.

– Давай его скорее сюда! – подгоняю настойчиво.

Но исполнять моё требование Ильи не спешит. Молча меня разглядывает. Обжигает горящим взглядом открытую шею, обнажённую спину. Спускается от лопаток к талии, ягодицам. И я, естественно, тут же вспыхиваю костром.

– Сначала повернись, – выдаёт он вдруг.

– Ага, щас! – ворчу возмущённо.

– Слабо? – хитро прищуривается.

– Нет.

– Тогда давай, покажи мне их. И получишь свою тряпку, – бросает с вызовом, склонив голову чуть влево.

– Прямо сейчас показать? – уточняю на всякий случай.

– Прямо сейчас, да, – нагло припечатывает, кивая.

Играем в гляделки. Кто кого пересмотрит по времени. Не моргая.

Что ж...

– Ладно, – нервно посмеиваясь, всерьёз намереваюсь сделать то, что он просит.

Отлепившись от широкой, пятнистой ножки гриба, разворачиваюсь и убираю руки вниз.

– Так нормально? Или ещё пожелания будут? – дерзко задираю подбородок.

Показушная смелость даётся ой как непросто, но я стараюсь «держать марку», и его вытянувшаяся физиономия определённо стоит затраченных усилий...

Сглатывает.

Кадык дёргается.

Когда решительно шагает на меня, мнимая храбрость мгновенно улетучивается.

– Гони купальник. Быстро, – буквально заставляю себя произнести эти слова, однако Илья как-будто не слышит.

Одну ладонь кладёт мне на затылок, вторую заводит за спину и резким движением прижимает к себе, вследствие чего моя грудь касается его пылающей кожи.

Дыхание перехватывает. Неистовое волнение стремительно распространяется по всему телу, а пустившееся вскачь сердце начинает лихорадочно частить дробным ритмом.

Задушенно ойкнув, замираю. В смятении наблюдаю за его реакцией.

Илья на пару секунд прикрывает глаза. Затем, распахнув их, впивается в меня одурманенным взглядом.

Зрачки расширены.

Вижу своё отражение в них.

Боюсь пошевелиться, но взгляд не отвожу, хотя безумно стыжусь того, что чувствую.

Меня влечёт к нему со страшной силой.

– Иди сюда, Бесстыжая, – давит на затылок, наклоняется, подаётся навстречу, и наши губы соединяются...

Наконец-то! Только сейчас понимаю, как отчаянно этого ждала. Как долго!

Илья жадно и страстно исследует мой рот. Тянет за волосы, собранные в хвост. Наматывает его на кулак, вынуждая подняться на носочки.

– Стой, вдруг...

Договорить не даёт. Притесняет к столбу внушительной фигурой, снова обрушивая на меня свой жёсткий напор.

Абсолютно потерявшись в ощущениях, жарко отвечаю на его поцелуи. Откровенные, развязные и требовательные.

Мы всё ближе друг к другу. Мокрые и вскипевшие.

Каждое прикосновение током по нейронам расходится.

Будоражит до дрожи и трепета.

Заставляет желать большего, как не стыдно это признавать...

Хватаюсь за Илью, когда он вдруг переключается на изгиб шеи и достаточно грубо прикусывает тонкую кожу.

– Ммм...

Надо бы срочно остановить это и подумать о том, что завтра там останутся следы, но вместо этого я лишь зажмуриваюсь и блаженно выпускаю из себя какой-то пошлый звук.

Божечки...

Как же это невероятно приятно. Даже когда больно.

– Ещё... – прошу бессовестно, и тут же, задохнувшись, жалобно постанываю оттого, что мучительно-сладкая пытка повторяется.

– Вот бы тебя трахнуть, Рыжая. Прямо здесь, – тяжело дыша, хрипло произносит в ухо.

– Сдурел? – разомкнув веки, испуганно цепляюсь за ускользающую реальность.

– Тихо.

– Что ты делаешь? – спрашиваю растерянно, когда разворачивает к столбу.

– Да не бойся ты, – плотно прижимает спиной к себе.

– Не надо, мы же...

Вздрыгнув, замолкаю. Потому что его ладонь нетерпеливо накрывает и стискивает мою грудь.

– Илья...

– Тссс, не дёргайся. Дай потрогать. Последние часа три только это себе и представлял, – сознаётся, стиснув её сильнее.

– Она тебе нравится, да? – поднимаю правую руку, обхватив его за шею. Взмокшую не то от воды, не то от напряжения, которое есть между нами.

– Бля, Сань... Я пиздец как хочу тебя, – толкается возбуждённым пахом в мои ягодицы и рвано выдыхает.

Матерится опять, но с таким чувством это говорит, что мураши ползут вдоль позвоночника.

– Пошалим немного.

– Стой!

Но поздно.

Уверенно скользнув по моему животу пальцами, спускается ниже.

Глава 25 Обесточена

В машине сперва едем молча, но потом, как и ожидается, Паровозова резко пробивает на ржач.

- Ты придурок! – бью его по плечу, в то время как застреваем на долгом светофоре.
- Да расслабься ты, Сань!
- Расслабься? – пишу на верхах. – Нас застукал какой-то мужик! Позорище!
- Застукал? Брось, он ни хрена не понял, – уверяет, снова хохотнув.
- Всё он понял! Твоя рука была у меня в трусах! – напоминаю, заливаясь краской.
- Ну этого

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.